

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И. И. ПОЛЗУНОВА
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ: ПОИСК ИСТИНЫ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ФИЛОСОФИИ для практических занятий и самостоятельной работы студентов

ЧАСТЬ 1

БАРНАУЛ 2004

Философия: поиск истины. Учебное пособие по философии для практических занятий и самостоятельной работы студентов. Часть 1 /Составитель – Васильев С. Ф. / Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова. –

Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. - 234 с.

Данное пособие предназначено для подготовки к практическим занятиям и самостоятельной работы студентов в рамках базового курса философии. Оно представляет собой собрание философских текстов и заданий к ним.

Материал поможет лучше понять специфику философских проблем и способы работы философов над их решением.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРЕДИСЛОВИЕ.....	2
2. ПРЕДМЕТ И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ.....	3
3. УЧЕНИЕ О БЫТИИ.....	10
4. ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ.....	19
5. ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА.....	28
6. ЭЙДОЛОГИЯ.....	37
7. ДИАЛЕКТИКА.....	46
8. УЧЕНИЕ О ДУШЕ И СОЗНАНИИ.....	60
9. ГНОСЕОЛОГИЯ.....	68
10. ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОЛОГИЯ.....	86

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель данного пособия – помочь студентам в освоении базового курса философии. По каждой теме представлены философские тексты, отражающие значимые точки зрения известных мыслителей по какой-либо проблеме и задания к ним. Поэтому каждый учащийся может самостоятельно определить, в чем суть проблемы, какие основные позиции по ней существуют, каким образом эти позиции аргументируются. Это позволяет выработать самостоятельные и обоснованные философские убеждения. Отчасти же это собрание текстов представляет собой дополнение к лекционному курсу. В первую очередь это относится к тестовым заданиям. При выполнении этих заданий необходимо *объяснять* правильность вашего решения. В тестовых заданиях собраны элементы различной сложности. Некоторые из них трудно однозначно отнести к той или другой категории. Если встречается такой случай, то надо осознать эту трудность и постараться как можно более конкретно сформулировать ее.

Подбор текстов преследует цель расширения сознания учащихся за счет приобщения к тысячелетнему опыту размышления великих философов о мире и человеке. Тексты даны в достаточном для понимания контексте, хотя прочтение некоторых сначала может вызвать некоторые трудности. Философские тексты надо читать внимательно, вчитываясь и перечитывая. Работа с текстами позволит получить навык понимания позиций других людей, определения степени ее обоснованности, умения выделять зерно истины из казалось бы далекой от действительного понимания предмета точки зрения на него.

Некоторые тексты призваны помочь осознать связь абстрактных философских проблем с конкретной жизнью. Другие тексты способствуют пониманию взаимосвязи различных разделов философского знания. В квадратных скобках – [] даны необходимые пояснения к тексту или к некоторым его терминам.

Пособие предназначено для стимуляции самостоятельной мыслительной деятельности учащегося. Поэтому его изучение предполагает известное умственное напряжение. Но без этого нет подлинного развития, подлинного движения вперед. Как говорили древние: через тернии к звездам!

ПРЕДМЕТ И СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ

№1. Здесь помещены 4 текста из четырех произведений. Определите, к какому произведению из нижепречисленных относится каждый текст:

1. Вл. Соловьев Критика отвлеченных начал
2. Чжуан-цзы
3. Ветхий Завет. Первая книга Моисеева. Бытие. Глава 1.
4. Гесиод. О происхождении богов. Теогония

Определите какой форме мировоззрения – мифологической, религиозной или философской соответствует каждый из этих текстов.

I

1 Сотворение неба и земли, сотворение человека.

- 1 В начале сотворил Бог небо и землю.
- 2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.
- 3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.
- 4 И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы.
- 5 И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.
- 6 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.
- 7 И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.
- 9 И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.
- 10 И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что *это* хорошо.
- 11 И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.
- 12 И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что *это* хорошо.
- 13 И был вечер, и было утро: день третий.
- 14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов;
- 15 И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.
- 16 И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды;
- 17 И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,
- 18 И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что *это* хорошо.
- 19 И был вечер, и было утро: день четвертый.

20 И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.

21 И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.

22 И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

23 И был вечер, и было утро: день пятый.

24 И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

25 И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что *это* хорошо.

26 И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

28 И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

29 И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам *сие* будет в пищу;

30 А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, *дал* Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

31 И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма, И был вечер, и было утро: день шестый.

II

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом

Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,

Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,

И, между вечными всеми богами прекраснейший, - Эрос.

Сладкоистомный, - у всех он богов и людей земнородных

Душу в груди покоряет и всех рассуждения лишает.

Черная Ночь и угрюмый Эреб родились из Хаоса.

Ночь же Эфир родила и сияющий День иль Гемеру:

Их зачала она в чреве, с Эребом в любви сочетавшись.

Гея же прежде всего родила себе равное ширью Звездное Небо,

Урана, чтоб точно покрыл ее всюду

И чтобы прочным жилищем служил для богов

всеблаженных;

Горы потом народила, - приятный приют для бессмертных

Нимф, обитающих в чашах нагорных лесов многотенных;

Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,

Шумное море бесплодное Понт.

А потом, разделивши Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий,

Коя и Крия, еще - Гипериона и Напета, Фею и Рею, Фемиду великую и Мнемосину,

Златовенчанную Фебу и милую видом Тефию.

После их всех родился, меж детей наиболее ужасный, Крон хитроумный.

Отца многомощного он ненавидел.

III

Итак, абсолютное есть *ничто и все* - ничто, поскольку оно не есть что-нибудь, и все, поскольку оно не может быть лишено чего-нибудь. Это сводится к одному и тому же, ибо все, не будучи чем-нибудь, есть ничто, и, с другой стороны, ничто, которое *есть* (положительное ничто), может быть только всем. Если оно есть ничто, то бытие для него есть другое, и если вместе с тем оно есть начало бытия (как обладающее его положительною силой), то оно есть начало своего другого. Если б абсолютное оставалось только самим собою, исключая свое другое, то это другое было бы его отрицанием, и, следовательно, оно само не было бы уже абсолютным. Другими словами, если б оно утверждало себя только как абсолютное, то именно поэтому и не могло бы им быть, ибо тогда его другое, неабсолютное, было бы вне его как его отрицание или граница, следовательно, оно было бы ограниченным, исключительным и несвободным. Таким образом, для того чтобы быть чем оно есть, оно должно быть противоположным себя самого или единством себя и своего противоположного,

denn Alles muss in Nichts zerfallen

Wenn es im Seyn beharren will.

И все к небытию стремиться,

Чтоб к бытию причастным быть.

Этот верховный логический закон есть только отвлеченное выражение для великого физического и морального факта любви. Любовь есть самоотрицание существа, утверждение им другого, и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение. Отсутствие самоотрицания, или любви, то есть эгоизм, не есть действительное самоутверждение существа, — это есть только бесплодное, неудовлетворимое стремление или усилие к самоутверждению, вследствие чего эгоизм и есть источник всех страданий; действительное же самоутверждение достигается только в самоотрицании, так что оба эти определения суть необходимые противоположные себя самих. Итак, когда мы говорим, что абсолютное первоначало, по самому определению своему, есть единство себя и своего отрицания, то мы повторяем только в более отвлеченной форме слово великого апостола: Бог есть любовь.

IV

В начале начал было Отсутствие, и не было у него ни свойств, ни имени. Из него появилось Единое. Появилось Единое, но еще не было форм. А то, благодаря чему живут все вещи, называется жизненными свойствами. Когда еще нет форм, уже есть различие. Неизбежное, не допускающее разрывов, зовется Судьбой. Благодаря остановке в движении рождаются вещи. Вещь, осуществившая в себе свой жизненный принцип, зовется Формой. Форма хранит в себе Дух. Каждая форма имеет свои правила, и вместе они зовутся Природой. Кто печется о своей природе, возвращается к жизненной Силе. А кто достиг предела Силы, становится единым с Началом. Становясь едиными, мы опустошаем себя, будучи пусты, мы становимся великими, а будучи великими, приводим к согласию щебет всех птиц. Согласие всех голосов согласуется с Небом и Землей.

Это согласие столь безыскусно!

Ты кажешься глупцом, ты кажешься помраченным.

Вот что зовется Глубочайшею Силою,

И в ней мы едины с Великим Движением!

Небесный Путь влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все сущее свершает в нем свою судьбу. Путь предков влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому весь мир ему покорен. Путь мудрецов влечет по кругу, не воздвигая преград, и потому все живое в пределах морей ему послушно.

Кто прозрел Небо, стяжал мудрость и познал тайну царственных предков, тот в своих действиях неизменно покоен, даже сам того не замечая. Мудрец покоен не потому, что считает покой добродетелью. Он покоен потому, что ничто на свете не заронит тревогу в его сердце. Стоячая вода так покойна, что в ней отразится каждый волосок на нашем лице, и она так ровна, что послужит образцом даже для лучшего плотника. Если вода, будучи покойной, способна так раскрывать природу вещей, то что же говорить о человеческом духе? О, как покойно сердце мудрого! Оно есть ясный образ Неба и Земли, зеркало всех вещей.

№2. I раздел отражает античное мировоззрение, II – средневековый взгляд на мир, III – выражает воззрение философии Нового времени. Попробуйте определить, что наиболее характерно для античной, средневековой и новоевропейской философии? Что лежит в центре их размышлений, на чем они сосредоточены?

I Раздел

1. Все видимое – не для человека, но ради блага целого все возникает и погибнет в (процессе) перехода одного в другое... ни добро, ни зло в смертном не может увеличиться или уменьшиться, и богу нет надобности вносить новые исправления; бог не вносит поправок во вселенную, очищая ее посредством потопа или пожара, он не похож на человека, неудачно построившего или неумело смастерившего что-либо. Помимо того, если тебе что-либо кажется злом, то еще неизвестно, зло ли это; ибо тебе неизвестно, что полезно тебе, или другому, или космосу. Цельс

2. КОСМОС (*греч.* украшение, порядок), в греческой мифологии и философии начиная с Анаксимандра, Пифагора и Эмпедокла – мировой порядок, мировое целое, которое в отличие от хаоса не только упорядочено, но и прекрасно в силу царящей в нем гармонии.

3. Ибо, восприняв в себя смертные и бессмертные живые существа и пополнившись ими, наш космос стал видимым живым существом, объемлющим все видимое, чувственным богом, образом бога умопостигаемого, величайшим и наилучшим, прекраснейшим и совершеннейшим, однородным небом. Платон

4. Сократ. Не скажем ли мы, что в нашем теле есть душа?

Протарх. Ясно, что скажем.

Сократ. Откуда же, дорогой Протарх, оно взяло бы ее, если бы тело Вселенной не было одушевлено, заключая в себе то же самое, что содержится в нашем теле, но, сверх того, во всех отношениях более прекрасное?

Протарх. Ясно, что больше взять ее неоткуда, Сократ. Платон

5. Так, через расприю управляется все всегда,

Из Всего – все вещи, и из всех вещей – Все,

Все вещи – одно, каждая – часть Целого, все в одном:

Ибо все эти-вот вещи возникли из некогда единого Целого,

А из всех вещей некогда, в предопределенное время, снова будет одно,

Вечно сущее одним и многим, причем их невозможно увидеть одновременно.

Много раз будет повторяться одно и то же, и никогда не наступит конец.

Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей.

Так бессмертная смерть осеняет все окрест.

Человек и все тленное умирает, а бытие

Будет неуничтожимым и сущим всегда, поскольку оно таково.

Оно будет изменяться лишь всевозможными кажущимися обликами и очертаниями формы,

Скрываясь от взора всех смертных. Лин

II Раздел

1. Так как благой и преблагой Бог не удовлетворялся созерцанием Себя Самого, но по преизбытку благодати Своей благоволил, чтобы произошло нечто, пользующееся Его благодеяниями и причастное Его благодати, - то Он приводит из несущего в бытие, и созидает все как видимое, так и невидимое, также и человека, состоящего из видимого и невидимого. Он творит мыслью, и эта мысль, приводимая в исполнение словом и совершаемая духом, становится делом. Св. Иоанн Дамаскин

2. Да! Меня не было бы, Боже мой; я вовсе не существовал бы, если бы ты не был во мне или, точнее, я не существовал бы, если бы не был в тебе, из которого все, в котором все. Августин Блаженный

3. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины после Евангелия. Раз мы верим (во что-то), то не желаем верить ничему сверх этого: ибо в это мы верим прежде всего. И нет ничего более, во что мы должны были поверить. Тертуллиан

4. Я желаю знать Бога и душу... более ничего? – Решительно ничего. Августин Блаженный

III Раздел

1. Итак, какое соединение членов, какое расположение линий, какой облик могут быть в действительности или в помыслах более прекрасными, чем человеческие!...о том, сколь велика и блестяща его сила, свидетельствуют многие великие и блестящие деяния человека и орудия, чудесным образом изобретенные и освоенные...бог сделал человека прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим, и, наконец, могущественнейшим. Джанноццо Манетти

2. Последним пределом, высшей целью всего человеческого развития, является *свобода*... Таким образом, то, что мы называем человеческим миром, не имеет другого непосредственного творца, кроме человека, который создает его, отвоевывая шаг за шагом от внешнего мира и от своей собственной животности свою свободу и человеческое достоинство. Михаил Александрович Бакунин

3. Итак, отбросив все то, относительно чего мы можем каким-то образом сомневаться, и, более того, воображая все эти вещи ложными, мы с легкостью предполагаем, что никакого Бога нет и нет ни неба, ни каких-либо тел, что сами мы не имеем ни рук, ни ног, ни какого бы то ни было тела; однако не может быть, чтобы в силу всего этого мы, думающие таким образом, были ничем: ведь полагать, что мыслящая вещь в то самое время, как она мыслит, не существует, будет явным противоречием. А посему положение *Я мыслю, следовательно, я существую* – первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в ходе философствования. Рене Декарт

4. Я ничто не в смысле пустоты: я творческое ничто, из которого я сам как творец все создам...

Мое же дело не божественное и не человеческое, не дело истины и добра, справедливости, свободы и т. д., это исключительно мое, и это дело, не общее, а единственное – так же как и я – единственный.

Для Меня нет ничего выше Меня. Макс Штирнер

№3. В чем заключается сходство и различие между философией и наукой?

Матвей Моисеевич Рубинштейн «Основная задача философии». Расширив понятие науки, мы можем, таким образом, определить науку как самодовлеющее искание истинных знаний, устанавливаемых в систематической общезначимой доказательной форме в исследованиях, проводимых с определенной точки зрения и по определенному, логически оправданному методу. Бескорыстное стремление к истине, объективности, определенный основной принцип рассмотрения предмета, метод и система - вот те признаки, которыми наиболее общо определяется наука, хотя уже признак бескорыстия вызвал и вызывает целый ряд возражений, так как он угрожает лишить достоинства науки целый ряд прикладных ветвей знания.

Если мы остановимся на приведенных нами чисто формальных признаках, то философия обладает всеми бесспорными правами на достоинство науки. Она, пожалуй, даже более, чем какая-либо иная наука, живет идеей истины, принципиальности, объективности, метода и системы, и этим она резко отделена от непосредственной жизни и от художественного творчества, с которыми были попытки сроднить ее. Вся ее в особенности позднейшая история указывает не только на тяготение философии к науке, но в наш век она питалась наукой и ее задачами в их основоположениях, расплачиваясь за это утратой интереса ко многим своим кровным задачам. Но у нее есть целый ряд свойств, и притом таких свойств, которые далеки от второстепенного значения и которые заставляют подчеркнуть, что философия вовсе не исчерпывается предикатом [признаком] науки в обычном смысле этого слова...

В то время как науки дробят действительность, отвлекаются от целого и берут часть, они, без сомнения, становятся отвлеченными; известный, хотя бы условный, род фикции, в виде ли мнимой неподвижности, или изоляции, или фиктивного объединения и т. д., заключается в самой их сущности, разрознивающей действительность, разделяя ее на части или изолируя одну точку зрения: философия же жизненно заинтересована в цельности, полноте и потому должна быть противопоставлена науке как учение о живой полноте, как учение в этом смысле по преимуществу конкретное.

Именно потому философия не мирится с положением специальной науки среди других, а, несмотря на тягостные недоразумения, может смело претендовать на трон, принадлежащий ей по традиции. Она именно потому может дать больше науки в обычном смысле, что она в глубине своей вырывает нас из пучины житейских и научных частных и мелочей и из скованности отдельными областями. Великое «удивление» обозначает пробуждение духа философа перед миром, это падение власти частных и отвлеченности, когда человеческому духу впервые открывается перспек-

тива бесконечности целого, возможность устремиться к пониманию его, а это значит не только познать его умом, но открыть многое и чувству и воле. Особое положение философии подчеркивается и ее взаимоотношением со всеми отдельными науками. Входя в них своими отдельными ветвями и находясь с ними в кровном родстве в целом ряде направлений, она вместе с тем не уместается в их рядах уже потому, что она должна обосновать те принципиальные основы, которые предполагаются отдельными науками; она должна стоять над ними как теория основоположений, как наукоучение, но она не только наукоучение...

И вот именно потому философия не есть только учет действительности, как бы мы широко ни истолковывали это понятие; в противоположность науке она не только психологически - в жизни автора и читателя, - но и сама по себе является, как нечто конкретное, особой сферой жизни, культурного созидания. Она не исчерпывается и не удовлетворяется тем, что есть и что действительно: она сама стремится творить действительность и обогащать фактический мир. Было бы несправедливо и нежизненно изолировать одну сторону ее жизни от другой, как это нередко делается теперь некоторыми писателями. В горделиво самоуверенном заявлении метафизика в ответ на речи о противоречащих его теории фактах «тем хуже для фактов» не все анекдотично и курьезно; в нем кроется глубокая черточка правды, голос сознания, что философия не исчерпывается одними фактами и не должна становиться их рабой. Об этом царственном положении философии и говорит то, что в ее ведении оказываются все сферы должного, все сферы абсолютных ценностей человеческой мысли.

Философия должна вспомнить о смысле своего многообязательного названия: она должна выявить мудрость, она не исчерпывается основоположениями наук, она должна быть конкретна, в то время как все науки в узком смысле отвлеченны; она есть учение о миросозерцании - не только о формальных основах его, но она есть одетое в плоть и кровь мысли и чувства миросозерцание *само*, созерцание мира во всей его полноте фактического, и творимого и должного-идеального. Этим и объясняется та роль, какую играло и играет понятие Бога и веры в философских учениях прошлого и настоящего и, без сомнения, будет всегда играть в построениях будущего...

Все это приводит нас к пониманию философии как учения о мире в широком смысле этого слова; она есть само миросозерцание, проводимое теоретически по определенному методу в направлении на единую, цельную, общеобязательную систему. В центре этого учения должно стоять жизнепонимание... Вопросы о мире и жизни людей и те же вопросы специалистов-философов - философствование простого человека и творца системы различны не в сути, а в том, каким путем мысль обоих идет к одной и той же великой цели: первый идет ощупью, бездоказательно и бессистемно, путаясь без определенного метода; второй не исключает индивидуальности, чутья и прозрения, но он приходит к ним на помощь во всеоружии метода и системы...

Таким образом, для философии есть только один жизненный путь: это - мудрость, учение о мире и жизни во всей их широте. Именно потому в философии так велика роль и ценность убеждения, потому что она обращается ко всем сторонам человека и говорит о всей мировой и жизненной полноте: шаблонное понятие правильности и истинности уже не может вместить всей ее глубины...

Философия поэтому всегда захватывает нас с непосредственно жизненной стороны и насыщает теплом или отталкивает своей личной и жизненной неприемлемостью для нас. Именно потому и оказывается возможным аргументировать в ней «за» и «против» указанием на удовлетворение или неудовлетворение интимнейших запросов человеческой души, - не только теоретического духа, но и воли и чувства и всей полноты личности. Философская правда есть всегда не просто объективная истина, но и субъективно приемлемое положение.

№4. Попробуйте определить, в каких отрывках *преобладает* философское созерцание, постановка проблемы, размышление и теоретизирование, обоснование своих взглядов и критика других точек зрения.

Хосе Ортега-и-Гассет «Что такое философия?»

1) Истина в том, что я существую вместе с моим миром и в моем мире и я состою в том, чтобы заниматься этим миром, видеть его, воображать, мыслить о нем, любить его и ненавидеть, быть печальным или радостным в нем и из-за него, двигаться в нем, изменять его и одерживать его. Ничто из этого не могло бы быть мною, если бы мир не существовал со мной, передо мной, кругом, окружая меня, показывая себя, повергая меня то в восторг, то в отчаяние. Но что это? С чем мы нечаянно столкнулись? Это исходное определение - кто-то, кто видит и любит, и ненавидит, и требует этот мир, и в нем движется и совершает усилия, страдает из-за того - не это ли испокон веков называется в самом скромном универсальном словаре «моей жизнью»?... Мне дана «моя жизнь», моя жизнь - это прежде всего то, что я нахожусь в мире, не в каком-нибудь неопределенном, а в этом мире, в нем теперешнем, и не просто в этом театре, а именно в этот момент, занимаясь тем, чем я в нем занимаюсь, в этом театральном фрагменте моего жизненного мира, - я философствую... Вот почему философия прежде всего обнаруживает того, кто философствует, кто хочет мыслить о всеобщем и для этого ищет нечто несомненное.

2) Первое, что должна сделать философия, - определить, что такое эта данность: «моя жизнь», «наша жизнь», жизнь каждого. Жизнь - это способ радикального бытия: любая другая вещь и способ бытия обнаруживается мной в моей жизни, внутреннее, как ее деталь, они связаны. В ней находится все остальное, как бы включенное в нее, как бы переживаемое. Самое трудное математическое уравнение, самое абстрактное и значительное понятие философии, сам Универсум, сам Бог - это то, что я обнаруживаю в моей жизни, то, чем я живу. И их радикальное и первичное бытие, стало быть, пережито мной, и я не могу определить, чем они являются в качестве пережитых, если не выясню, что значит «жить»... Философия, вернее, философствование, бесспорно, является жизнью - как бег, влюбленность игра в гольф, возмущение политикой, светские занятия. Все это формы и образы жизни. Стало быть, коренной вопрос философии в том, чтобы определить этот образ бытия, эту первичную реальность, которую мы называем «вашей жизнью». Итак, жить - это то, чего никто не может сделать за меня, - жизнь существует без права передачи это не абстрактное понятие, это мое индивидуальнейшее бытие.

3) Существование вещей как существование независимое от меня сомнительно, следовательно, оставим реалистическое понятие античных философов. Напротив, несомненно, что я мыслю о вещах, что мое мышление существует и что, стало быть, существование вещей зависит от меня, представляет собой мою мысль о них; такова бесспорная часть идеалистического тезиса. Поэтому мы принимаем его, но, чтобы принять, хотим лучше понять и задаем вопрос - в каком смысле и каким образом зависят от меня вещи, когда я мыслю о них, - чем *являются* вещи, когда я говорю, что они лишь мои мысли? Идеализм дает ответ: вещи зависят от меня они являются мыслями в том отношении, что представляют собой содержание моего сознания, моего мышления, состояния моего Я. Это вторая часть идеалистического тезиса, и ее мы не принимаем. Мы не принимаем ее, потому что это бессмыслица - не потому что она неистинна, а по причине более простой: фраза чтобы не быть истинной, должна иметь смысл: из ее доступного смысла мы делаем вывод, что она ложна, поскольку понимаем что утверждение $2 + 2 = 5$ ложно. Но эта вторая часть идеалистического тезиса лишена смысла, является нелепостью наподобие «круглого квадрата». Пока этот театр - театр он не может быть содержанием моего Я. Мое Я не обширно и не синего цвета а этот театр синего цвета и обладает объемом, что я содержу в себе и чем являюсь, это лишь мое мышление и видение этого театра, мое мышление и видение звезды, но не тот и не другая. Зависимость между мышлением и его объектами не в том, что они содержатся во мне в качестве моих составляющих, как полагал идеализм, а, наоборот, в том, что я нахожу их как отдельные, отдаленные от меня, находящиеся передо мной. Значит, утверждение, что сознание есть нечто закрытое, отдающее себе отчет лишь в том, что содержится внутри него, ложно. Напротив, я отдаю себе отчет, что мыслю, когда, например, осознаю, что вижу звезду или думаю о ней; и тогда, из того, что я отдаю себе отчет, следует, что существуют две вещи различные, хотя и связанные одна с другой: я, видящий звезду, и звезда, видимая мною. Я нужен ей, но и мне тоже нужна она.

4) Жизнь - это то, чем мы являемся, что мы делаем: т. е. она на всех вещей самая близкая для каждого... Наш метод будет состоять в том, чтобы замечать одно за другим свойства нашей жизни в порядке от наиболее внешних к самым внутренним, от периферии Жизни к ее пульсирующему центру. Следовательно, мы обнаружим ряд последовательных определений жизни, каждое на которых сохраняет и углубляет предшествующие.

И вот первое. Жизнь - это то, что мы делаем, и то, что с нами происходит, - от мыслей и мечтаний или побуждений до игры на бирже или победного сражения. Но разумеется, ничто из того, что мы делаем, не является нашей жизнью, если мы не отдаем себе в этом отчета. Это первое решающее свойство, с которым мы сталкиваемся: жизнь - это удивительная, уникальная действительность, которая обладает привилегией существовать для самой себя. Жить - это значит ощущать жизнь, осознавать свое существование, где «осознавать» подразумевает не интеллектуальное знание, не какие-либо специальные познания, а удивительное присутствие жизни для каждого: без этого осознания, без отдавания себе отчета мы не ощутили бы и зубной боли. Камень не чувствует и не знает, что он камень: для себя самого, как и для всех остальных, он совершенно слеп. Напротив, жизнь - это открытие, не утверждение бытия, а понимание или видение, отдавание себе отчета в том, что является ею. Бесперывное открытие, которое мы совершаем относительно себя и окружающего мира. Сейчас давайте дадим объяснение и юридический статус этому удивительному притяжательному местоимению, которое мы употребляем, произнося «наша жизнь»; она ваша, поскольку, кроме того, что она есть, мы отдаем себе отчет, что она есть и какова она.

Жизнь в самом деле оставляет поле возможностей внутри мира, но мы не свободны - быть или не быть в этом сегодняшнем мире. Можно отказаться от жизни, но если живешь, нельзя выбрать для этого мир. Это придает жизни трагичность. Жить - это не выбирать по вкусу предварительно понравившееся место, как выбирают, в какой театр пойти вечером, - это значит оказаться, вдруг и не иная как, ввергнутым, попавшим, заброшенным в мир, который невозможно поменять, - в мир сегодняшний. Наша жизнь начинается постоянным удивлением по поводу нашего существования - без нашего предварительного согласия, в непредсказуемом мире, подобно потерпевшим кораблекрушение. Не мы сами даем себе жизнь, но обнаруживаем ее как раз тогда, когда обнаруживаем сами себя. Подобное же происходит, если некто спящим перенесен за кулисы театра и, разбуженный внезапным толчком, выпущен на сцену перед публикой. Оказавшись там, что обнаруживает этот персонаж? Ведь он в сложном положении, не зная, ни зачем, ни как оказался на сцене; сложность в том, что нужно разрешить каким-нибудь достойным образом эту демонстрацию себя публике, чего он не добивался, не предвидел, к чему не был готов. В основных чертах жизнь всегда непредвиденна. Нас не предупреждают перед появлением в ней - на ее сцене, всегда определенной и конкретной, - мы не бываем подготовлены.

Этот внезапный, непредсказуемый характер и составляет сущность жизни. Совсем другое дело, если бы мы могли подготовиться к ней, прежде чем войдем в нее. Как говорил Данте: «Стрела, которую ждешь, летит медленнее». Но жизнь в целом и в каждый момент похожа на выстрел в упор. Мне кажется, этот образ довольно точно передает сущность жизни. Жизнь дана нам, лучше сказать, брошена вам, или мы брошены в нее на то, что дано нам; жизнь - это проблема, которую должны решать мы. И не только в особо трудных случаях, которые мы определяем как конфликты или трудные ситуации, а всегда. Если вы пришли сюда, значит решились на то, чтобы: прожить этот отрезок жизни таким образом. Другими словами: мы живем, поддерживая себя на весу, влача тяжесть жизни по перекресткам мира. Тем самым мы не предрешаем, печально или весело наше существование: каково бы оно ни было, оно устанавливается тем, что мы вынуждены непрерывно решать его проблему.

5) Мы видели, что жизнь состоит в том, чтобы принять решение о том, что мы будем. Хайдеггер очень тонко подмечает: в таком случае жить - это заботиться... Но я предпочитаю выразить идею сходную, хотя и не идентичную, словом, которое кажется мне более точным, и говорю: жизнь - это беспокойство, и не только в трудные минуты, но всегда, и в сущности, жизнь я есть лишь беспокойство. В каждый момент мы должны решать, что мы будем делать в следующий, что будет занимать нашу жизнь. Но возможно, кто-то медлит, колеблется, про себя возражает мне следующим образом: «Сеньор, это игра слов. Я допускаю, что жизнь состоит в том, чтобы каждую минуту решать, что мы будем, но в слове «беспокойство» в обычном языке содержится смысл, который всегда обозначает неудовольст-

вие, затруднение; беспокоиться о чем-то - значит очень серьезно ставить об этом вопрос. Итак, когда мы решили прийти сюда, провести этот отрезок времени таким образом, у вас не было намерений решать серьезный вопрос. Таким образом, большая часть жизни, в том числе и вашей, лишена беспокойства. Зачем же употреблять столь важное, столь патетическое слово, если оно не совпадает с тем, что именует? Мы, к сожалению, не находимся под властью романтизма, который поддерживает себя за счет преувеличения и неточностей. Нам необходимо говорить честно, ясно и точно, употребляя точные слова, продезинфицированные, как хирургические инструменты».

С другой стороны, не знаю, почему я подозреваю у некоторых из вас это возражение. Это действительно возражение точное, и для человека, занимающегося интеллектуальной деятельностью по склонности - я не стремлюсь быть ничем другим, а этому посвящаю себя целиком, - точные возражения - это самая приятная вещь в мире, поскольку интеллектуал пришел на эту землю лишь затем, чтобы возражать и выслушивать возражения. Таким образом, я зачарованно принимаю их, и не только принимаю, но и ценю их, и не только ценю, но и добиваюсь их. Я всегда извлекаю из них пользу. Если мы в состоянии опровергнуть их, они доставляют нам радость победы, и мы чувствуем себя как меткий стрелок, попавший в цель; если же, напротив, возражение победит нас и даже убедит, что за беда? Это сладкое чувство выздоравливающего, очнувшегося от кошмара, мы рождаемся для новой истины, и зрачок сияет, отражая только что родившийся свет. Стало быть, я принимаю возражение: чистота, ясность, точность - это божества, которым и я с трепетом поклоняюсь.

Но, разумеется, если я подвергся атаке, пусть и воображаемой, я должен защититься с помощью действенного оружия, и если я уверен в его чистоте, то вовсе не уверен, что на нем нет каких-нибудь зазубрин. Мы предположительно остаемся с тем, что некоторые из нас пришли сюда, не обеспокоившись относительно того, что они делают, не ставя об этом вопроса. Ничто не случается чаще, я если некоторая подозрительность психологов не помешала бы нам изменить мнение о том, что мы видим, мы стали бы считать что естественная форма жизни - это не-беспокойство. Но тогда если вы не пришли сюда по собственному разумению, обеспокоенные, то почему вы пришли? Неизбежный ответ: потому что пришли другие. В этом весь секрет не-беспокойства. Когда мы полагаем не-беспокойство в нашей жизни, в каждый момент, мы позволяем ей, плыть по течению, движимой социальными потоками. И это то, что формирует среднего мужчину и среднюю женщину, т. е. огромное большинство человеческих созданий. Для них жить - значит вручить себя чему-то единообразному, дать привычке, предрассудку, навыку, средствам, сложившимся внутри, возможность заставлять их жить. Эти слабые души, которые, ощутив тяжесть, одновременно печальную и радостную, собственной жизни, почувствовали себя напуганными в обеспокоились как раз тем, чтобы сбросить с плеч тяжесть, которой являются они сами, и переложить ее на коллектив; т. е. они беспокоятся о не-беспокойстве. Под видимым равнодушием не-беспокойства всегда кроется тайный страх, что самому придется определять изначально действия, деятельность, эмоции - скромное стремление быть как все, отказаться от ответственности перед собственной судьбой, растворяя ее в мире; это вечный идеал слабого: он беспокоится о том, чтобы делать то же, что весь мир.

№5. Определите, о каких функциях философии идет речь в данных высказываниях:

1. Мирза Галиб.

Весь мир проверь своею мыслью строгою –
Проверь свои поступки и дела.
Смотри, чтоб жизнь, как нищенка убогая,
Бесцельно и никчемно не прошла.

2. Иван Ильин. Философия рождается в жизни и от жизни, как ее необходимое и зрелое проявление; не от быта и не от животного существования, но от жизни духа, от его страдания, созерцания и жажды. И, рожденная духом, ищущая знания, она восходит к его зрелой и совершенной форме - к сознательной мысли, с ее ясностью, систематичностью и доказательностью. Философствовать значит воистину жить и мыслью освещать и преображать сущность подлинной жизни. Естественно, что философия чужда и недоступна тем, кто не знает или не чувствует различия между бытом и духом, кто исчерпывает свою жизнь бытовыми содержаниями или отдает ее на служение технике быта. Для таких людей «не существует» ни того задания, которое движет философию, ни того предмета, который она созерцает, ни того измерения, в котором она движется и раскрывается...

3. Хосе Ортега-и-Гассет. Философствованию больше соответствует не тягостная серьезность жизни, а алкионическая жизнерадостность спорта, игры.

4. Мориц Шлик. Наконец, если внутри уже установившейся науки в какой-то момент возникает вдруг необходимость заново поразмыслить над истинным смыслом фундаментальных понятий и в результате достигается более глубокое понимание их смысла, это сразу же считается выдающимся философским достижением. Все согласны, например, что работа Эйнштейна, направленная на анализ смысла утверждений о времени и пространстве, была философским достижением. Здесь мы должны добавить, что решающие и эпохальные шаги в науке всегда имеют такой характер; они предполагают прояснение смысла фундаментальных утверждений, и только те достигают в них успеха, кто способен к философской деятельности. Великий исследователь - всегда философ.

5. Александр Койре. Итак, история научной мысли учит нас (по крайней мере я попытаюсь это показать), что:

а) научная мысль никогда не была полностью отделена от философской мысли;
б) великие научные революции всегда определялись катастрофой или изменением философских концепций;
в) научная мысль - речь идет о физических науках - развивалась не в вакууме; это развитие всегда происходило в рамках определенных идей, фундаментальных принципов, наделенных аксиоматической очевидностью, которые, как правило, считались принадлежащими собственно философии.

6. Хосе Ортега-и-Гассет. Философия не должна доказывать истину на примере жизни, напротив, она должна доказывать истину для того, чтобы наша жизнь обрела подлинность.

7. Борис Валентинович Яковенко. Обе великих революции новейшей исторической эпохи, французская и русская, были несомненно и очевидно движимы и озарены определенными концепциями мира и жизни, на почве которых только и могла возникнуть и разлиться широким морем беспощадная, духовно-политико-социальная критика, приведшая к перевороту, и вырасти те запросы и требования, которые воплотились в пришедших на смену старого устоям.

8. Мераб Мамардашвили. Но при этом не должен исчезать изначальный жизненный смысл философии как таковой, с ее отвлеченным языком, создающим пространство, в котором воссоздается мыслящий. Воссоздается личность, способная самостоятельно думать, принимать решения и т.д. То есть, другими словами, воссоздается классическая мужественная душа, способная держать невозможную, над необратимой реальностью невластную, но тем не менее мыслимую мысль.

9. Борис Валентинович Яковенко. Государство тоже совершенно чужеродно философии, являясь определением волевым и практическим; но и оно насквозь пронизано и пропитано философской мыслью; особенно явственно в крупных, глубоких, радикальных самопроявлениях своих, захватывающих и определяющих собою целые эпохи и целые народы, даже общества народов. Любой исторический пример может продемонстрировать это с исчерпывающей очевидностью. Афины и Спарта в Древней Греции, великая Римская империя, теократическое государство средних веков, абсолютная монархия нового времени, буржуазно-демократическая республика XIX столетия - все они были не чем иным, как политико-социальным, междучеловеческим выражением и воплощением каждый раз особого мировоззрения, проведением в конкретную жизнь каждый раз особого «смысла». Совершенно ясна, наглядна идеологическая, миросозерцательная природа нынешнего российского государственного строя, проходящая красной нитью через все акты Советского правительства, как ясна и наглядна была миросозерцательная же подоплека недавнего российского самодержавия, которою оно только и держалось на протяжении столь долгого времени в умах, сердцах и душах русских людей..

10. Эпикур. Во всех занятиях плод с трудом приходит по окончании их, а в философии рядом с познанием бежит удовольствие: не после изучения бывает наслаждение, а одновременно бывает изучение и наслаждение.

УЧЕНИЕ О БЫТИИ

№1. Какая общая мысль содержится в этих текстах? Как она обосновывается, доказывается разными авторами? Правильна ли их аргументация? Попробуйте ее опровергнуть.

Йоганн Готтлиб Фихте. Я говорю: подлинное и истинное бытие не становится, не возникает, не происходит из небытия. Ибо всему становящемуся вы принуждены предпослать нечто существующее, силою которого это первое становится. Если же теперь это второе сущее вы захотели бы представить себе в свою очередь возникшим в некий прежде бывший момент времени, то должны и для него предположить третье сущее, силою которого оно стало: а если и это третье вы представите себе возникшим, то – предпослать ему некое четвертое сущее и так далее до бесконечности. В конечном счете, вы всегда вынуждены будете допустить бытие, которое не возникло и которое именно поэтому не нуждается для своего бытия ни в чем другом, но существует абсолютно через себя самого, по себе и из себя самого. В этом бытии, к которому ведь вы должны будете взойти однажды от всего ставшего, вам надо теперь, согласно моему требованию, установиться уже с самого начала; а тогда-то, если только вы совершили вместе со мною требуемую мысль, вам и станет очевидно, что подлинное бытие вы можете мыслить лишь как бытие по себе самому, из себя самого, через себя самого.

Василий Васильевич Розанов. Вещи существуют, когда соединяются с существованием... Так, если существование не первоначально, то была какая-то причина, некогда породившая его; но для того, чтобы породить следствие, действительно существующее (каково пребывание), эта причина должна была сама существовать, т.е. уже заключать себе существование; откуда следует, что существование не могло быть позднее своей причины...

Это чистое существование, изучение которого мы выделяем в особую форму науки, общее, первоначальное и неуничтожимое Космоса; потому что и тогда, когда он не появился еще, уже было существование того, что потом вызвало его к бытию; и тогда, когда исчезнет он в наблюдаемых формах своих, останется еще существование того, что уничтожило его; только тогда, когда исчезнет самое существование, не останется уже ничего, – не будет даже пустоты, не будет этого самого ничего. Правда, существует всегда что-нибудь; но это существующее изменяется, тогда как само существование остается неизменно. Следовательно, существование не нужно смешивать с существующим; оно не то же, что это последнее отлично и отдельно от него, хотя и является всегда вместе с ним. Вещи существуют, когда соединяются с существованием но, чтобы понять, что это такое, что они существуют, – необходимо понять предварительно, что такое самое существование рассматриваемое вне соединения с вещами, которым оно придает действительность...

Существование нам представляется более общим и более неподвижным, чем существующие вещи; представляется неизменным, когда они изменяются, – и потому отдельным от них. Рассмотрим их соотношение и кажущуюся неразрывную связь: есть существование и есть существующая вещь; находится ли первое во второй, как только свойство присущее ей? Пусть вещь изменилась во всем, даже, в сущности, – существование ее осталось неизменным; пусть она разложилась на невидимые элементы – осталось неизменно существование этих элементов и промежутков между ними; пусть исчезнут самые элементы – остается существование пустоты, образовавшейся из слитых в одно промежутков; пусть в пустоте появится что-либо вновь – будет существование появившегося. Словом, невозможно уничтожение существования – оно вечно, хотя вещи появляются и уничтожаются; следовательно, не оно в вещах, но вещи в нем; они то погружаются в него, то выходят из него, то изменяются в нем; само же оно стоит неподвижно. Вот

почему... есть вне существующих вещей существование, независимое от этих вещей, как другое высшее условие их бытия, как вечная возможность их временного пребывания.

Иосиф Левин. Необходимость бытия как раз и заключается в том, что мысленное отрицание его приводит к противоречию. Ибо если я утверждаю: «бытия нет», – я тем самым утверждаю что-то, т.е. какое-то обстоятельство, т.е. опять-таки нечто, что есть, т.е. бытие как обстояние какого-то обстоятельства...

Но что такое бытие? Это не сущее, ни одна существующая вещь, ни одно существующее существо и не совокупность вещей и существ. Ибо нет ни одной вещи, ни одного существа, которые были бы необходимы – в том смысле, в каком необходимым – как мы видели – является бытие. Бытие – отглагольное существительное от «быть». Оно так же относится к «быть» как шитье (т.е. процесс шитья) к «шить», стучание к «стучать», лежание к «лежать». Другими словами, это не вещь, а скорее процесс, или, лучше, состояние: состояние вещи, в силу которого она есть, состояние факта, в силу которого он «обстоит». То, в силу чего все, что есть – есть... Если бытие есть, но тоже относится к сущему, но оно такое сущее, которому причастно все что есть, но которое как бытие отлично от всего, что есть. К тому же оно единственное сущее, являющееся необходимым. Далее, поскольку мы берем бытие в аспекте сущего, т.е. поскольку оно само есть, то это уже само Бытие как таковое, а не бытие того или иного предмета. В то же время это есть бытие во всех его модусах – необходимости для разума, целесообразности или жизни, и, наконец, сознания, духа, личности...

Существенным свойством бытия является рефлексивность [обращенность на себя, самоприменимость]. Само бытие – есть, причем бытие бытия – это тоже бытие и т.д. до бесконечности. Сколько бы мы ни сделали шагов в этом направлении, мы все же остаемся на том же самом месте, не двинувшись ни на шаг в глубь бытия. В понятии бытия мы достигли бытия и дальше двигаться некуда...

Если бытие как таковое необходимо, то бытие каждой отдельной вещи или даже совокупности всех вещей и всей вселенной не необходимо и, более того, содержит значительный элемент случайности. Ибо нет такой вещи, которую мы не могли бы, без всякого противоречия, помыслить несуществующей. Бытие – есть бытие чего-либо, но не существует никакого необходимого «чего-либо», кроме самого Бытия...

Даже если считать, что бытие – это необходимо бытие чего-либо, – то, что это – бытие именно того, а не иного, уже не необходимо, а в некотором смысле случайно.

№2. Что характерно для пиковых переживаний? Что в них воспринимается? Какое значение они имеют для человеческой жизни? В пользу какой теории бытия свидетельствует опыт пиковых переживаний?

Абрахам Маслоу «Психология бытия». Выводы, представленные в этой и в следующей главе изложены в первом приближении, как своего рода импрессионистская, идеальная «композиционная фотография» или компиляция моих личных бесед с примерно 80 респондентами и письменных ответов 190 студентов колледжа на следующим образом заданную тему:

«Я бы хотел, чтобы вы подумали о самом чудесном переживании или переживаниях в вашей жизни; самые счастливые моменты, моменты экстаза, моменты восторга, причиной которых послужили, скажем, влюбленность, услышанная музыка, неожиданно «потрясающая» вас книга или картина, великие мгновения творчества. Прежде всего, перечислите их. А затем попытайтесь рассказать мне, что вы чувствуете в эти «пиковые» моменты, чем ваши чувства отличаются от всего, что вы испытываете в другие моменты, в какой мере вы становитесь другим человеком. (Некоторым респондентам я задавал вопрос, в какой мере другим представляется им окружающий мир)».

Ни один из опрошенных не описал полного синдрома. Я соединил все неполные ответы, чтобы получить «идеальный» композитный синдром. Кроме того, примерно пятьдесят человек, прочитав мои предыдущие публикации, по собственной инициативе написали мне письма, в которых рассказывали о своем опыте пиковых переживаний. И наконец, я использовал огромное количество литературы, посвященной мистицизму, религии, искусству, творчеству, любви и т. д...

Познание Бытия в опыте пиковых переживаний

Сейчас я в сжатой форме перечислю характерные черты познания, имеющего место во время обобщенного пикового переживания, используя термин «познание» в предельно широком смысле.

1. При Б-познании... [бытийно обусловленном] индивид имеет тенденцию воспринимать ощущение или объект как целое, как завершенную вещь, в отрыве от ее связей, возможной ее полезности, целесообразности и назначения. Ощущение (объект) воспринимается так, словно оно одно во вселенной, словно из него одного всецело состоит Бытие, оно воспринимается как синоним вселенной. Это противоположно Д-познанию [обусловленному дефицитом], которое охватывает большую часть познавательного опыта человека...

2. Там, где имеет место Б-познание, все внимание познающего сосредоточено исключительно на воспринимаемом объекте. Это может быть названо «абсолютным вниманием». То, о чем я пытаюсь рассказать здесь, очень напоминает замороженность или полную поглощенность. Объект при этом становится всем и его основания в результате исчезают или, по крайней мере, не воспринимаются как нечто важное. Объект словно изолируется от всего остального, воспринимающий его индивид забывает о существовании окружающего мира, и объект, на какое-то мгновение, становится равнозначен всему Бытию.

Поскольку Бытие воспринимается в его целостности, то вступают в действие те законы, которые действовали бы, если бы было возможно объять всю вселенную. Этот тип восприятия резко контрастирует с восприятием нормальным. В последнем случае объект воспринимается вместе со всем, что имеет к нему отношение. Он «встроен» в отношения со всем остальным миром, он воспринимается как часть мира. Сохраняется нормальное отношение объект – основания, то есть внимание, хотя и по-разному, уделяется и тому, и другому. Далее, при обычном познании объект воспри-

нимается не столько сам по себе, сколько как представитель определенного класса, как частный пример какой-то общей категории...

3. Хотя всякое человеческое восприятие является, отчасти, продуктом человеческого бытия и, в определенной мере, творением человека, мы, тем не менее, можем провести определенную черту между восприятием внешних объектов как значимых для человека и восприятием их как незначимых. Самореализующийся человек больше другого способен воспринимать мир безотнositельно к себе и ко всем человеческим существам вообще. То же можно сказать и о среднем человеке в моменты его высочайшего взлета, то есть во время его пиковых переживаний. Тогда он более склонен смотреть на природу так, будто она существует сама по себе и ради себя самой, а не воспринимать ее как игровую площадку, построенную исключительно для человека. Ему легче удержаться от проецирования на нее человеческих интересов. Короче говоря, он может увидеть ее в ее собственном Бытии («безграничности»), а не как нечто, подлежащее использованию, чего следует бояться или реагировать каким-нибудь человеческим способом.

Например, возьмем микроскоп, в котором на предметном стекле мы можем увидеть как мир красоты, так и мир опасности и патологии. Пораженный раком участок ткани, на который мы глядим в микроскоп, может восприниматься как красивая, сложная и внушающая благоговение организация, если только мы забудем, что это – рак. Москит – чудесный объект, если воспринимать его самого по себе. Вирусы под электронным микроскопом просто завораживают (или, по крайней мере, могут завораживать, если мы сможем забыть об опасности, которую они представляют для человека).

Поскольку человеческие интересы остаются за пределами бытийного познания, то оно дает нам возможность более правильно понять природу объекта самого по себе...

7. Отличительной чертой всех изученных мною случаев характерного пикового переживания была дезориентация во времени и пространстве. Если точнее, то в эти моменты человек субъективно находится вне времени и пространства. Поэт или художник в порыве творчества забывает об окружающем его мире, и время для него останавливается. Когда он выходит из этого состояния, он не может понять, сколько прошло времени. Зачастую он, словно выходя из полубоморочного состояния, вынужден приложить усилия, чтобы понять, где он находится.

Многие люди, особенно влюбленные, рассказывали – что еще более важно – о полной утрате ощущения протяженности времени. В этом экстатическом состоянии не только день может пролететь с такой невероятной скоростью, что покажется минутой, но и минута может быть прожита настолько интенсивно, что может показаться днем или годом. Складывается такое впечатление, что люди в этом состоянии каким-то образом оказываются где-то в другом мире, в котором время одновременно и останавливается, и движется с огромной скоростью. Если пользоваться нашими обычными категориями, то мы имеем дело с парадоксом и противоречием. И все же об этом говорят, стало быть, это есть факт, который необходимо принимать в расчет. Я не вижу причины, чтобы такое ощущение времени не могло стать объектом экспериментального исследования. Во время пиковых переживаний невозможно точно определить, сколько прошло времени. Значит и восприятие окружающего мира тоже должно быть менее точным, чем в нормальном состоянии...

Если «начать с конца», то пиковое переживание может быть только положительным и желанным и никак не может быть отрицательным и нежелательным. Существование такого переживания изначально оправдано им самим, это совершенный, полный опыт переживания, которому больше ничего не нужно. Это самодостаточный опыт. Он воспринимается как изначально необходимый и неизбежный. Это переживание настолько хорошо, насколько должно быть. Его принимают с благоговением, удивлением, восхищением, смирением и даже с экзальтированным, едва ли не религиозным поклонением. Иногда в описаниях реакции индивида на опыт такого рода используются определения святости. Оно восхитительно и «радостно» в бытийном смысле.

Здесь мы имеем дело с явлением огромной философской важности. Если, с тем чтобы нам было от чего отталкиваться, мы примем тезис, что во время пиковых переживаний сама природа реальности может восприниматься более четко, а ее суть постигаться более глубоко, то мы повторим утверждение многих философов и теологов – все Бытие, если смотреть на него с «олимпийской» точки зрения и видеть лучшую его сторону, является нейтральным или хорошим, а зло, боль или опасность представляют собой феномен неполноты как результат неумения увидеть мир в его целостности и единстве и восприятия его только с эгоцентрической или слишком низкой точки зрения. (Разумеется, речь идет не об отрицании существования зла, боли или смерти, а, скорее, о примирении с этими явлениями, понимании их необходимости).

То же самое можно сказать и по-другому – сравнив это с одним из аспектов понятия «бог», присущим многим религиям. Боги, которые могут всецело созерцать и объять Бытие и, стало быть, понимать его, должны воспринимать его как доброе, справедливое, необходимое, «зло» же должны воспринимать как продукт ограниченного или эгоистичного видения и понимания. Будь мы богоподобными в этом смысле, мы тоже обладали бы вселенским пониманием и никогда бы ничего не осуждали и не презирали, ни от чего не приходили бы в ужас и ни в чем бы не разочаровывались. Мы могли бы испытывать только сострадание, любовь к ближнему, милосердие и, возможно, печальное или веселое удивление (в высоком смысле этого слова) от несовершенства других людей. Но ведь именно так нередко относятся к миру самореализующиеся люди, и все мы так относимся к миру в моменты наших пиковых переживаний. Именно так все психотерапевты пытаются относиться к своим пациентам. Разумеется, мы должны принять как должное, что такое богоподобное, вселенски терпимое, смиренное бытийно обусловленное отношение обрести чрезвычайно непросто, вероятно даже невозможно в его чистой форме, и все же мы знаем, что это весьма относительно. Мы можем подойти к нему более или менее близко, и было бы глупо отрицать существование этого феномена только потому, что это случается нечасто, длится недолго и никогда не происходит в чистом виде. Хотя нам никогда не стать богами в этом смысле, мы можем более или менее часто быть более или менее богоподобными.

В любом случае, контраст с нашими обычными реакциями и представлениями очень резок. Как правило, мы выступаем под знаменем ценностей-средств, то есть пользы, желательности, «плохого» или «хорошего», пригодности для достижения цели. Мы оцениваем, судим, контролируем, осуждаем или одобряем. Мы смеемся «над», а не «вместе». Мы оцениваем опыт нашими личными категориями и воспринимаем мир относительно себя и нашей цели, тем самым превращая мир не во что иное, как в средство достижения нашей цели. Такая позиция противоположна отстраненности от мира, а это, в свою очередь, значит, что мы на самом деле воспринимаем не мир, а себя в нем или его в нас.

12. Еще один парадокс, с которым нам придется разобраться, каким бы трудным он ни был, заключается в противоречивых сообщениях о восприятии мира. В некоторых описаниях, особенно мистических, религиозных или философских, весь мир предстает как абсолютно единое, живущее полноценной жизнью, существо. В других рассказах о пиковых переживаниях, особенно любовных и эстетических, одна частичка мира воспринимается так, будто на какое-то мгновение она и составляет весь мир. В обоих случаях речь идет о восприятии единства. Вероятно, тот факт, что в бытийном познании – будь то картины, индивида или теории – сохраняются все атрибуты Бытия в его целостности, то есть все бытийные ценности, проистекает из мимолетного восприятия данного конкретного объекта как единственно-го во всей вселенной...

Похоже на то, что здесь имеет место динамическая параллельность или изоморфизм между внешним и внутренним. Это значит, что если индивид познает суть мирового Бытия, то он также соответственно приближается к своему Бытию (к своему совершенству, возможности стать совершенным самому по себе). Похоже, что это дорога с двусторонним движением, потому что приближаясь по какой бы то ни было причине к своему бытию или совершенству, он больше способен замечать Б-ценности этого мира. По мере того, как человек обретает единство, он обретает способность видеть единство этого мира. Становясь Б-радостным, человек развивает способность замечать Б-радость в этом мире. Становясь более сильным, он имеет больше возможностей видеть силу и мощь в этом мире. Одно делает более возможным другое, точно так же, как во время депрессии мир кажется человеку менее радостным, и наоборот. Человек и мир становятся все больше похожи друг на друга, по мере того, как они оба движутся к совершенству (или по мере того, как они оба движутся к утрате совершенства).

Возможно, это отчасти и есть то, что понимается как слияние возлюбленных, единение с миром в одно целое в космическом переживании, ощущение себя частью того единства, которое человек постигает во время великого философского озарения. Уместно также привести некоторые (неполные) данные, которые указывают, что определенные качества, присущие структуре «хорошей» картины, присущи и хорошему человеческому существу. К ним относятся такие бытийные ценности, как целостность, уникальность, жизненность. Разумеется это предположение подлежит проверке.

№3. Определите, приверженцу какого направления (материализм, объективный идеализм, субъективный идеализм, религиозно-мистическая философия) принадлежат следующие высказывания:

1. Поль Анри Гольбах. Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет нам лишь материю и движение. Ее совокупность раскрывает перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий. Некоторые из этих причин нам известны, ибо они непосредственно воздействуют на наши чувства. Другие нам не известны, потому что действуют на нас лишь посредством следствий, часто очень удаленных от своих первопричин. Разнообразнейшие вещества, сочетаясь на тысячи ладов, непрерывно получают и сообщают друг другу различные движения. Различные свойства веществ, их различные сочетания и разнообразные способы действия, являющиеся необходимыми следствиями этих свойств и сочетаний, составляют для нас сущность всех явлений бытия, и от различия этих сущностей зависят различные порядки, ряды или системы, в которые входят эти явления, в совокупности составляющие то, что мы называем природой.

2. Джордж Беркли. Некоторые истины столь близки и очевидны для ума, что стоит лишь открыть глаза, чтобы их увидеть. Такой я считаю ту важную истину, что весь небесный хор и все убранство земли, одним словом, все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа; что их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми; что, следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мной или не существуют в моем уме или уме какого-либо другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа и что совершенно немыслимо и включает в себе все нелепости абстрагирования приписывать хоть малейшей части их существование независимо от духа.

3. Владимир Соловьев. Сверхчувственная сторона бытия раскрыла ему [греческому гению] свое мысленное содержание, и вместо нирваны выступил Космос вечных умопостигаемых сущностей – идей (у платоников) или организмов всеобщего разума (у стоиков)... – то, что есть обманчивое явление для чувств и для чувственности, содержит в себе для ума «отпечаток идеи», по Платону, или «семя разума», по стоическому учению («семенные понятия»). Отсюда в человеческой жизни противоположение между тем, что сообразно идее и согласно с разумом, и тем, что противоречит идеальной норме.

4. Николай Кузанский. Бог есть абсолютная максимальность и, значит, единство, которое абсолютно предвещает и единит любые различия и противоположности, скажем, непосредственные противоречия. Он есть абсолютно во всех вещах все то, что они суть: абсолютное первоначало, конечная цель и бытие.

5. Артур Шопенгауэр. Удел львов требует львиности, которая во времени предстает как некий бессмертный лев, живущий за счет непрестанно воспроизводящихся индивидов, их рождение и смерть не что иное, как биение пульса этого непреходящего льва».

6. Александр Скрябин. Я есмь, и ничего вне меня. Я ничто, я все, я единое и в нем единообразное множество. Я жить хочу. Я трепет жизни, я желанье, я мечта. Я создаю мир игрою своего настроения, своей улыбкой, своим вздохом, лаской, гневом, надеждой, сомнением... Я – это играющий Хаос, танцующая Бездна.

7. Плотин. Пусть люди, зачарованные здешним миром, его мощью, красотой, упорядоченностью непрерывного движения, богами видимыми и невидимыми, в нем обитающими, демонами, деревьями и животными, вознесутся мыслью к Реальности, ибо все это лишь ее отражение. И увидят они там умопостигаемые формы, не заемные у вечности, но истинно вечные, и узрят ее предводителя, чистый Ум, и недостижимую Мудрость, и истинный век Хроноса, чье имя Полнота. Все бессмертные вещи в нем. Всякий ум, всякий бог и всякая душа. Он везде, зачем ему куда-то идти? Он счастлив, для чего ему перемены, превратности? И то, что потом он обрел, было у него вначале. Все ему принадлежит в единой вечности – той вечности, которой вторит время, кружа вокруг души, всегда бегущей от прошлого, всегда стремящейся в будущее.

8. Марк Твен «Таинственный незнакомец». Нет тела твоего, нет крови твоей, нет костей твоих – есть только мысль. И меня тоже нет. Я всего только сон, я рожден твоим воображением. Стоит тебе понять это до конца и изгнать меня из твоих видений – я тотчас растворюсь в пустоте, из которой ты вызвал меня... Вот я уже гибну, я кончаюсь, я ухожу прочь. Сейчас ты останешься один навек в необъятном пространстве и будешь бродить по его бескрайним пустыням без товарища, без друга, потому что ты – только мысль, единственная мысль на свете, и никому не дано ни разрушить эту одинокую мысль, ни истребить ее. А я лишь покорный слуга твой, я дал тебе познать себя, дал обрести свободу. Пусть тебе снятся теперь иные, лучшие сны. Странно! Как странно, что ты не понял этого уже давным-давно, сто лет назад, тысячи лет назад, не понимал все время, что существуешь один-единственный в вечности.

9. Поль Анри Гольбах. Итак, если нас спросят, откуда явилась материя, мы ответим, что она существовала всегда. Если спросят, откуда у материи появилось движение, мы ответим, что по тем же основаниям она должна была двигаться вечно, так как движение – необходимый результат ее существования, сущности и таких первоначальных свойств, как протяжение, вес, непроницаемость, фигура и т.д.

10. Николай Кузанский. Бог выше ничто и нечто, потому что ничто повинуетеся ему, превращаясь в нечто. Таково его всемогущество; этим всемогуществом он превосходит все существующее и несуществующее, и то, чего нет, повинуетеся ему так же, как то, что есть. По его велению небытие переходит в бытие, а бытие переходит в небытие, и ничто – в числе подчиненных вещей, которым предшествует его всемогущество. По этой причине нельзя говорить, что бог есть скорее это, чем то: все от него.

№4. Какова основная мысль Парменида? Что он утверждает о бытии и небытии? Что общего между взглядами Парменида и Нагарджуны?

Парменид О природе. Должно тебе все узнать: и недожащее сердце хорошо закругленной Истины, и мнения смертных, в коих не заключается подлинной достоверности. Но, во всяком случае, узнаешь ты и то, в каком виде должны предстать кажущиеся явления при всестороннем проведении единой гипотезы. Не вращай беспечно глазами, не слушай, ушами, в которых раздается (только) шум, и не болтай (праздно) языком, но разумом исследуй высказанное мною доказательство. Остается лишь отважиться (вступить на новый) путь...

Итак, если угодно, я скажу (ты же внимательно выслушай мою речь), какие пути исследования единственно мыслимы. Первый (путь исследования заключается в том), что (бытие) есть и не может не существовать. Это – путь (богини) Убеждения, ибо он следует за Истиной. Другой путь: есть небытие и (это) небытие необходимо существует. Последний путь (объявляю я тебе) совершенно непригоден для познания. Ибо небытие невозможно ни познать (ведь оно непостижимо), ни высказать. Должно говорить и мыслить, что (только) бытие существует. Ибо бытие есть, небытия же нет. Я повелеваю тебе (хорошенько) обдумать это.

Остается еще только сказать о пути (исследования, признающем), что (только бытие) есть. На этом пути находится весьма много признаков, указывающих, что сущее не возникло и не подвержено гибели, что оно закончено в себе, однородно, неподвижно и не имеет конца. Оно никогда не существовало и не будет существовать, так как оно (всегда) находится в настоящем целиком во всей своей совокупности, единое и непрерывное, ибо какое начало станешь искать для него? Как и откуда ему вырасти? Я не позволю тебе ни говорить, ни мыслить, чтобы (оно могло возникнуть) из небытия. Ибо несуществование бытия невыразимо (в словах) и непредставимо в мысли. Да и какая нужда могла бы его заставить раньше или позже родиться, если вначале оно было ничем (его вовсе не было)? Таким образом оно должно или подлинно существовать или вовсе не существовать.

Равным образом (логическая) сила доказательства никогда не позволит (признать), чтобы из небытия возникало что-нибудь иное по сравнению с ним самим. Поэтому Правда не выпустила из своих оков рождения и смерти, но (крепко) держит их. Решение же нашего вопроса сводится к следующей (альтернативе): бытие или небытие? Но, разумеется, (нами уже) решено, как (диктует) необходимость... (вступить) на... путь, который существует и (притом) истинно существует. Каким же образом сущее могло бы существовать в будущем и каким образом оно могло бы (когда-либо) возникнуть? Ведь оно не обладает (истинным) бытием, если оно возникло или если ему некогда предстоит существовать. Таким образом, возникновение погасло, и гибель пропала без вести.

Равным образом (бытие) неделимо, так как оно все однородно; и нигде (не оказывается бытие) ни чуточку больше, ни чуточку меньше, (чем в другом месте), что могло бы препятствовать его связности, но все (в одинаковой мере) наполнено бытием. Поэтому все оно непрерывно. Ведь бытие плотно примыкает к бытию. А лежит оно неподвижно в пределах великих оков, не имея ни начала, ни конца, так как возникновение и гибель откинута от него весьма далеко истиной (логического) доказательства. И пребывая само по себе (неизменно) одним и тем же, оно покоится в одном и том же положении и таким образом остается неизменно на том же самом месте. Ибо могучая Необходимость держит

его в оковах границы, охватывающей его со всех сторон. Поэтому бытие не может быть бесконечным. Ведь оно не имеет (ни в чем) недостатка. А если бы у него не было (конца), то ему недоставало бы всего.

Одно и то же мысль и то, на что мысль устремляется. Ибо нельзя отыскать мысли без бытия, в котором осуществлена (эта мысль). Ведь не существует и не будет существовать ничего другого, кроме бытия, так как Судьба связала бытие с законченностью в себе и неподвижностью. Поэтому пустым звуком будет все то, существование чего согласно своему убеждению сочли истинным смертные, (а именно): возникновение и гибель, бытие совместно с небытием, перемена места и меняющийся, бросающийся в глаза цвет.

Но так как есть последний предел, то (бытие) ограничено со всех сторон; оно - подобно массе совершенно правильного шара, повсюду равноотстоящей от центра. И, в самом деле, бытия не может быть ни чуточку больше, ни чуточку меньше в одном месте, нежели в другом. Ибо нет ничего, что преграждало бы ему доступ к такому же (бытию), и невозможно, чтобы бытие было то больше, то меньше бытия, так как оно все ненаруσιμο. Ведь (центр), равно отстоящий отовсюду, находится в одинаковом отношении ко (всем своим) границам.

Нагарджуна «Драгоценные строфы наставления царю».

Учение о бессмертии, провозглашенное буддами,
Состоит в том, что мир подобен мареву [миражу].
К примеру, в мареве вполне могут привидеться
Рождение и смерть слона,
Хотя с точки зрения высшей реальности
Никакого такого рождения и смерти нет.

Точно так же могут привидеться возникновение
И гибель мира, подобного мареву,
Хотя с точки зрения наивысшей истины
Нет ни рождения, ни смерти.

Как слон из марева не приходит откуда-то и не идет куда-то
И нигде не пребывает в качестве существующего,
Ибо [видение объясняется]
Всего лишь помрачением сознания,
Точно так же подобный мареву мир
Ниоткуда не возникает, никуда не исчезает
И нигде не пребывает в качестве существующего,
Ибо [видение объясняется] всего лишь помрачением сознания.

№5. Какие виды угроз небытия человеку отмечает Пауль Тиллих? К какой угрозе небытия относится нигилизм (текст Ф. Ницше)?

Пауль Тиллих «Мужество быть». Итак, угроза небытия, если небытие угрожает онтическому самоутверждению человека, – это абсолютная угроза смерти и относительная угроза судьбы. Но относительная угроза становится угрозой лишь потому, что за ней скрывается абсолютная угроза. Судьба не могла бы быть источником неотвратимой тревоги, если бы за ней не скрывалась смерть. А смерть стоит за судьбой и ее случайностями не только в самое последнее мгновение, когда нас выбрасывает из существования, но и во всякий момент существования. Небытие вездесуще, оно порождает тревогу даже там, где непосредственная угроза смерти отсутствует. Небытие стоит за нашим опытом, в котором мы постигаем, что мы, как и все сущее, влекомы из прошлого в будущее, и всякий момент времени исчезает навски. Небытие стоит за ненадежностью и бесприютностью нашего социального и индивидуального существования. Небытие стоит за теми ударами, которые слабость, болезни и несчастные случаи наносят по нашей телесной и душевной силе бытия. Судьба актуализируется во всех этих формах, и через них тревога небытия овладевает нами. Мы пытаемся превратить тревогу в страх и мужественно встретить объекты, таящие в себе угрозу...

Тревога отсутствия смысла – это тревога по поводу утраты предельного интереса, утраты того смысла, что придает смысл всем смыслам. Эта тревога пробуждается при утрате духовного центра, при утрате ответа, пусть символического и косвенного, на вопрос о смысле существования. Тревога пустоты пробуждается потому, что небытие угрожает отдельным содержаниям духовной жизни. Верования разрушаются в результате внешних событий или внутренних процессов: человек отрезан от творческого соучастия в некоторой культурной сфере; он жестоко разочарован в том, что ранее страстно утверждал; его приверженность одному объекту сменяется приверженностью другому, а затем третьему, ибо смысл каждого из них пропадает, а творческий эрос превращается в безразличие или отвращение. Все можно испытывать, но ничто не принесет удовлетворения. Содержания традиции, пусть величественной, пусть прославленной, пусть некогда любимой, утрачивают способность быть содержательными сегодня. А современная культура еще менее способна предложить содержание. Охваченный тревогой, человек отворачивается от всех конкретных содержаний в поисках предельного смысла; но в результате он обнаруживает, что именно утрата духовного центра привела к исчезновению смысла из отдельных содержаний духовной жизни.

Однако намеренно сотворить духовный центр невозможно, и любая попытка подобного рода порождает еще более глубокую тревогу. Тревога пустоты влечет нас в пучину отсутствия смысла. Пустота и утрата смысла суть выражения небытия, угрожающего духовной жизни человека...

Бытие человека – как онтическое, так и духовное – не просто дано ему, но и предъявлено ему как требование. Человек несет ответственность за свое бытие. Буквально это означает, что человек обязан дать ответ на вопрос о том,

что он из себя сделал. Тот, кто задает ему этот вопрос, есть его судья: этот судья есть он сам, который в то же время противостоит ему. Такая ситуация порождает тревогу, которая в относительном смысле есть тревога вины, а в абсолютном смысле – тревога отвержения себя и осуждения.

Фридрих Ницше «Воля к власти». Нигилизм стоит за дверями: откуда идет к нам этот самый жуткий из всех гостей?.. Что обозначает нигилизм? – То, что высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем»? Радикальный нигилизм есть убеждение в абсолютной несостоятельности мира по отношению к высшим из признаваемых ценностей; к этому присоединяется сознание, что мы не имеем ни малейшего права признать какую-либо потусторонность или существование вещей в себе, которое было бы «божественным», воплощенной моралью. Это сознание есть следствие возвращенной «правдивости»; следовательно само оно – результат веры в мораль...

Нигилизм как психологическое состояние должен будет наступить, во-первых, после поисков во всем совершающемся «смысла», которого в нем нет: ищущий в конце концов падает духом. Нигилизм является тогда осознанием долгого расточения сил, мукой «тщетности», неуверенностью, отсутствием возможности как-нибудь отдохнуть, на чем-нибудь еще успокоиться – стыдом перед самим собою, как будто самого себя слишком долго обманывал... Искомый смысл мог бы заключаться в следующем: «Осуществление» некоего высшего нравственного канона во всем совершающемся, нравственный миропорядок; или рост любви и гармонии в отношении живых существ; или приближение к состоянию всеобщего счастья; или хотя бы устремление к состоянию всеобщего «ничто» – цель сама по себе есть уже некоторый смысл. Общее всем этим родам представлений – предположение, что нечто должно быть достигнуто самим процессом – и вот наступает сознание, что становлением ничего не достигается, ничего не обретается... Следовательно разочарование в кажущейся цели становления как причина нигилизма: разочарование по отношению к вполне определенной цели, или вообще сознание несостоятельности всех донныне существующих гипотез цели, обнимающих собой весь путь «развития» (человек более не сотрудник и менее всего средоточие всякого становления)... – Глаз нигилиста идеализирует в сторону безобразия, творит предательство по отношению к собственным воспоминаниям: он пренебрегает ими, дает им покинуть, осыпаться, он не ограждает их от той мертвенно-бледной окраски, которую бессилие разливает на все далекое и прошедшее. И то, чего он не делает по отношению к себе самому, не делает он и по отношению к прошлому всего человечества: он пренебрегает им.

№6. В чем различие трактовок связи человека и ничто в стихотворениях Омара Хайяма и Иоганна Вольфганга Гете? Кто из них прав, и почему?

Омар Хайям.

О невежды! Наш облик телесный – ничто,
Да и весь этот мир поднебесный – ничто.
Веселитесь же, тленные пленники мига,
миг в этой камере тесной – ничто!

Иоганн Вольфганг Гете.

Кто жил, в ничто не обратится!
Повсюду вечность шевелится.
Причастный бытию блажен!
Оно извечно, и законы
Хранят, тверды и благосклонны,
Залоги дивных перемен.

№7. Сравните два текста - какое отношение к бытию в них выражено? Кто правильно, на ваш взгляд, смотрит на мир?

Иван Ильин «Путь к очевидности». Современное нам человечество не ценит того, что ему дается; не видит своего естественного и духовного богатства; не извлекает из своего внутреннего мира того, что в нем заложено. Оно ценит не внутреннюю силу духа, а внешнюю власть – техническую и государственную. Оно хочет не творить, создавать и совершенствовать, а владеть, распоряжаться и наслаждаться. И поэтому ему всегда мало и всего мало: оно вечно считает свои «убытки» и ропщет. Оно одержимо жадностью и завистью и о благодарности не знает ничего.

И вот, каждый из нас должен прежде всего научиться благодарности...

Как только мы откроем наше духовное око, так мы увидим везде и повсюду целое богатство таких даров, данных нам не для жизненного использования или злоупотребления, а для изучения, истолкования, изумления и радования...

Мы просыпаемся к бытию и жизни – и видим себя окруженными этими дарами, как бы включенными или вращенными в них: пространство, время, живая материя, душевные способности, духовные силы. Мы живем всю жизнь в этих дарах, ими, из них; мы творим в них новое и можем создать из них дивное и значительное; мы наслаждаемся ими и тогда, когда злоупотребляем ими; а когда мы покидаем эту жизнь, то иногда уходим с чувством, что нам было дано бесконечное богатство и что мы сделали из него слишком мало.

Какой драгоценный дар имеет собственное, лично-особенное, единственное в своем роде, покорно-непослушное тело, всю жизнь прислушиваться к нему, чтобы овладеть его таинственными законами и подчинить их законам духа! Какое драгоценное право – превратить его в верный символ своей духовности и, наконец, когда оно впадает в изнеможение, покинуть его для лучшей, более свободной и духовной жизни!

А этот изумительный дар Божий, именуемый пространством, с его светом и тенью, с его прерывно-непрерывным наполнением, с его бесконечными звездными далями, с его богатством форм и красок, со всеми радостями движения и относительного покоя, с творческими перспективами в искусстве! Сколько созерцания, сколько тайн, сколько мудрости!

А дивный дар времени – с неисследимым началом и неведомым концом... Всего один, кратчайший, светлый миг длительности, скользкий из будущего в прошлое, пожизненно непреходящий, раскрывающий нам сразу две перспективы – утрачиваемого богатства в прошедшем и обетованного богатства в будущем... Великое русло мгновений, которое мы можем заполнить творческим трудом, любовью, бого-созерцанием, молитвой и красотой и по которому мы в действительности то проносимся в страстях и злодеяниях, то влачимся в пошлых развлечениях...

А это неисчерпаемое богатство природы – в ее органическом единстве, в ее сокровенной закономерности, в ее покое и в ее бурях, в ее благостной готовности служить человеку, показывать ему свою красоту, открывать ему свою разумность и тихо принять его покинутые останки... Каждый дар дивен и драгоценен, каждый указывает человеку его задачи и его никогда не заполнимые перспективы. Каждый говорит нам о сокровенной благодати, мудрости и любви к человеку; каждый зовет его к истинному счастью.

Да, это счастье – властвовать над своим телом и над своею душою, строить и крепить свой характер, копить духовные богатства, совершенствовать свои духовные акты. Это счастье – творчески работать, создавать в мире новую красоту, отдавать свое вдохновение и свои усилия на создание Божией ткани в мироздании. Это счастье – вести общение с людьми, вчувствуясь в их жизнь и постигая ее смысл; отдавать им свое лучшее и принимать их дары; прощать им и получать от них прощение; иметь отца и мать, и самому делаться отцом или матерью; иметь верных друзей; отстаивать свою родину и служить своему народу. Это счастье – любить и быть любимым; это чудо – обмениваться взглядом любви и выражать любимой женщине полноту своего чувства – целостно и нежно. Это счастье – воспринимать веяние духа и одухотворять свою душу и жизнь. Это счастье – переживать молитву, исследовательскую очевидность, совестный акт, художественное созерцание, истинную политическую свободу и служить водворению справедливости на земле.

Но высшее счастье состоит в том, чтобы находить в собственном сердце Божий луч, следовать ему в молитве и в делах, постигать его во всем и повсюду, и открывать другим людям доступ к нему...

Что такое благодарность? Это ответ живого, любящего сердца на оказанное ему благодеяние. Оно отвечает любовью на любовь, радостью на доброту, излучением на свет и тепло, верным служением на дарованную благодать. Благодарность не нуждается в словесных изъяснениях, и иногда бывает лучше, чтобы человек переживал и проявлял ее бессловесно. Благодарность не есть и простое признание чужого благодеяния; ибо озлобленное сердце сопровождает такое признание чувством обиды, унижения или даже жаждою мести. Нет, настоящая благодарность есть радость и любовь, и в дальнейшем – потребность ответить добром на добро.

Сиоран «О разложении основ». Я грезил об отдаленных веснах, о солнце, освещающем только пену волн и беспамятство моего рождения, о солнце, враждующем с землей и с маниакальным стремлением находить повсюду лишь желание быть в другом месте. Наша земная судьба, которая навязала нам этот недуг и приковала нас к этой угрюмой материи, этой окаменевшей слезе, о которую разбиваются наши рожденные временем рыдания, слезе, в незапамятную эпоху упавшей из первого содрогания господ.

Я возненавидел все полудни и полночи планеты, я истомился по миру без климата, без составляющих сутки часов и наполняющего часы страха, я возненавидел вздохи смертных под бременем веков. Где оно, мгновение без конца и без желания, где она, та первозданная пустота, нечувствительная к предощущениям падения и жизни? Я искал географию Ничего, искал неведомые моря и другое солнце, не запятнанное позором живительных лучей, искал укачивания недоверчивого океана, куда погрузились бы аксиомы и острова, океана, состоящего из огромного количества наркотической жидкости, сладкой и усталой от знания.

Эта земля — грех Творца! Но я больше не хочу искупать вину других людей. Я желаю исцелиться от собственного рождения в агонии за пределами материков, в текучей пустыне, в безличном крушении.

№8. Определите, какие тексты соответствуют монистическому, какие – дуалистическому, какие – плюралистическому взгляду на мир:

1. *Жан Поль Сартр «Тошнота».* И вдруг «я» начинает тускнеть, все больше и больше — кончено: оно угасло совсем. Среди стен домов остается сознание, трезвое, неподвижное, опустошенное, оно само себя воспроизводит. Оно стало необитаемым. Еще недавно кто-то говорил: «я», кто-то говорил: «мое сознание». Кто же это? Раньше во вне находились говорящие улицы со знакомыми запахами и красками. Теперь остались безымянные стены, безымянное сознание. Итак, в наличии: стены домов и между ними малюсенькая, живая и безликая прозрачность. Сознание существует как дерево, как былинка. Оно дремлет, ему скучно. Маленькие мимолетные существования поселяются в нем, как птицы на ветках. Поселятся, а потом исчезнут. Забытое, заброшенное - среди домов под серым, пасмурным небом сознание. А смысл его существования вот в чем: оно сознает, что оно лишнее. Оно разжижается, распыляется, тщится затеряться на темной стене, возле фонаря или там, дальше, в вечерней дымке. Но забыться ему не удастся НИКОГДА; оно сознает, что оно сознание, которое пытается забыться. Такова его участь.

2. *Лейбниц «Монадология»* И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы перспективно умноженным, таким точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой монады[души].

3. *Фридрих Энгельс «Анти-Дюринг».* Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен существовать, прежде чем он может быть единым. Бытие есть вообще открытый

вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения. Действительное единство мира состоит в его материальности, а эта последняя доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания...

Уверенность, что кроме материального мира не существует еще особого духовного мира, есть результат длительного и трудного исследования реального мира, у *compris* [включая сюда] также и исследование продуктов и процессов человеческого мозга.

4. Свами Вивекананда «Жнана – йога». Идея об отдельности, как между одним атомом и другим, – истинная причина всех несчастий в мире и, согласно веданте, неверна, не имеет под собой почвы. Эта отдельность только кажущаяся, только поверхностная. В сущности вещей есть только единство. Если вы направите ваше исследование внутрь, то найдете единство между человеком и человеком, женщиной и ребенком, племенем и племенем, между высоким и низким, бедным и богатым. Богом и человеком. Заглянув достаточно глубоко, вы увидите, что все это, и даже животные, – Одно. Тот, кто достиг способности так видеть, больше недоступен заблуждению. Он постиг бесконечное Единство, которое в теологии называется Богом. Какое может быть для него заблуждение? Что может его обмануть? Он знает истинную природу всех вещей. Он проник в самую сокровенную тайну бытия. Какие могут быть для него страдания? Чего он может желать? Он проследил все до Бога, до центра, до единства, из которого все происходит, и нашел, что Господь должен быть вечным Существованием. Для него нет более ни смерти, ни болезни, ни печали, ни страдания, ни недовольства, но все – совершенное единство и полное блаженство. На что он может сетовать? В действительности, нет смерти, нет страданий. В центре, в сущности вещей нет ничего, о чем бы кто-нибудь мог печалиться и плакать. Потому что все вещи проникает Он – Единый Чистый, Бесформенный, Бестелесный, Беспорочный, Он – Всезнающий, Он – Великий Источник, Само-Существование, Воздающий каждому по его заслугам. Те воистину бродят ощупью в темноте, кто поклоняется неразумному миру, созданному нашим невежеством. Те, кто поклоняется этому миру, думая, что он так же действителен, как и То Существование, бродят в темноте; те же, что всю свою жизнь живут, не находя ничего лучше и выше, чем этот мир, бродят в еще большей тьме.

5. Рене Декарт «Первоначала философии». Каждой субстанции присущ один главный атрибут, как мышление – уму, а протяженность – телу. И хотя субстанция познается на основании любого атрибута, однако каждой субстанции присуще какое-то одно главное свойство, образующее ее природу и сущность, причем с этим свойством связаны все остальные. А именно, протяженность в длину, ширину и глубину образует природу телесной субстанции, мышление же образует природу субстанции мыслящей... Итак, мы способны иметь два ясных и отчетливых понятия, или две идеи: одну – сотворенной мыслящей субстанции, другую – субстанции телесной, а именно если мы будем строго отличать все атрибуты мышления от атрибутов протяженности.

6. Уильям Джеймс «Прагматизм». Мир, в котором мы живем, существует как нечто рассеянное, разбросанное: он представляется нам в виде бесчисленного множества отдельных вещей, связанных между собой различным образом и в различных степенях.

7. Жак Моно. Человек должен наконец пробудиться от тысячелетнего сна, и, пробудившись, он окажется в полном одиночестве, в абсолютной изоляции. Лишь тогда он наконец осознает, что подобно цыгану, живет на краю чуждого ему мира. Мира, глухого к его музыке, безразличного к его чаяниям, равно как и к его страданиям или преступлениям.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

№1. На основании текста Аристотеля определите, какие высказывания принадлежат Фалесу, какие – Диогену Аполлонийскому (последователю Анаксимена), какие – Эмпедоклу, Гераклиту, Анаксагору. Обоснуйте ваш выбор.

Аристотель «Метафизика». Так вот, большинство первых философов считало началом всего одни лишь материальные начала, а именно то, из чего состоят все вещи, из чего как первого они возникают и во что как в последнее они, погибая, превращаются, причем сущность хотя и остается, но изменяется в своих проявлениях, – это они считают элементом и началом вещей. И потому они полагают, что ничто не возникает и не исчезает, ибо такое естество всегда сохраняется; подобно тому как и про Сократа мы не говорим, что он вообще становится, когда становится прекрасным или образованным, или что он погибает, когда утрачивает эти свойства, так как остается субстрат – сам Сократ, точно так же, говорят они, не возникает и не исчезает все остальное, ибо должно быть некоторое естество – или одно, или больше одного, откуда возникает все остальное, в то время как само это естество сохраняется.

Относительно количества и вида такого начала не все учили одинаково. Фалес – основатель такого рода философии – утверждал, что начало – вода...

Анаксимен же и Диоген считают, что воздух первее (*proteron*) воды, и из простых тел преимущественно его принимают за начало: а Гиппас из Метапонта и Гераклит из Эфеса – огонь, Эмпедокл же – четыре элемента, прибавляя к названным землю как четвертое. Эти элементы, по его мнению, всегда сохраняются и не возникают, а в большом или малом количестве соединяются в одно или разъединяются из одного.

А Анаксагор из Клазомен, будучи старше Эмпедокла, но написавший свои сочинения позже его, утверждает, что начал бесконечно много: по его словам, почти все гомеомерии так же как вода или огонь, возникают и уничтожаются

именно таким путем - только через соединение и разъединение, а иначе не возникают и не уничтожаются, а пребывают вечно.

1) Двойное скажу: то Одно вырастает, чтобы быть единственным,
Из многого, то снова распадается, чтобы быть многим из Одного,
Огнем, Водой, Землей и несметной высью Эфира,
Проклятая Ненависть порознь от них [=элементов], совершенно уравновешенная,
И Любовь в них, равная в длину и в ширину.

2) «Этот космос, один и тот же для всех, не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, мерно возгорающийся, мерно угасающий».

3) «Мне же думается, говоря в двух словах, что все сущие [вещи возникают] путем превращения из одного и того же и суть одно и то же. И это очевидно: если бы [вещи], наличие сущие в этом-вот космосе теперь, – земля, вода, воздух, огонь и все прочее, что мы видим наличным в этом-вот космосе, – если бы хоть одна из них была отличной от другой, будучи другой по своей природе, а не оставалась бы тем же самым в своих многообразных изменениях и превращениях, то они никоим образом не могли бы ни смешиваться друг с другом, ни причинять друг другу пользу или вред, равно как ни растение не могло бы произрасти из земли, ни животное родиться, ни что-либо иное, если бы они не образовывались таким образом, что при этом они суть одно и то же. На самом же деле все эти [вещи] рождаются то такими, то иными путем превращения из одного и того же и в одно и то же возвращаются».

«И думается мне, что то, что обладает сознанием, – это воздух, как называют его люди, и что он всеми правит и надо всеми господствует: именно это, думается мне, и есть бог, и везде присутствует, и все устраивает, и во всем содержится. И нет ничего, что ему непричастно; причастно же [всякое на свой лад], и нет ни одной вещи, которая была бы причастна ему так же, как другая, но есть много видоизменений и самого воздуха, и сознания.

4) Он говорил, что начало и конец Вселенной – вода. Ибо все образуется из воды путем ее затвердевания [~ замерзания], а также испарения. Все плавает по воде, от чего происходят землетрясения...

5) При этом телесных начал он принял бесконечно много: по его мнению, все подобочастные, как-то: вода, огонь или золото, безначальны и неуничтожимы, а их видимое (феноменальное) возникновение и уничтожение всецело обусловлены соединением и разделением [частиц], причем все [подобочастные, гомеомерии] содержатся во всех, но каждое характеризуется по тому, что в нем преобладает. Так, золотом феноменально является то, в чем много золота, хотя при этом в нем содержится все. Действительно Анаксагор говорит, что «во всем содержится доля всего» и «чего в каждой отдельной вещи больше всего содержится, тем она с наибольшей ясноразличимостью была и есть»... «Каким образом, - спрашивает он, - из не-волоса может возникнуть волос и из не-плоти – плоть»? Он утверждал это не только о телах, но и о цветах: в белом, по его словам, содержится черное, а в черном – белое. Так он полагал и о весе, считая, что к тяжелому примешано легкое, а к легкому – тяжелое...

6) Понятие у *син* обычно переводится как «пять элементов». Мы должны представлять их не статическими, но динамическими и взаимодействующими силами. Иероглиф *син* означает «действовать», «делать», поэтому термин у *син*, если его передать буквально, означал бы «пять действий» или «пять действующих сил». Также их называют у *дэ* – «пять добродетелей»... Первый из них – Вода, второй – Огонь, третий – Дерево, четвертый – Металл, пятый – Земля. [Природа] Воды в том, чтобы смачивать и падать; Огня – чтобы гореть и подниматься; Деревя – чтобы изгибаться и выпрямлять Металла – чтобы уступать и видоизменяться; Земли – чтобы давать сеять и жать».

Теория «пяти элементов» говорила лишь о структуре космоса, но не объясняла происхождение мира. Этим занималась теория «*инь* и *ян*». Иероглиф *ян* изначально означал «свет солнца», относящееся к солнцу и свету, а иероглиф *инь* – отсутствие солнца, тень или темноту. Позднее *ян* и *инь* стали считаться космическими принципами, или силами, представляющими соответственно мужское начало, активность, жару, свет, сухость, твердость и женское начало, пассивность, холод, темноту, влагу, мягкость и т.д. Взаимодействие этих двух первопринципов порождает все космические феномены. Эта концепция доминировала в китайских космологических спекуляциях.

№2. Определите, какие высказывания не мог бы произнести последовательный материалист? Обоснуйте выбор.

1. Иоганн Готфрид Гердер «Бог. Несколько диалогов». Высшее бытие дало своим творениям высшее – действительность, бытие... Чем отличаются ... различные ступени бытия? Не чем иным как силами... Высшая мощь не могла быть не чем иным, как высшей мудростью и добром, вечно живым, вечно действующим... На сколь же высокой ступени стоим, следовательно, мы, человеческие существа, в которых при всей нашей ничтожности все же обитает с внутренней уверенностью живое выражение трех высших божественных и мировых сил – мощи, разума и добра!

2. Людвиг Фейербах «Сущность христианства». Потусторонний мир есть не что иное, как чувственный действительный мир, но мир в фантазии.

3. Людвиг Бюхнер «Сила и материя». Кому не надоело слышать пресловутую фразу о «смертном теле» и бессмертной душе», фразу, которой не раз злоупотребляли. При более точном исследовании мы, пожалуй, станем утверждать обратное и будем ближе к истине. Конечно, в своей индивидуальной форме тело смертно, но бессмертны его составные части... Оно меняется не только после смерти, но и при жизни, и притом постоянно. Но в высшем смысле этого слова тело бессмертно, так как ни одна частичка его не может быть уничтожена. Напротив, то, что мы называем духом, душой, сознанием, исчезает с уничтожением данного соединения материи, образующего индивид.

4. Лев Толстой «Дневники». Мы, крошечные отделенные существа с нашими случайными внешними чувствами (таких чувств может быть миллионы разных. Мы и видим разные у животных), мы этими чувствами творим мир, нами познаваемый, с микроскопическими животными и небесными телами, и живем в полной уверенности, что мир дейст-

вительно такой, и такой только и есть. Какая глупость! Не говоря уже о том, что мир-то этот нелепый в бесконечном времени вперед и назад и в бесконечном пространстве, с бесконечно великими частями материи и такими же бесконечно малыми частицами материи, т. е. совершенная чепуха, не говоря уже об этом, разве не очевидно, что то, что мы называем действительно существующим миром, есть произведение чувств одного, случайно одаренного известными, исключительными чувствами существа - человека. Так что тот мир который мы воображаем, что существует один, есть только одна из бесчисленных возможных случайностей. Знаем же мы, что это так, потому что знаем по участию в нем, что есть другой мир, не зависящий от тех или иных чувств, мир духовный, - один, только один. Этот другой мир мы не можем сказать, что знаем, но можем и должны сказать, что он есть. И знать то, что он есть, - великое благо.

5. Герберт Спенсер «Основные начала». Глубочайшие истины, каких мы только можем достичь, состоят лишь в простой констатации широчайших единообразий в нашем опыте, касающихся отношений материи, движения и силы, и что материя, движение и сила являются лишь символами Неведомой Реальности. Могущество (Power), природа которого остается навсегда непостижимой и пределов которому во времени и пространстве нельзя вообразить, производит в нас определенные действия.

6. Готхольд Эфраим Лессинг «О происхождении языка». Любая мельчайшая частица материи может быть использована душой в качестве объекта одного из чувств. Следовательно, весь материальный мир вплоть до мельчайших частиц одушевлен.

7. Свами Вивекананда «Жнана-йога». Этот мир – не наше настоящее место жительства; это только один из этапов, через которые мы должны пройти. Помните великое изречение философии санньясы: «Вся природа для души, а не душа для природы». Природа и существует только для воспитания души, иного смысла в ней нет; она существует, потому что душа должна обладать знанием и через знание освобождаться. Если мы всегда будем это помнить, мы никогда не будем «привязаны» к природе; мы будем знать, что природа – это книга, которую мы должны прочесть, и что, когда мы приобретем настоящее знание, книга потеряет для нас свое значение.

8. Иван Александрович Ильин «Путь духовного обновления». Родина нуждается в территории; но территория не есть родина. Родине необходима географическая и климатическая обстановка; но похожие условия климата и географической обстановки можно найти и в другой стране и т. д. Ни одно из этих условий жизни, взятое само по себе, не может указать человеку его родину: ибо родина есть нечто *от духа и для духа*... И вот, чтобы постигнуть сущность родины, необходимо уйти в глубь своего сердца, проверяя и удостоверяясь, и обнять взором весь объем человеческого духовного опыта.

9. Памфил Данилович Юркевич «Сердце и его значение в духовной жизни человека». Нравственные поступки возможны для человека, потому что он свободен. Эта свобода обнаруживается в явлениях души самоопределением ее к деятельности. Например, дела правды может человек совершать и по необходимости; в таком случае они имеют значение только юридическое, а не нравственное. Представьте теперь, что те же самые дела правды этот человек совершает свободно, *охотно*, из любви или от сердца, по *усердию*, тогда эти дела получают высокую нравственную цену.

10. Жюльен Офре де Ламетри «Человек-машина». Человеческое тело – это заводящая сама себя машина, живое олицетворение непрерывного движения. Пища восстанавливает в нем то, что пожирается лихорадкой. Без пищи душа изнемогает, впадает в неистовство и, наконец, изнуренная, умирает. Она напоминает тогда свечу, которая на минуту вспыхивает, прежде чем окончательно потухнуть. Но если питать тело и наполнять его сосуды живительными соками и подкрепляющими напитками, то душа становится бодрой, наполняется гордой отвагой и уподобляется солдату, которого ранее обращала в бегство вода, но который вдруг, оживая под звуки барабанного боя, бодро идет навстречу смерти. Точно таким же образом горячая вода волнует кровь, а холодная – успокаивает. Как велика власть пищи! Она рождает радость в опечаленном сердце; эта радость проникает в душу собеседников, выражающих ее веселыми песнями, на которые особенные мастера французы.

№3. Какое определение материи предлагает В. И. Ленин и с какой целью? В чем суть разногласий между В. И. Лениным и А. Ф. Лосевым? Кто из них прав?

Владимир Ильич Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об *источнике* нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к *физическому* миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого «физического мира». Когда физики говорят: «материя исчезает», они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям – материя, электричество, эфир; теперь же остаются только два последние, ибо материю удастся свести к электричеству, атом удастся объяснить как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необъятно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удастся, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют «две материи существенно различные», как говорит физик Пелла). Естествознание ведет, следовательно, к «*единству материи*» – вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т.д., которая сбивает с толку столь многих. «Материя исчезает» – это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо *единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания...

Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть метафизический, т. е. антидиалектический материализм. Поэтому И Дицген подчеркивал, что «объект науки бесконе-

чен», что неизмеримым, непознаваемым до конца, неисчерпаемым является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо природа во всех своих частях без начала и конца»...

Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т.е. диалектически-материалистической, точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир *и так далее* вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно да, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им.

Но диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д.

Лосев Алексей Федорович «Диалектика мифа». Материализм основывается как раз на сверх-чувственной и при том чисто интеллектуальной интуиции, так что и с этой стороны моя аргументация вполне обнаруживает его мифолого-догматическую природу. В самом деле, что такое материализм? Как показывает самое слово, тут должна играть какую-то особенную роль материя. Какую же? Она должна лежать в основе всякого и всяческого бытия, и к ней должны сводиться все причины и первопричины жизни и мира. Хорошо. Но что такое материя? То ли самое, что и материальные вещи? Конечно, не то же самое. Как деревянный шкаф не есть дерево и как печатная книга не есть просто бумага, так и материальная вещь не есть материя просто. Но, может быть, материя есть все вещи, взятые вместе? Однако 1. нам неизвестны все вещи, взятые вместе; и не зная ни их количества, ни качества этой суммы, мы не можем материю определять при помощи столь неясных признаков. 2. Кроме того, если одна материальная вещь не есть материя просто, то тем более все вещи, взятые вместе (даже если бы мы и точно представляли себе это все) не могут быть материей. Если это стальное перо не есть просто сталь, то, взявши все перья на свете, какие существуют, были или будут существовать, мы получим такую массу противоречивых признаков, что определение стали при их помощи станет просто нелепым. 3. Материя не есть и вещи, образующие внешний мир, ибо это было бы определением одного неизвестного через другое. Что такое внешний мир? Я вижу пред собою дерево. Это мир или нет? Явно, что это - дерево, а не мир (допустим, что это часть мира). Я вижу луну. Мир ли это? Это - луна, а не мир, т.е., в крайнем случае, часть мира, а не мир. Далее, я вижу солнце, горы, реки, людей, животных и т. д. и т. д. Где же тут мир и как собственно я должен представлять себе мир? Отдельные вещи не суть мир: где же самый-то мир? Передо мною необозримое количество частей мира: где же самый мир как целое? Я его не вижу, и материалист мне его не указывает. Но пусть даже я увидел бы мир как целое, как ограниченное и определенное тело, подобно тому как видели его антично-средневековые мыслители. Но тогда уже и младенцу ясно, что мир как целое отнюдь не есть простая сумма своих частей и увидеть дерево, луну, солнце и т. д. не значит еще увидеть мир. А кроме того, вопрос с материей тогда уже и совсем запутается, ибо не только о материи, но даже о материальных вещах и даже о всей их сумме, оказывается, недостаточно говорить, если зашел вопрос о мире как целом.

Итак, материя не есть 1) ни материальная вещь, 2) ни их сумма, механическая или органическая, 3) ни внешний мир как целое. Что же еще остается говорить материалистам? Они еще говорят вот что. Материя есть 4) то, что мы воспринимаем внешними чувствами. Вот это определение очень интересно. Оно с головой выдает мифологически-догматическую природу материализма.

1. Во-первых, это есть беспомощный призыв к спасению при помощи субъективизма. Что такое «мы» и что такое «внешние чувства»? Всякому школьнику известно, что существовала бесконечная цепь восхождения живых существ и бесконечно разнообразная эволюция их органов чувств. Где вы, дарвинисты? Каждому животному и каждому органу на каждой ступени его развития соответствует определенное восприятие и определенная картина внешнего мира. Где же тут материя, которую к тому же материалисты понимают как нечто вечное и постоянное? Одна картина восприятия у паука, другая у рака, третья - у рыб, четвертая у различных млекопитающих, пятая у человека (у одного человека можно насчитать сотни и тысячи различных типов восприятия), шестая у тех более совершенных существ, до которых, вероятно, разовьется человек и которые, быть может, уже существуют на других планетах. Ясно, что вышеприведенное определение материи страдает субъективизмом, а следовательно, и релятивизмом, упованием на случайность и барахтаньем в ползучем и слепом эмпиризме.

2. Кроме того, и по существу совершенно не верно, что материя есть то, что мы воспринимаем внешними чувствами. Внешними чувствами мы воспринимаем не материю, но материальные вещи. «Материю» же мы совершенно абстрактно отвлекаем от вещей, как «красноту» от красных вещей, «круглоту» от круглых вещей и т. д. Нельзя видеть «красноту» как таковую, но - лишь красные вещи; «красноту» же можно лишь отвлеченно мыслить; она есть абстрактное понятие. Точно так же невозможно видеть, слышать, осязать материю как таковую. Это - абстрактное понятие. Материю можно только мыслить.

3. Однако что же мы мыслим в понятии материи? Быть может, хоть здесь заключено нечто связанное с внешними чувствами? Другими словами, быть может, материя есть абстрактное понятие связанности вещей с нашими внешними чувствами? И с этим согласиться невозможно. В понятии материи ровно не мыслится ничего субъективного, да и сами материалисты утверждают, что материя - вечна и что она существовала раньше жизни и живых существ со всеми их восприятиями и самыми органами. Значит, указание на связь с внешними чувствами ни в каком смысле ничему не помогает.

В последнее время материалисты прибегли просто к подлогу. Они объявили материю не чем иным, как 5) принципом реальности, а материализм просто учением об объективности вещей и мира. Но тут остается только развести руками.

1. Если материя вещи есть реальность вещи и больше ничего, то материалисты - Платон, Аристотель и Плотин, ибо они признавали реальность космоса и даже давали его великолепную диалектику; материалисты - все отцы Церкви, ибо они признавали реальность Бога, реальность творения мира, реальность творения и грехопадения человека, реальность Христа и всей евангельской истории, реальность гибели и спасения людей и т. д. Таким образом, подлог явно обнаруживается: материя вовсе не есть просто реальность, но это - специфическая реальность. Какая же? Чувственных вещей? Но тогда опять опора на эмпирический сенсуализм и, стало быть, релятивизм. Всего мира? Но тогда неясно, что такое для материалиста мир. И т. д. И т. д. Словом, все предыдущие затруднения тут только повторяются.

2. Допустим, что известно, каких именно вещей и чего именно реальностью является материя. Но тогда опять-таки мы скажем, что реальности как таковой мы не видим, не слышим и не осязаем и что она, взятая самостоятельно, есть не материальная вещь, но абстрактное понятие. В таком случае при чем же тут «материализм»?

Наконец, в 6) физические теории материи я уже и не заглядываю. Если бы я здесь привел хотя бы только один список всех теорий материи, которые только существовали в физике, начиная от теории особой жидкости до теории полного и абсолютного уничтожения материи, то от этого у читателя только закружилась бы голова. Изучение истории физики как раз и показывает, что в материализме дело вовсе не в научной теории материи, ибо таких теорий - целые десятки и они летят одна за другой, как однодневные мотыльки. На этом хаосе совсем нельзя обосновать тот упор и напор, который обнаруживают материалисты в своем нападении на людей.

Из всего этого вывод вытекает сам собою. Материя, взятая сама по себе, есть абстрактное понятие, и материализм есть абсолютизация абстрактного понятия, т.е. типичная абстрактная метафизика. В самом деле, у человека очень много абстрактных понятий, без которых он не может мыслить мира и жизни. «Материя» - одно из таких законнейших и необходимейших понятий человеческого разума. Почему я должен вырывать одно понятие из цельной диалектической системы всех понятий вообще, ставить его в центр всего и по его имени называть всю свою философскую систему? Все абстрактные понятия в одинаковой мере абсолютны, и нет никаких логических оснований одно из них абсолютизировать в ущерб другому. С какой стати обязан я также именовать себя идеалистом? Если материалисты утверждают очевидность того «простого» факта, что все основано на материи, и если материя на самом деле есть не больше, чем абстрактное понятие, то ясно, что материализм основывается на особом рода интеллектуальной интуиции и что исходным пунктом его является особое откровение материи, подобно тому как бывает явление ангелов, светящегося креста на небе и т. д. Я вполне согласен, что материалистам это их откровение «материального» абсолюта вполне очевидно и убедительно; и я признаю за ними их логическое право осознавать этот опыт и строить его научную систему. Но зато и материалисты должны признать, что:

1. в основе их учения лежат не логика и знание, но непосредственное и притом сверх-чувственное откровение (ибо материя, как мы согласились, не есть нечто чувственное);

2. что это откровение дает опыт, который претендует на абсолютную исключительность, т.е. что этот опыт зацветает религиозным мифом;

3. и что этот миф получает абсолютную утвержденность в мысли, т.е. становится догматом...

Почему миф о всемогуществе знания или о примате материи не кажется мифом и обычно никем и не трактуется как миф? Миф, сказали мы, есть личностное бытие. А как понимается личностное бытие в новоевропейскую эпоху индивидуализма и буржуазного субъективизма? Исключительно - как чисто субъективное бытие. Личности нет в объективном - напр., в природном - бытии. Материализм и атеизм, как детище буржуазной культуры, понимает, в силу этого, природу как безличностный механизм; и потому он не в силах отнестись к природе личностно. Механизм просто и есть механизм, и - больше ничего. Разумеется, если механизм понимать как механизм, как чистый механизм, это опять-таки не будет мифологией, как не есть мифология ни Евклидова геометрия, ни чистая диалектика или силлогистика. Но только ли о чистом механизме говорит материалистическое мировоззрение? Только ли о некоей логической категории, строяемой исключительно средствами чистого разума? Конечно, нет. Оно гипостазировывает, овеществляет, абсолютизирует механизм, обожествляет его, ставит его на место всего. В таком случае он должен, если только хочет быть логически последовательным, понимать механистический мир личностно...

Однако же материалист ни в коем случае не может и даже не имеет права говорить о материи только как о таковой, т.е. только как об отвлеченном понятии. Он должен его абсолютизировать, т.е. представить в виде единственно возможного абсолютного бытия. Но как только мы допустим это, так тотчас же материя обращается во вселенское мертвое чудовище, которое, будучи смертью, тем не менее всем управляет. Позвольте, да почему же «мертвое», почему «чудовище», - спросит материалист. А потому, что мне некуда деть категорию личности и категорию жизни. Ведь эти же две категории есть совершенно неизбежное, совершенно естественное и, я бы сказал, совершенно банальное достояние и всякого живого опыта, и всякой диалектической мысли. Куда же мне деть эти категории? Если бы вероучение материализма допускало положить в основу бытия «жизнь» и «личность», тогда я не мог бы говорить ни о смерти, ни о чудовище, но тогда и материализм перестал бы быть материализмом. Материализм же утверждает, что все в конечном счете управляется материей и сводится на материю. В таком случае все управляется мертвым трупом и сводится на него. Тут, таким образом, центральный и основной объект материалистического вероучения и чисто логическая необходимость мыслить категорию «личности» и «жизни», ибо если я сказал «чудовище» и «смерть», то этим я уже использовал категории «личности» и «жизни»...

Мертвое и слепое вселенское чудовище - вот вся личность, вот все живое и вот вся история живой личности, на которую только и способен материализм. В этом его полная оригинальность и полная несводимость на прочие мировоззрения. Наука и научность не есть признак материализма. Идеалисты тоже разрабатывают и создают науку; и научность построений прельщает их не менее, чем материалистов. «Реализм», «жизненность», «практика» и прочие принципы также не характерны для материализма. Это - чисто религиозные категории; и всякий религиозный человек также хочет утверждаться только на подлинно-реальном бытии, только на жизненном опыте, и также запрещено ему

быть простым теоретиком и оставлять в небрежении практику, жизненное осуществление его идеалов. Даже и призыв к земной жизни не характерен для материализма, так как все язычество есть также не что иное, как славословие земле, плоти, земным радостям и утешениям, а язычество есть мистика. Единственное и исключительное оригинальное творчество новоевропейского материализма заключается именно в мифе о вселенском мертвом Левиафане, - который - и в этом заключается материалистическое исповедание чуда - воплощается в реальные вещи мира, умирает в них, чтобы потом опять воскреснуть и вознестись на черное небо мертвого и тупого сна без сновидений и без всяких признаков жизни. Ведь это же подлинное чудо - появление вещей из материи. Возьмите несколько деревянных досок: ни на одной из них нет ровно никакого признака стола. Как же вдруг появляется стол или шкаф? Говорят, - из соединения досок и палок. Но ведь «шкафности» не было ни в одной доске и ни в одной палке. Как же она появилась из соединения досок или палок? У вас в кармане нет ни гроша, и у меня в кармане нет ни гроша: как же появится вдруг грош, если мы соединим наши с вами карманы? Ясно, что должно совершиться чудо. Материалисты верят в чудесное, сверхъестественное воплощение - чуть-чуть только что не отца, а пока только какой-то глухой и слепой лагери-материи - воплощение в некое ясное и осмысленное слово, в реальные вещи, причем материалистический догмат требует, чтобы была «сила и материя», чтобы было движение, а не просто мертвые вещи (некоторые даже и материалистическую диалектику определяют как науку об общих законах движения), подобно тому как и в христианской религии воплотившееся Слово Божие обещает ниспослать и ниспосылает «иногo утешителя, Духа Истины, который от Отца исходит», чтобы он сообщил благодатные силы для жизни, проповеди, творчества и «движения». Так материалистическое учение о материи, законах природы (действующих в вещах) и движении есть вырождение христианского учения о троичности Лиц Божества и о воплощении Сына Божия, - вырождение, которое, тем не менее, в такой же мере мифологично и догматично, как и любая религиозная догма.

Я думаю, едва ли также стоит тут обнаруживать буржуазную природу материализма. Материализм основан на господстве отвлеченных функций человеческого рассудка, продукты которого проецируются вовне и в таком абстрактном виде абсолютизируются. В особенности отвратителен, и сам по себе и как обезьяна христианства, тот популярный, очень распространенный в бездарной толпе физиков, химиков, всяких естествоиспытателей и медиков «научный» материализм, на котором хотят базировать все мировоззрение. Это даже не буржуазная, а мелко-буржуазная идеология, философия мелких, серых, черствых, скупых, бездарных душонок, всего этого тошнотворного марева мелких и холодных эгоистов, относительно которых поневоле признаешь русскую революцию не только справедливой, но еще и мало достаточной. Научный позитивизм и эмпиризм, как и все это глупое превознесение науки в качестве абсолютно свободного и ни от чего не зависящего знания, есть не что иное, как последнее мещанское растление и обалдение духа, как подлинная, в точном социологическом смысле, мелко-буржуазная идеология. Это паршивый мелкий скряга хочет покорить мир своему ничтожному собственническому капризу. Для этого он и мыслит себе мир как некую бездушную, механически движущуюся скотину (иной мир он и не посмел бы себе присвоивать); и для этого он и мыслит себя как хорошего банкира, который путем одних математических вычислений овладевает живыми людьми и живым трудом (иное представление о себе самом не позволило бы быть человеку материалистом). Впрочем, предоставлю слово лицу, которое тоже очень хорошо пережило это мещанское, мещански-научное «все кругом»:

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно-рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно-довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежачее, дьявольски-косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное.
Но жалоб не надо; что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: все будет иначе.
(З. Гиппиус)

№4. Какие ступени бытия выделяет Б. П. Вышеславцев. Каковы закономерности соотношения между ними? Как может материализм объяснить существование данных ступеней бытия и связи между ними?

Борис Петрович Вышеславцев «Этика преображенного Эроса». Подлинная философия развертывает систему категорий бытия, систему ступеней бытия. Причем каждая ступень раскрывает новое качество бытия. Упрощая и схематизируя, мы можем наметить такие ступени:

1. Категории физико-математического бытия (материально-пространственные процессы). 2. Категории органического бытия (растительно-животные процессы). 3. Категория бытия психического (сознание и подсознание). Это царство природы; над ним возвышается царство духа и свободы. Дух и свобода – одно. 4. Категория бытия духовного, тоже имеющего несколько ступеней: наука, техника, экономика, право, мораль, искусство религия...

Вся эта лестница ступеней может быть оцениваема; причем здесь мы получаем соотношение высших и низших ступеней бытия: организм богаче и сложнее, чем простой механизм, – и потому ценнее; психическое бытие богаче и ценнее, чем только физическое; духовное богаче и ценнее психического.

Рассматривая эту иерархию в духовном бытии, нетрудно заметить один удивительный закон; он был сформулирован еще Аристотелем, а затем Гегелем: всякая высшая ступень бытия и ценности предполагает и содержит в себе все процессы механические и химические; психическая жизнь предполагает и содержит в себе процессы органической жизни. Духовная жизнь предполагает и содержит в себе психические процессы подсознания и сознания. В этом смысле человек во всей полноте своей есть механизм, химизм (обмен веществ), организм: есть неодушевленное растение, одушевленное животное и, наконец, творчески-свободный дух. Аристотель выражает этот закон соотношения ступеней в понятиях формы и материи: всякая низшая ступень бытия есть материя для высшей, которая есть ее новая форма; так, организм есть особая форма физико-химических процессов; душа есть особая форма органической жизни. Дух и свобода – особая форма психических процессов. Ясно, что всякая новая и высшая форма предполагает и содержит в себе предшествующую и низшую, как свою материю. Она формирует ее по-новому...

Некоторая естественная косность человека, постоянное стремление «опускаться», постоянное предпочтение, оказываемое низшим ценностям, имеют глубокое основание в особом законе соотношения категорий бытия и ступеней ценности. Закон этот со всей философской строгостью и неумолимостью формулирован Н. Гартманом в его «Категориальных законах». Он гласит следующее: высота категории обратно пропорциональна ее силе. Высшие формы бытия суть наиболее сложные, обусловленные, зависимые и потому наиболее слабые и хрупкие; тогда как низшие формы наименее обусловлены и потому наиболее безусловны и крепки.

Жизнь человека на земле требует бесконечно сложной суммы условий в космическом смысле: особой температуры солнца, особой конструкции земли, наличности воды и воздуха, иначе говоря – сложнейшей суммы условий представляющих, как думают некоторые астрономы, редчайшее, а может быть, и единственное исключение во вселенной. Если хоть одно из этих условий пошатнется, то немедленно рухнут все высшие ступени и формы жизни: прекратится культура, исчезнет человек, исчезнет органическая жизнь; однако камни и скалы на земле, как на луне, еще останутся, ибо они гораздо прочнее требуют гораздо меньшего количества условий для своего существования. Что же касается механики атомов и химических процессов, то она вообще останется неизблемой при всякой мировой катастрофе, при всякой гибели земли, ибо низшая ступень физико-химического бытия есть самая прочная ступень.

Другой пример: человек умирает и превращается в труп, который разлагается; исчезают высшие формы психической и органической жизни, но физико-химические процессы, происходящие в трупе, сохраняются неизблемыми. Они индифферентны к жизни и смерти. Им ничего не страшно, они продолжают свое ненарушимое действие. Скелет бесконечно более прочен в своей ужасающей простоте, чем хрупкий и гениально построенный живой организм. Бытие пирамиды крепче и устойчивее, нежели жизнь фараона. Это очень грустный закон, нечто вроде всеобщей энтропии. Если серьезно вдуматься в него, то нам откроется закон всеобщего трагизма бытия, которому грозит всеобщее снижение, обратный спуск к самым низшим ступеням, к первобытной туманности. Надо спасать полноту высших ступеней жизни, их блестящий расцвет, а для этого нужно чудо, нужен Спаситель!

Здесь открывается поразительное прозрение космического трагизма, хорошо известное великим религиям человечества, как индуизму, так и христианству. Все возвышенное, благородное, драгоценное есть вместе с тем самое хрупкое и уязвимое. Человек более уязвим, нежели растение; растение – более уязвимо, нежели камень; благородное растение, как роза и виноград, гораздо менее живучи, чем бурьян и плющ; низшие и смертоносные бактерии обладают невероятной устойчивостью и силой сопротивления. Как раз самое высшее может страдать и умирать, а не самое низшее. Притом Сократа легче убить, нежели сиракузского тирана, Христа легче убить, нежели Пилата, а потому не поклониться ли префекту и тирану, которых нельзя убить и которые сами могут всех убить? Так всегда рассуждает толпа, ей всегда импонирует факт силы, власти, величины. Она всегда делает ставку на низшее, но более крепкое...

История героев, мучеников, пророков и святых есть великое подтверждение закона трагизма, закона слабости и хрупкости высших форм жизни. Но вот что особенно удивительно: как раз когда они гибнут, они выше всего. Таково свойство возвышенного – оно легко гибнет, оно не защищается, даже как бы ищет гибели, жертвуя собой. Притом если бы этой гибели не было, то и жертвы бы не было, не было бы, поэтому и величия святости. Так что в самой слабости высших ступеней как бы удостоверена их подлинная высота. Нужно известное величие души, чтобы понять красоту риска, жертвы, гибели. Только для благородного человека риск есть «благородное дело». Одни это понимают сразу, другие – никогда. Таков вечный и всемирный Чичиков. Для него прочность низших форм бытия всегда ценнее эфемерности и хрупкости высших, синица в руке всегда ценнее журавля в небе.

Он всегда отклонит героизм тем неотразимым доводом, какой применил анекдотический солдат: «Лучше полча-са быть трусом, чем потом всю жизнь быть покойником». Огромное большинство всегда признает безопасность, силу, власть и богатство надежнее и ценнее святости, героизма, красоты и величия.

№5. Что является высшей ценностью для Аристиппа и Киренской школы? Что общего между взглядами киренаиков и чарваков? Почему Гегесий покончил собой? К какой позиции ближе взгляды Архита и Эпикура – к гедонизму киренаиков или аскетизму?

Аристипп и Киренская школа. Аристипп был родом из Кирены, а в Афины он приехал, привлеченный славой Сократа, как сообщает Эсхин.... Он умел применяться ко всякому месту, времени или человеку, играя свою роль в соответствии со всею обстановкой. Поэтому и при дворе Дионисия он имел больше успеха, чем все остальные, всегда отлично осваиваясь с обстоятельствами. Дело в том, что он извлекал наслаждение из того, что было в этот миг доступно, и не трудился разыскивать наслаждение в том, что было недоступно. За это Диоген называл его царским псом... Однажды Дионисий предложил ему из трех гетер выбрать одну; Аристипп увел с собою всех троих, сказав:

«Парису плохо пришлось за то, что он отдал предпочтение одной из трех». Впрочем, говорят, что он довел их только до дверей и отпустил. Так легко ему было и принять и пренебречь. Поэтому и сказал ему Стратон (а, по мнению других, Платон): «Тебе одному дано ходить одинаково как в мантии, так и в лохмотьях». Когда Дионисий плюнул в него, он стерпел, а когда кто-то начал его за это бранить, он сказал: «Рыбаки подставляют себя брызгам моря, чтобы поймать мелкую рыбешку; я ли не вынесу брызг слюны, желая поймать большую рыбу?»

Однажды, когда он проходил мимо Диогена, который чистил себе овощи, тот, насмехаясь, сказал: «Если бы ты умел кормиться вот этим, тебе не пришлось бы прислуживать при дворах тираннов». – «А если бы ты умел обращаться с людьми, – ответил Аристипп, – тебе не пришлось бы чистить себе овощи»... Однажды, когда его упрекали за роскошную жизнь, он сказал: «Если бы роскошь была дурна, ее не было бы на пирах у богов»... Он был любовником гетеры Лаиды... Тем, кто осуждал его, он говорил: «Ведь я владею Лаидой, а не она мною; а лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им»...

Ученики - Те из них, которые сохранили верность учению Аристиппа и назывались киренаиками, придерживались следующих положений. Они принимали два состояния души – боль и наслаждение: плавное движение является наслаждением, резкое – болью. Между наслаждением и наслаждением нет никакой разницы, ни одно не сладостнее другого. Наслаждение для всех живых существ привлекательно, боль отвратительна. Однако здесь имеется в виду и считается конечным благом лишь телесное наслаждение... Кроме того, они различают конечное благо и счастье: именно конечное благо есть частное наслаждение, а счастье – совокупность частных наслаждений, включающая также наслаждения прошлые и будущие. К частным наслаждениям следует стремиться ради них самих, а к счастью – не ради него самого, но ради частных наслаждений. Доказательство того, что наслаждение является конечным благом, в том, что мы с детства бессознательно влечемся к нему и, достигнув его, более ничего не ищем, а также в том, что мы больше всего избегаем боли, которая противоположна наслаждению. Наслаждение является благом, даже если оно порождается безобразнейшими вещами (так заявляет Гиппобот в сочинении «О школах»): именно даже если поступок будет недостойным, все же наслаждение остается благом, и к нему следует стремиться ради него самого.

Однако телесные наслаждения много выше душевных, и телесные страдания много тяжелее: потому-то они и служат преимущественным наказанием для преступников. Таким образом, считая, что боль неприятна, а наслаждение приятно, они главным образом заботились о последнем. Поэтому же – ибо хотя к наслаждению следует стремиться ради него самого, но некоторые наслаждения часто порождают противоположные им беспокойства – они считают слишком утомительным добиваться соединения всех наслаждений, составляющих счастье... Друзей мы любим ради выгоды, так же как заботимся о частях своего тела лишь до тех пор, пока владеем ими... Мудрец чужд зависти, любви и суеверия, ибо эти чувства порождают пустою мнительностью, но ему знакомы горе и страх, которые порождаются естественно. Богатство также дает возможность наслаждения, самостоятельной же ценности не имеет. Страсти постижимы, но причины их непостижимы. Физика отвергается, ибо природа явно непостижима... Нет ничего справедливого, прекрасного или безобразного по природе: все это определяется установлением и обычаем. Однако знающий человек воздерживается от дурных поступков, избегая наказания и дурной славы, ибо он мудр.

Так называемые гегесианцы различали те же два предельных состояния: наслаждение и боль. По их мнению, не существует ни благодарности, ни дружбы, ни благодеяния, так как к ним ко всем мы стремимся не ради них самих, а ради их выгод, ибо без выгод их не бывает. Счастье совершенно невозможно: тело наше исполнено многих страданий, а душа разделяет страдания тела и оттого волнуется, случай же часто не дает сбыться надеждам, – потому-то счастье и неосуществимо. Предпочтительны как жизнь, так и смерть. Мудрец все делает ради себя, полагая, что из других людей никто его не стоит.

Философия чарвака. «Чарвака» – слово, которое обычно обозначает «материалист». Однако происхождение этого слова окутано тайной. Согласно одной версии, слово «чарвака» первоначально было именем мудреца, выступившего с материалистическими взглядами. От этого собственного имени произошло и общее наименование, которым стали обозначать последователей этого мудреца, то есть материалистов. Другие думают, что словом «чарвака» издавна именовались материалисты: потому ли, что они проповедовали доктрину «ешь, пей, веселись» («чарв» – есть, жевать), или потому, что их слова были приятны и доходчивы («чару» – приятный, доходчивый, «вак» – слово)... Самое существование нашего тела связано как с наслаждениями, так и со страданиями. Мы можем только стремиться к тому, чтобы свести наши страдания к минимуму и получить максимум наслаждений. Освобождение же в смысле полного прекращения страданий может означать только смерть. Те, кто при жизни пытается добиться освобождения от удовольствий и страданий путем сурового подавления своих естественных наклонностей, считая, что все наслаждения в случае их удовлетворения связаны со страданиями, поступают как глупцы... Поэтому назначение человеческой жизни состоит в том, чтобы добиваться в земной жизни максимума наслаждений и по возможности избегать страданий. Хорошая жизнь – это получение максимума удовольствий. Хороший поступок – тот, который приносит больше наслаждений, а плохой – тот, который причиняет больше страданий, чем наслаждений. Поэтому этика чарваков может быть названа гедонизмом, то есть теорией о наслаждении как высшем назначении человеческой жизни.

Цицерон «О старости». По словам Архита, самый губительный бич, какой природа только могла дать людям, – плотское наслаждение; страсти, жаждущие этого наслаждения, безрассудно и неудержимо стремятся к удовлетворению; отсюда случаи измены отечеству, отсюда случаи ниспровержения государственного строя, отсюда тайные сношения с врагами; словом, нет преступления, нет дурного деяния, на которые страстное желание плотского наслаждения не толкнуло бы человека; что касается кровосмешений, прелюбодеяний и всяческих подобных гнусностей, то все они порождаются одной только жаждой наслаждения; в то время как самое прекрасное, что человеку даровала природа или какое-нибудь божество, – это разум, ничто так не враждебно этому божественному дару, как плотское наслаждение; ведь при господстве похоти нет места для воздержности, да и вообще в царстве наслаждения доблесть утвердиться не может. Чтобы легче понять это, Архит советовал вообразить себе человека, охваченного столь силь-

ным плотским наслаждением, какое только возможно испытать; по его мнению, ни для кого не будет сомнений в том, что этот человек, пока будет испытывать такую радость, ни над чем не сможет задуматься и ничего не постигнет ни разумом, ни размышлением; поэтому ничто не достойно такого глубокого презрения, какого достойно наслаждение, раз оно, будучи сильным и продолжительным, способно погасить свет духа.

Эпикур «Эпикур приветствует Менекея». Надо принять во внимание, что желания бывают одни естественные, другие - пустые (вздорные) и из числа естественных одни - необходимые, а другие - только естественные, а из числа необходимых одни - необходимы для счастья, другие - для спокойствия тела, третьи - для самой жизни. Свободное от ошибок рассмотрение этих фактов при всяком выборе и избегании может содействовать здоровью тела и безмятежности души, так как это есть цель счастливой жизни; ведь ради этого мы все делаем, - именно чтобы не иметь ни страданий, ни тревог. А раз это с нами случилось (нам досталось, произошло), всякая буря души рассеивается, так как живому существу нет надобности идти к чему-то как к недостающему и искать чего-то другого, от чего благо души и тела достигнет полноты. Да, мы имеем надобность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия; а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии. Поэтому-то мы и называем удовольствие началом и концом (альфой и омегой) счастливой жизни. Его мы познали как первое благо, прирожденное нам; с него начинаем мы всякий выбор и избегание; к нему возвращаемся мы, судя внутренним чувством, как мериллом, о всяком благе.

Так как удовольствие есть первое и прирожденное нам благо, то поэтому мы выбираем не всякое удовольствие, но иногда мы обходим многие удовольствия, когда за ними следует для нас большая неприятность; также мы считаем многие страдания лучше удовольствия, когда приходит для нас большее удовольствие, после того как мы вытерпим страдания в течение долгого времени. Таким образом, всякое удовольствие, по естественному родству с нами, есть благо, но не всякое удовольствие следует выбирать, равно как и страдание всякое есть зло, но не всякого страдания следует избегать. Но должно обо всем этом судить по соразмерению и по рассмотрению полезного и неполезного: ведь в некоторых случаях мы смотрим на благо как на зло и обратно - на зло как на благо.

Да и довольство своим (умеренность) мы считаем великим благом не затем, чтобы всегда пользоваться немногим, но затем, чтобы, если у нас не будет многого, пользоваться (довольствоваться) немногим, в полном убеждении, что с наибольшим удовольствием наслаждаются роскошью те, которые наименее в ней нуждаются, и что все естественное легко добывается, а пустое, [т. е. излишнее], трудно добывается. Простые блюда (кушанья) доставляют такое же удовольствие, как и дорогой стол (пища), когда все страдание от недостатка устранено. Хлеб и вода доставляют величайшее (высшее) удовольствие, когда человек подносит их к устам, чувствуя потребность. Таким образом, привычка к простой, недорогой пище способствует улучшению здоровья, делает человека деятельным по отношению к насущным потребностям жизни, приводит нас в лучшее расположение духа, когда мы после долгого промежутка получаем доступ к предметам роскоши, и делает нас неустранимыми пред случайностью.

Итак, когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения мальчиками и женщинами, не наслаждения рыбою и всеми прочими яствами, которые доставляет роскошный стол, рожают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее [лживые] мнения, от которых душу объемлет величайшее смятение (которые производят в душе величайшее смятение).

ОНТОЛОГИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА

№1. Определите, какая общая идея относительно связи изменчивости и устойчивости содержится в данных текстах. Есть ли различие в ее трактовке?

Иоганн Скотт Эриугена. Познавая бытие вещей, теологи заключают, что и Бог существует, из того обстоятельства, что вещи правильно распределены по родам и видам, они делают вывод, что Бог мудр, а, наблюдая повсюду покоем движущееся движение и движущийся покой, они приходят к заключению, что Бог живет.

Алексей Федорович Лосев «Диалектика и здравый смысл». *Движение.* Первая такая аксиома гласит: все движется.

Неужели тут надо что-нибудь доказывать? И не сочтем ли мы душевнобольным человека, который будет утверждать, что все на свете абсолютно неподвижно, что ничего на свете нельзя сдвинуть с места и что мертвый покой раз и навсегда объял всю действительность

Покой. А вот и вторая аксиома: все покоится. Тут читатель, правда, может замахать руками в знак протеста и отрицать, что все покоится. Но с моей стороны, как мне кажется, требуется только одно небольшое разъяснение, чтобы эта аксиома стала понятной.

«Скажи мне, пожалуйста, ты родился в таком-то году?» – «Да, я родился в таком-то году». – «А скажи, пожалуйста, когда ты поступал в школу, тебе сколько было лет?» – «Мне было тогда 7 лет». – «А поступая в школу, ты был как раз тем самым Иваном, который родился 7 лет назад, или в момент поступления в школу ты был уже не Иван, а, допустим, Петр или Семен?» – «Конечно, я был тот же самый Иван». – «А когда ты станешь взрослым человеком, ты тоже будешь продолжать быть Иваном или станешь каким-нибудь Генрихом или Ричардом?» Конечно, ты опять-таки останешься все тем же Иваном... Ясно, что человек, с одной стороны, непрерывно движется и меняется с возрастом, а с другой стороны, вовсе никак не движется и не становится каким-то иным человеком, и это вовсе не только теория.

Посмеешь ли ты подумать хоть одно мгновение, что вчера ты был Иван, а сегодня ты не Иван, а Людовик? Другими словами, можно ли двигаться, не пребывая в покое? И можно ли пребывать в покое ровно без всякого движения?

И тут вполне ясно, что такое отождествление движения и покоя вовсе не относится только к человеку или только к живому существу. А камень? А поверхность Земли? Ведь всякая вещь вообще, о которой можно сказать хотя бы одно слово, является и все время разной, и все время одной и той же, пока она реально существует. И это не просто моя теория, да та не теория вообще, это очевиднейший факт, самоочевидная действительность. Разве это теория, если старик умирает, будучи тем же самым, кем он родился в свое время? Доказывать, что в свои 20 лет ты не тот же самый человек, которым ты был в свои 10 лет, значит заниматься софистикой. Поэтому софист не тот, кто утверждает необходимую совместность движения и покоя, а тот, кто эту совместность отрицает...

Подвижной покой. Но тут я подошел к той третьей и к той четвертой аксиомам, которые тоже составляют самое ядро диалектики. Ясно, что Иван одновременно и меняется и не меняется, или, говоря вообще, и движется и не движется. И если я теперь скажу, что всему, что только существует и мыслится, обязательно свойствен подвижной покой, можешь ли ты что-нибудь возразить? Нет. А между тем звучит-то этот подвижной покой как будто бы чересчур непонятно и абстрактно. Непонятно это бывает только в том случае, если люди отказываются от здравого смысла. На самом же деле это самый обыкновенный факт, что ты в течение всей своей жизни остаешься Иваном, а не перестаешь быть Иваном и становишься вдруг испанским королем Фердинандом VII. Но если бы ты и стал фактически этим королем, все равно это был бы тот же самый ты. Уже само слово «превратился» свидетельствовало бы в данном случае о том, что ты при всех своих превращениях в основе своей остаешься тем же. А иначе и само слово «превратился» потеряло бы всякий смысл.

Ли Дао-Чунь «Свод сочинений о срединности и гармонии». Столкновение в вибрации упругости и податливости — это движение и покой Перемен. Поднятия и спуск Инь и Ян - то движение и покой дыхания... Если во время фазы покоя есть стабильность, то разве во время фазы движения не будет удачи? Покой является основой для движения. Движение является основной пружиной в механизме покоя. Если не теряется постоянство движения и покоя, тогда Путь сохраняет ясность сияния.

Иоганн Вольфганг Гете.

Когда в бескрайности природы,
Где, повторяясь, все течет,
Растут бесчисленные своды
И каждый свод врастает в свод,
Тогда звезда и червь убогий
Равны пред мощью бытия,
И мнится нам покоем в божьей
Вся мировая толчея.

Пак Чжэ Ву «Энергии пространства». Гомо, Гетеро и Нейтро - три фундаментальные силы, лежащие в основе существования и продолжающие оказывать свое влияние на все объекты и явления в мире посредством строго упорядоченных принципов. Гомо — это сила, сохраняющая неизменность, Гетеро - ила, стремящаяся изменить и обновить все сущее, а Нейтро представляет собой первичную силу, которая порождает их, инициирует процесс возникновения явлений из нулевого состояния и поддерживает существование. К тому же, эта сила играет ведущую роль в эволюционном процессе, одновременно контролируя силы Гомо и Гетеро и сохраняя гармонию окружающего мира. Стремясь остановить любые изменения, Гомо сила предотвращает нарастание беспорядка, порождаемого Гетеро силой, и поддерживает подобие существующих явлений, заставляя их следовать единым законам. Гомо силе свойственен дух неизменности и восстановления нарушенных Гетеро силой принципов, дана способность упрощать сложные разнообразные формы существования путем возврата их к исходному элементарному состоянию. Гетеро сила старается предотвратить действие силы Гомо, при любой возможности создавая новые объекты и явления. Она расширяет сферы влияния, наращивает численность, способствует созданию нового, ускоряя темпы изменений и насаждая разнообразие. При отсутствии ограничений со стороны Гомо силы и контроля со стороны Нейтро Гетеро сила, обладающая достаточно большими возможностями, способна привести к дезорганизации и хаосу... Нейтро сила всегда находится вместе с Гомо и Гетеро, гарантируя их совместное влияние на поддержание упорядоченности существующих явлений.

№2. В чем заключается болезнь времени? Как справиться с этой болезнью?

Николай Александрович Бердяев. «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения».

Мы хотим увековечить дорогое нам и прекрасное настоящее, мы боимся, когда оно от нас уходит, печалимся его умиранию. Мы, наоборот, хотим исчезновения мучительного для нас и уродливого настоящего. Родное, дорогое нам, ценное настоящее должно было бы быть вечным, для него не должно было бы наступать то будущее, которое делало бы его прошлым. Будущее и делает настоящее прошлым, в этом смертоносная связь прошлого и будущего. Время есть болезнь, болезнь к смерти. И есть смертельная печаль в этой болезни, болезни времени. Течение времени безнадежно печально. Печален взгляд человека на уходящее время. Не случайно такой значительный и оригинальный писатель, как Пруст, сделал основной темой своего творчества уловление уходящего времени, восстановление прошлого в творческом художественном воспоминании...

В чем болезнь и смертельная печаль времени? В невозможности пережить полноту и радость настоящего как достижения вечности, в невозможности в этом моменте настоящего, самом даже полноценном и радостном, освободиться от отравы прошлого и будущего, от печали о прошлом и от страха будущего. Радость мгновения не переживается как полнота вечности, в ней есть отравленность стремительно мчащимся временем. Мгновение, как часть уходящего времени, несет в себе всю разорванность, всю мучительность времени, вечное разделение на прошлое и будущее. И лишь мгновение, как приобщение к вечности, имеет иное качество. Есть глубокая меланхолия в мысли о том, что все непрочное, все преходящее. Мысль о прошлом и мысль о будущем меланхоличны. Нельзя думать о будущем без

меланхолии и даже без ужаса. Эта меланхолия и этот ужас проходят не в рефлексии о будущем, а исключительно в творческой активности настоящего, когда будущее открывается не как фатум и не как детерминация. Мы осуществляем свою судьбу, реализуем полноту личности во времени и мы ненавидим время, как разрыв и смерть.

Карус говорит о прометеевском предвидящем начале и эпиметеевском вспоминающем начале. Но прометеевское начало есть не только предвидящее, это прежде всего героическое, творчески активное начало, и в нем побеждается меланхолия и ужас будущего, как необходимости и обреченности. Память есть глубочайшее онтологическое начало в человеке, которым связывается и держится единство личности. Но в падшем мире человек не мог бы существовать, если бы не было забвения, потери памяти в отношении к многому. Память обо всем, о прошлом и будущем разрушила бы человека, он не выдержал бы этой памяти. И забвение приходит, как освобождение и облегчение. Человек постоянно хочет забыться, забыть о прошлом и будущем. Это ему плохо удается, удаются лишь короткие мгновения, но самая потребность в забвении свидетельствует о смертельной болезни времени. Есть люди прошлого, люди будущего, люди вечного. Большинство людей живет в тех или иных разорванных частях времени, и лишь немногие прорываются к вечности, т. е. преодолевают болезнь времени. Пророки обращены к будущему, но они прозревают его только потому, что они в духе преодолевают время, судят о времени из вечности. В духе меняется измерение времени, время угасает и наступает вечность. Очень распространено заблуждение, в силу которого прошлое принимается за вечное. В действительности в прошлом было вечное, была частичная приобщенность к вечности, и это вечное входит в настоящее и в будущее. Но в прошлом, в настоящем прошлом было много тленного, преходящего, дурного, гораздо больше, чем вечного. Оно может исчезнуть в преображенном воспоминании. Но консервативное сознание, идеализирующее в своем настоящем прошлое, принимает его за вечное. Также ошибочно сознание, которое думает, что в прошлом не было приобщения к вечности и что вечное раскроется лишь в будущем. Прошлое и будущее, разорванные части большого времени, не имеют преимущества в отношении к вечности. Священное находится внутри мгновения, приобщенного к вечности, а не в объективированных социальных образованиях прошлого и будущего. Будущее имеет то преимущество, что в отношении к нему раскрывается свобода, что оно может активно твориться. Это есть преодоление детерминизма, связанного с прошлым, в отношении к будущему...

Выздоровевшее время есть вечность. И вся творческая активность, творящая новое, должна быть направлена не на будущее, которое предполагает заботу и страх и не преодолевает окончательно детерминизма, а к вечности. Это есть движение, обратное ускорению времени. Оно отличается и от ускорения времени, связанного с техникой, и от печали и меланхолии, связанной с пассивно-эмоциональным переживанием смертоносного времени. Это есть победа духа...

Переживание божественной полноты мгновения есть величайшая мечта человека и величайшее его достижение. Вся мудрость Гете, вся значительность его жизненной судьбы связана с этим его даром переживать полноту мгновения, с этой его способностью видеть божественное целое в самой малой части космической жизни. Так преодолевал он по-своему болезнь времени...

Для технической эпохи характерна скорость. Происходит бешеное ускорение времени. Жизнь человека подчинена этому ускоряющемуся времени. Каждое мгновение не имеет ценности и полноты в себе, на нем нельзя задержаться, оно должно быть как можно скорее заменено следующим мгновением. Каждое мгновение есть лишь средство для следующего за ним мгновения. Каждое мгновение бесконечно делимо, и в этой бесконечной делимости нельзя ухватить ничего ценного в себе. Техническая эпоха целиком устремлена к будущему, но это будущее целиком детерминировано процессом, происходящим во времени. «Я» не имеет времени сознать себя свободным творцом будущего. Оно уносится бешеным потоком времени. Это есть как бы новый зон времени. Скорость, созданная механизацией и машинизацией, разрушительна для «я», для его единства и внутренней сосредоточенности. Механизация и машинизация есть крайняя форма объективации человеческого существования, выбрасывания его вовне, в чуждый и холодный мир. Этот мир создан человеком, но человек не находит себя в нем. «Я» разлагается и дробится в ускоряющемся времени, оно также разлагается и дробится, как и самое время, как и каждое мгновение времени. У него не остается неразложимого настоящего полноценного мгновения. Цельность и единство «я» связаны с цельностью и единством неразложимого настоящего, полноценного мгновения, которое не есть уже средство для последующего мгновения. Но это значит, что цельность, единство и углубленность «я» предполагает созерцание. Полноценное, неразложимое мгновение есть мгновение созерцания, несогласного быть средством для последующего мгновения, приобщение к вечности. «Я» предполагает активность, без активности и творчества нет «я», это принадлежит к конституирующим его признакам. Но «я» предполагает также созерцание, без созерцания нет сосредоточенности, углубленности, цельности «я», оно выбрасывается вовне в своей активности и объективируется, т. е. отпадает от собственного существования. Созерцание так же необходимо для претворения «я» в личность, как и творческая активность. Существование моего «я» есть движение и изменение, активность и создание нового, не бывшего. Но оно есть также созерцание, углубление, сосредоточенность, выход из времени, погружение в мгновение. Без этой созерцательности «я» потерялось бы в космической бесконечности...

Возможно два отношения к времени: переживание настоящего без всякой мысли и рефлексии о будущем и вечном и переживание настоящего как вечного. Первое отношение ко времени предполагает забвение, ослабление памяти, с которой связано существо личности. Забыться в мгновении - так определяется иногда это отношение к времени. При этом мгновение, в котором забываются, может совсем не обладать особенной ценностью, оно может, например, означать, что человек напился пьян или опьянен какой-либо страстью, менее всего вводящей в вечность. Второе отношение ко времени означает преодоление болезни времени, и оно вводит в вечность. Это не есть мгновение, в котором человек забывается, - наоборот, это есть мгновение, в котором переживается особенная полнота, в котором не забвение изолирует часть целого жизни, а память освещает целое жизни, которое обладает полноценностью. Страх и ужас будущего преодолевается легкомыслием и глубокомыслием...

Интенсивность переживаний изменяет характер времени и по-иному его измеряет. Это каждый знает по своему опыту. Счастливые часов не наблюдают. Сильное страдание переживается как вечная адская мука. Каждый знает, как может удлиниться и укорачиваться время в зависимости от интенсивности жизни, от событий человеческого существования. Математическая измеримость времени теряет значение, и человеческое существование выходит из власти часов и календаря. Мы так держимся за наблюдение часов, потому что не очень счастливы и слишком часто несчастны. Также в творческом вдохновении время не измеряется математически. Это всегда значит, что вечность прорывается во время, вторгается в него и определяет его течение. Все, что не вечно, не от вечности и не для вечности, не имеет настоящей цены и должно исчезнуть, будущее несет ему смерть, конец во времени, противоположный концу времени. Время вне вечности и есть отпадение от вечности. И вместе с тем время есть момент вечности и потому только время и имеет смысл. Это есть обоюдоострый парадокс времени, который невозможно мыслить беспротиворечиво в категории времени.

№3. Найдите общий подход к случайности и необходимости, который прослеживается в этих текстах:

Фридрих Энгельс. Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану, и даже не в рамках определенным образом ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому необходимость, дополнением и формой проявления которой является случайность. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь все случайности, – опять-таки, в конечном счете, экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится – более или менее удачная, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, – это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т.д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что дело шло к этому, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело, и это открытие должно было быть сделано.

Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет.

Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой». На неравновесные процессы смотрели как на второстепенные детали, возмущения, мелкие несущественные подробности, не заслуживающие специального изучения. В настоящее время ситуация полностью изменилась. Ныне мы знаем, что вдали от равновесия могут спонтанно возникать новые типы структур. В сильно неравновесных условиях может совершаться переход от беспорядка, теплового хаоса, к порядку. Могут возникать новые динамические состояния материи, отражающие взаимодействие данной системы с окружающей средой. Эти новые структуры мы называли диссипативными структурами, стремясь подчеркнуть конструктивную роль диссипативных процессов в их образовании.

Действительно, законы равновесия обладают высокой общностью: они универсальны. Что же касается поведения материи вблизи состояния равновесия, то ему свойственна «повторяемость». В то же время вдали от равновесия начинают действовать различные механизмы, соответствующие возможности возникновения диссипативных структур различных типов. Например, вдали от равновесия мы можем наблюдать возникновение химических часов – химических реакций с характерным когерентным (согласованным) периодическим изменением концентрации реагентов. Вдали от равновесия наблюдаются также процессы самоорганизации, приводящие к образованию неоднородных структур – неравновесных кристаллов.

Следует особо подчеркнуть, что такое поведение сильно неравновесных систем довольно неожиданно. Действительно, каждый из нас интуитивно представляет себе, что химическая реакция протекает примерно следующим образом: молекулы «плавают» в пространстве, сталкиваются и, перестраиваясь в результате столкновения, превращаются в новые молекулы. Хаотическое поведение молекул можно уподобить картине, которую рисуют атомисты, описывая движение пляшущих в воздухе пылинок. Но в случае химических часов мы сталкиваемся с химической реакцией, протекающей совсем не так, как нам подсказывает интуиция. Несколько упрощая ситуацию, можно утверждать, что в случае химических часов все молекулы изменяют свое химическое тождество одновременно, через правильные промежутки времени. Если представить себе, что молекулы исходного вещества и продукта реакции окрашены соответственно в синий и красный цвета, то мы увидели бы, как изменяется их цвет в ритме химических часов...

Ясно, что такую периодическую реакцию невозможно описать исходя из интуитивных представлений о хаотическом поведении молекул. Возник порядок нового, ранее не известного типа. В данном случае уместно говорить о новой когерентности, о механизме «коммуникации» между молекулами. Но связь такого типа может возникать только в сильно неравновесных условиях. Интересно отметить, что подобная связь широко распространена в мире живого. Существование ее можно принять за самую основу определения биологической системы. Необходимо также добавить, что тип диссипативной структуры в значительной степени зависит от условий ее образования. Существенную роль в отборе механизма самоорганизации могут играть внешние поля, например гравитационное поле Земли или магнитное поле.

Следует подчеркнуть, что вблизи точек бифуркации в системах наблюдаются значительные флуктуации. Такие системы как бы «колеблются» перед выбором одного из нескольких путей эволюции, и знаменитый закон больших чисел, если понимать его как обычно, перестает действовать. Небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы. Неизбежно напрашивается аналогия с социальными явлениями и даже с историей. Далекие от мысли противопоставлять случайность и необходимость, мы считаем, что оба аспекта играют существенную роль в описании нелинейных сильно неравновесных систем.

Олвин Тоффлер. Показывая, что при неравновесных условиях энтропия может производить не деградацию, а порядок, организацию и, в конечном счете, жизнь, Пригожин и Стенгерс подрывают и традиционные представления классической термодинамики... Наконец, нельзя не упомянуть еще об одном синтезе, достигнутом в работе Пригожина и Стенгерс, – установлении ими нового отношения между случайностью и необходимостью... Они не только доказывают, что в окружающем нас мире действуют и детерминизм, и случайность, но и прослеживают, каким образом необходимость и случайность великолепно согласуются, дополняя одна другую.

Согласно теории изменения, проистекающей из понятия диссипативной структуры, когда на систему, находящуюся в сильно неравновесном состоянии, действуют, угрожая ее структуре, флуктуации, наступает критический момент – система достигает точки бифуркации. Пригожин и Стенгерс считают, что в точке бифуркации принципиально невозможно предсказать, в какое состояние перейдет система. Случайность подталкивает то, что остается от системы, на новый путь развития, а после того как путь (один из многих возможных) выбран, вновь вступает в силу детерминизм – и так до следующей точки бифуркации. Таким образом, в теории Пригожина и Стенгерс случайность и необходимость выступают не как несовместимые противоположности: в судьбе системы случайность и необходимость играют важные роли, взаимно дополняя одна другую.

№4. Каковы три основные признаки причинно-следственной связи, согласно Д. Юму? Откуда происходит идея необходимой связи? Если Д. Юм прав, то какие следствия из этого проистекают для науки?

Давид Юм «Трактат о человеческой природе». Очевидно, что все рассуждения относительно *фактов* основаны на отношении причины и действия и что мы никогда не можем вывести существование одного объекта из другого, если они не взаимосвязаны, опосредованно или непосредственно. Следовательно, чтобы понять указанные рассуждения, мы должны быть отлично знакомы с идеей причины; а для этого мы должны осмотреться вокруг, дабы найти нечто такое, что есть причина другого.

На столе лежит бильярдный шар, а другой шар движется к нему с известной скоростью. Они ударяются друг о друга, и шар, который прежде был в покое, теперь приобретает движение. Это наиболее совершенный пример отношения причины и действия, какой мы только знаем из чувств или из размышления. Давайте поэтому исследуем его. Очевидно, что перед тем, как было передано движение, два шара соприкоснулись друг с другом и что между ударом и движением не было никакого промежутка времени. Пространственно-временная *смежность* является, следовательно, необходимым условием действия всех причин. Подобным же образом очевидно, что движение, которое было причиной, первично по отношению к движению, которое было следствием. *Первичность* во времени есть, следовательно, второе необходимое условие действия каждой причины. Но это не все. Возьмем какие-либо другие шары, находящиеся в подобной же ситуации, и мы всегда найдем, что толчок одного вызывает движение в другом. Здесь, следовательно, имеет место *третье* условие, а именно *постоянное соединение* причины и действия. Каждый объект, подобный причине, всегда производит некоторый объект, подобный действию. Помимо этих трех условий смежности, первичности и постоянного соединения, я не могу открыть в этой причине ничего. Первый шар находится в движении; он касается второго; непосредственно приходит в движение второй шар; повторяя опыт с теми же самыми или сходными шарами при тех же самых или сходных обстоятельствах, я нахожу, что за движением и касанием одного шара всегда следует движение другого. Какую бы форму я ни придавал этому вопросу и как бы ни исследовал его, я не могу обнаружить ничего большего.

Так обстоит дело, когда и причина, и следствие даны ощущениям. Посмотрим теперь, на чем основывается наш вывод, когда мы умозаключаем из наличия одного, что существует или будет существовать другое. Предположим, я вижу шар,двигающийся по прямой линии по направлению к другому; я немедленно заключаю, что они столкнутся и что второй шар придет в движение. Это вывод от причины к действию. И такова природа всех наших рассуждений в житейской практике. На этом основана вся наша осведомленность в истории. Из этого выводится и вся философия, за исключением геометрии и арифметики. Если мы сможем объяснить, как получается вывод из столкновения двух шаров, мы будем в состоянии объяснить эту операцию ума во всех случаях.

Пусть некоторый человек, такой, как Адам, созданный обладающим полной силой разума, не обладает опытом. Тогда он никогда не будет в состоянии вывести движение второго шара из движения и толчка первого. *Выводить* следствие заставляет нас не какая-либо вещь, которую разум усматривает в причине. Такой вывод, будь он возможен, был бы равносителен дедуктивному доказательству, ибо он всецело основан на сравнении идей. Но вывод от причины к действию не равносителен доказательству, что явствует из следующего очевидного рассуждения. Ум всегда может *представить*, что какое-либо действие вытекает из какой-либо причины и даже что какое-либо произвольное событие следует после какого-то другого. Все, что бы мы ни *вообразили*, возможно по крайней мере в метафизическом смысле; но всякий раз, когда имеет место дедуктивное доказательство, противоположное невозможно и влечет за собой противоречие. Следовательно, не существует дедуктивного доказательства какого-либо соединения причины и действия. И это принцип, который философы признают всюду.

Следовательно, для Адама (если ему этого не внушили извне) необходимо было бы иметь *опыт*, свидетельствующий, что действие следует за столкновением этих двух шаров. Он должен на нескольких примерах наблюдать,

что, когда один шар сталкивается с другим, второй всегда приобретает движение. Если бы он наблюдал достаточное число примеров этого рода, то всякий раз, когда бы он видел один шар,двигающийся по направлению к другому, он бы заключал без колебаний, что второй приобретет движение. Его разум предвосхищал бы его взор и осуществлял умозаключение, соответствующее его прошлому опыту.

Отсюда следует, что все рассуждения относительно причины и действия основаны на опыте и что все рассуждения из опыта основаны на предположении, что в природе будет неизменно сохраняться один и тот же порядок. Мы заключаем, что сходные причины при сходных обстоятельствах всегда будут производить подобные действия. Теперь, может быть, стоит рассмотреть, что побуждает нас образовывать умозаключения с таким бесконечным количеством следствий. Очевидно, что Адам со всем своим знанием никогда не был бы в состоянии *доказать*, что в природе постоянно должен сохраняться один и тот же порядок и что будущее должно соответствовать прошлому. Никогда нельзя доказать, что возможное ложно. А возможно, что порядок природы может измениться, ибо мы в состоянии вообразить такое изменение.

Более того, я пойду дальше и буду утверждать, что Адам не смог бы доказать даже и при помощи каких-либо *вероятных* умозаключений, что будущее должно соответствовать прошлому. Все вероятные умозаключения основаны на предположении, что существует соответствие между будущим и прошлым, а потому никто никогда не сможет доказать, что такое соответствие существует. Это соответствие есть *вопрос факта*; и, если его следовало бы доказать, оно не допускало бы никаких доказательств, кроме почерпнутых из опыта. Но наш прошлый опыт не может ничего доказать относительно будущего, разве лишь мы предположим, что между прошлым и будущим существует сходство. Это, следовательно, пункт, который вообще не может допускать доказательства и который мы принимаем как нечто само собой разумеющееся без всякого доказательства...

Следовательно, руководителем в жизни является не разум, а привычка, лишь она побуждает ум во всех случаях предполагать, что будущее соответствует прошлому. Каким бы легким ни казался этот шаг, разум никогда в течение целой вечности не был бы в состоянии его совершить.

№5. Что управляет миром, согласно данным текстам? Установите соответствие между названиями – провиденциализм, детерминизм, фатализм и содержанием текстов.

Поль Анри Гольбах «Система природы, или о законах мира физического и мира духовного». Пусть же человек перестанет искать вне обитаемого им мира существа, способные дать ему то счастье, в котором ему отказывает природа. Пусть он изучает эту природу и ее законы, пусть созерцает ее энергию и неизменный образ действий. Пусть он применит свои открытия для достижения собственного счастья и молча подчинится законам, от действия которых ничто не может его избавить. Пусть он согласится с тем, что не знает причин, окружающих для него непроницаемой завесой; пусть безропотно покорится велениям универсальной силы, которая никогда не возвращается вспять и никогда не может нарушить законы, предписанные ей ее собственной сущностью...

Следовательно, во всех своих исканиях человек должен прибегать к опыту и физике: их советами он должен пользоваться в своей религии и морали, в своем законодательстве, в своей политике, в науках и искусствах, в своих удовольствиях и страданиях. Природа действует по простым, единообразным, неизменным законам, познать которые позволяет нам опыт. Посредством наших чувств мы связаны со всеобъемлющей природой, с их помощью мы можем изучать ее опытным путем и раскрывать ее тайны. Но лишь только мы покидаем опыт, как низвергаемся в пустоту, где нас сбивает с пути наше воображение. Все заблуждения людей – это заблуждения в области физики; люди обманываются лишь тогда, когда пренебрегают природой, не желают считаться с ее законами и призывать к себе на помощь опыт.

Святой Иоанн Дамаскин «Точное изложение православной веры». Промышление есть Божие попечение о существующем. Другими словами: Промышление есть воля Божия, которой все существующее надлежащим образом управляется. Так как Промышление есть воля Божия, то совершенно необходимо, чтобы все, происходящее по Промышлению, было несомненно самым прекрасным и самым достойным Божества, таким, что не могло бы быть лучше...

То, что зависит от Промышления, происходит или по благоизволению Божию, или по попущению. По благоизволению Божию происходит то, что бесспорно – добро. По попущению же – то, что не является бесспорно добром. Так Бог часто попускает и праведнику впадать в несчастья, дабы показать другим сокрытую в нем добродетель; так было, например, с Иовом. Иногда Бог попускает нечто странное, чтобы видимо несообразным действием совершить что-либо великое и дивное; так, крестом было совершено спасение людей. В некоторых случаях Бог попускает святому человеку тяжело страдать, дабы не отпал святой от правой совести или не впал он в гордость по причине данных ему силы и благодати; так было с Павлом. На время Бог оставляет человека для исправления другого, дабы другие, смотря на него, исправлялись, так было с Лазарем и богатым.

Иосиф Левин «Сочинения». Хаос предстает перед нами и в облике судьбы. Ибо судьба, рок, μοῖρα [случай, судьба] - это нечто оголенное от всего того, что мы связываем с эманациями [истечениями Абсолюта]. Здесь нет ни логической или даже причинной закономерности, ни целесообразности, ни сознательного решения кого бы то ни было, - остается слепой случай. И недаром рок отождествляется с жребием (уже в кумранских рукописях). И у греков судьба - она же τύχη. Судьба - это олицетворение власти слепой силы... Сознательные действия Лайя, направленные на то, чтобы избежать судьбы, неукоснительно ведут к роковому концу. Поскольку случаю приписывается власть над разумным и целесообразным - он превращается в слепую необходимость. Моῖρα вместе с тем и ἀνάγκη [необходимость, рок, судьба], destino invitto e ferrata necessita [непобедимая судьба и железная необходимость] (Леопарди), властвующие не только над людьми, но и над богами.

Итак, не чистая случайность, а случайность, вторгшаяся в мир сознательного и разумного; как власть, она издает свои предписания; это случайность, приспосабливающаяся к своему новому окружению, воспринимающая некоторые его формы и, так сказать, использующая заимствованные у него средства. Но эта необходимость - прямая противоположность логической, причинной, разумной. Это необходимость или неизбежность, которая ничем не может быть обоснована (судьба! не судьба!). Это хаос, возведенный в закон, абсурд, прикидывающийся смыслом. Понятие судьбы содержит, таким образом, два момента: непрерываемость предначертанного - и его абсолютную необоснованность законами логики, природы, жизни, этики. Человеку трудно сохранить «чистую» идею судьбы. У греков в нее привносится этический элемент. Роковой финал в какой-то мере предопределен наследственным грехом. В христианстве и исламе (кисмет) судьба отчасти совпадает с решением Бога, с тем, что «в высшем суждено совете». Но по существу мир, в котором царит Рок - это мир без Бога.

Но в чем реальное зерно этой идеи?

Говорят, что человек творец своей судьбы. Во всяком случае, человек может дать немало в выработке своего характера, изменении среды как географической, так и социальной, может переменить окружающую его обстановку и т.д. и т.п. Но исходная точка этого развития от него не зависит, и это ограничивает и все его дальнейшие возможности. Я имею в виду те данные, с которыми он появляется на свет, эпоху, место в пространстве, страну, национальность и т.д. Конечно, наука доказывает, что все это обусловлено, что данный субъект является продуктом определенных хромосом, генов, и что законы наследственности, обстоятельства, среда предопределяют рождение именно данной собаки, именно овчарки, а не пуделя, кобеля, а не суки. Все это так, собаку бы эти научные данные вполне удовлетворили. А вот для меня все же остается непостижимым, что этот предопределенный субъект - это я, именно Я. И я понимаю, что это справедливо в отношении всякого другого я. Встречу этого детерминированного прошлым субъекта именно со мной - а я чувствую с самого начала, что я этим субъектом не исчерпываюсь, - я и воспринимаю как свою судьбу, как роковую власть случая, τύχη, как нечто несводимое ни к логической или физической необходимости, ни к целесообразности, ни к сознательному решению. Судьба - это месть хаоса, ибо щупальцы его достигают меня сквозь все эманации в виде моей прирожденной единичности. Но мое развитие - это уже не судьба, это уже результат моего единоробства с судьбой.

№6. Что такое судьба, согласно В. Франклу? В каких формах она выражается? Как связаны судьба и свобода личности?

Виктор Франкл «Свобода и ответственность».

Ответственность человека, осознание которой столь важно для экзистенциального анализа - это ответственность перед неповторимостью и уникальностью каждого человеческого существования; существования ответственного перед лицом своей конечности. Эта конечность жизни не делает ее бессмысленной; напротив, смерть делает жизнь осмысленной. Мы сказали, что неповторимость жизни включает в себя неповторимость каждой ситуации; единственность жизни включает единственность каждой судьбы. Судьба вообще является, по аналогии со смертью, частью жизни. Человек не может выйти из рамок своей конкретной, единственной и неповторимой судьбы. Если он борется против своей судьбы, против того, за что он не несет никакой ответственности или вины, тогда он игнорирует смысл судьбы, а смысл судьбы существует - именно судьба дает жизни смысл, как и смерть. В границах своего исключительного пространства - судьбы - каждый человек незаменим. Каждый отдельный человек со своей единственной судьбой - один во всем космосе. Его судьба не повторится. Ни у кого нет тех же самых возможностей, какие есть у него, и он сам никогда больше не будет иметь их вновь. Все те возможности реализовать ценности творчества или переживания, которые ему выпадают, т. е. все, что ему преподнесет судьба и чего он, следовательно, не сможет изменить, а должен будет нести, реализуя ценности отношения, - все это уникально и неповторимо.

Парадоксальность отказа от судьбы становится ясной, когда кто-нибудь спрашивает, кем бы он стал, если бы его зачал не его фактический отец, а какой-нибудь другой человек. Но при этом он забывает, что в этом случае «он» был бы не он, что носителем судьбы был бы совсем другой, так что он больше не мог говорить уже о *своей* судьбе. Следовательно, вопрос о возможности другой судьбы сам по себе невозможен, противоречив и бессмыслен.

Судьба относится к человеку так же, как земля, к которой его приковывает сила тяжести, но без которой, однако, ходьба была бы невозможной. Мы должны принять свою судьбу, как и землю, на которой мы стоим, - землю, служащую нам трамплином для нашей свободы. Свобода без судьбы невозможна; свобода может означать лишь свободу по отношению к своей собственной судьбе. Каждый человек свободен. Но он не свободно парит в безвоздушном пространстве, а окружен множеством взаимосвязей. Эти взаимосвязи являются, однако, точками посягательства на его свободу. Свобода предполагает связанность, не может обойтись без нее. Но эта невозможность не означает зависимости. Земля, по которой идет человек, трансцендируется каждый раз уже в ходьбе и является для него стартовой площадкой. Если бы мы захотели дать определение человеку, то следовало было бы определить его как существо, которое каждый раз освобождается от того, чем оно определяется (определяется как биологический, социологический и психологический тип); то есть существо, которое трансцендирует все эти определения, преодолевая или преобразуя их, и в то же время продолжая подчиняться им.

Эта парадоксальность характеризует диалектический характер человека, к существенным чертам которого относятся его вечная незаконченность и отказ от самого себя; его реальностью является возможность, а его бытие определяется тем, чем он может быть.

Человеческое бытие - это ответственное бытие, потому что это свободное бытие. Это бытие, которое каждый раз решает, чем ему быть: это «решающее бытие» (Ясперс). Это именно бытие, а не просто наличествование (Хайдеггер). Стол, который стоит передо мной, есть и останется таким, какой он есть, если он не будет изменен человеком; человек же, который сидит за этим столом напротив меня, каждый раз решает, кем он будет в следующую секунду, что он

скажет мне или, может быть, не скажет. Многообразие различных возможностей, из которых он в своем существовании реализует всегда лишь единственную, отличает его бытие как таковое (отличительное бытие человека, названное экзистенцией, может быть также обозначено как «бытие, которым являюсь я»). От выбора среди огромного количества возможностей человеку не уйти ни на один миг своей жизни. Он может только делать вид, будто не имеет свободы выбора и принятия решений...

Комизм человека, который не осознает свою свободу принятия решений, становится очевидным в некоторых забавных историях. Так, одна из них рассказывает о человеке, который объясняет своей жене, сколь аморально современное человечество, и в качестве доказательства добавляет: «Сегодня, например, я нашел сумку. Ты думаешь, мне пришлось в голову отдать ее в бюро находок?». Что смешного в этом человеке? Да то, что он говорит о собственной аморальности так, как будто за нее не отвечает. Этот человек делает вид, что он должен принимать свою собственную аморальность как данность, так же как следует принимать аморальность других людей как факт. Он делает вид, будто он несвободен и не может решать, оставит ли он сумку у себя или отнесет ее в бюро находок.

Мы уже упоминали о человеке, который представил «сущность» жизни как процесс сгорания. Свеча, которая *наличествует* (пользуясь экзистенциалистской терминологией), сгорает до конца, не будучи в состоянии каким-либо образом управлять этим процессом; человек же - напротив, каждый раз имеет возможность свободно решать, как распорядиться своим *бытием*. Его возможность решать настолько всеобъемлюща, что он может воспользоваться еще и возможностью самоуничтожения: человек может «погасить самого себя». Свобода любого решения, так называемая свобода воли, является для непредубежденного человека вещью само собой разумеющейся; он воспринимает себя свободным. Seriously сомневаться в свободе воли может лишь тот, кто находится в плену детерминистской философской теории или страдает параноидной шизофренией и воспринимает свою волю как несвободную, «навязанную». Однако в невротическом фатализме скрыта свобода воли: невротик сам себе закрывает путь к действительным возможностям, он сам преграждает себе путь к тому, чем он мог бы быть. Так он деформирует свою жизнь и уходит от действительности становления вместо того, чтобы ее совершать (так как человеческое бытие как целое может быть охарактеризовано как «действительность свершения»). Свободе воли противостоит судьба, так как судьбой мы называем именно то, что принципиально ускользает от свободы человека, то, что не находится ни во власти, ни в ответственности человека. Причем мы ни на один миг не забываем, что человеческая свобода как таковая накрепко связана с судьбой, поскольку она вообще может раскрыться лишь в ней и благодаря ей.

К судьбе относится, прежде всего, все прошлое (в силу своей необратимости). Фактическое (сделанное, ставшее, прошедшее) и есть подлинный фатум. И тем не менее, человек свободен и по отношению к прошлому, а следовательно, и по отношению к судьбе. Хотя прошлое и делает понятным настоящее, было бы несправедливым, если бы будущее определялось исключительно прошлым, - характерное заблуждение типично невротического фатализма, который одновременно с пониманием ошибок, сделанных в прошлом, соглашается на прощение тех же самых ошибок в будущем, тогда как ошибки прошлого могли бы служить благодатным материалом для «лучшего» будущего, если бы из них извлекали уроки. Следовательно, человеку предоставляется свобода: или фаталистически относиться к своему прошлому, или извлекать из него уроки. Но учиться никогда не бывает слишком поздно - как, впрочем, и никогда не бывает слишком рано. Кто игнорирует это, подобен тому пьянице, которому однажды сказали, что он должен бросить пить, на что он ответил, что уже слишком поздно; когда же ему возразили, что это-де никогда не поздно сделать, он ответил: «Тогда у меня тем более еще есть время!».

Благодаря необратимости прошлого, которое стало судьбой, как раз и провозглашается человеческая свобода: судьбе следует каждый раз быть стимулом для ответственного деяния. Человеку приходится в жизни каждый раз из всего множества возможностей выбирать одну-единственную и, реализуя ее, помещать в царство прошлого, укрывая, так сказать, в надежное место. Прошедшее «остаётся» в царстве прошлого, как бы парадоксально это ни звучало, и «остаётся» не вопреки, а именно благодаря тому, что оно прошло! Ведь мы уже говорили, что реальность прошлого сохраняется в двойном смысле «уничтожения» и «сохранения», и утверждали: происшедшее - это самая «надежная» форма бытия. Преходящи лишь возможности (вспомните о неповторимых ситуационных ценностях и о необратимо преходящей возможности их реализации); то, что сохранено от преходящести, - это сохраненная в прошлом реальность. Мгновение становится вечностью, если удастся превратить возможности, которые таит в себе настоящее, в те реальности, которые в прошлом надежно укрыты «навечно». В этом смысл любой реализации. В этом смысле человек реализует возможности не только тогда, когда он совершает какое-то деяние или создает произведение, но и тогда, когда речь идет лишь о переживании. В этом смысле, и в соответствии с логикой объективизма этого рода, можно утверждать, что реализованное путем переживания не может быть действительно уничтожено тем, что оно попадает в забвение, даже путем полного устранения возможности ожить в воспоминаниях, например, из-за смерти субъекта переживаний. Обычно человек видит лишь скошенное поле преходящего; но он упускает из виду полные сараи прошлого. В прошлом же, однако, нет ничего безвозвратно потерянного, скорее все сохранено без потерь. Нельзя устранить из мира ничего, что однажды произошло: ведь однажды оно было привнесено в мир!...

Если мы обратимся к тем случаям или ситуациям, в которых человек сталкивается с биологической судьбой, то перед нами возникнет вопрос, как далеко простирается свобода человека по отношению к органическому или как глубоко в физиологическое проникает власть его свободной воли... Должны ли мы подчиниться власти биологической судьбы? ... *тот, кто считает свою судьбу решенной окончательно и бесповоротно, не в состоянии победить ее...*

На мой взгляд, не нужно постоянно противопоставлять силу человеческого духа силе природы. И та и другая свойственны человеку, в нем все взаимосвязано. Ведь человек - гражданин нескольких государств, в жизни он постоянно находится в напряжении, в биполярном силовом поле. Если бы мы захотели сопоставить действие этих сил, то это привело бы к ничейному результату. Вечная борьба свободы человека в нем с его внутренней и внешней судьбой и составляет, собственно, его жизнь. Не желая ни в малейшей степени недооценить фактор судьбы, мы, врачи-

психотерапевты, видим в ней все же, в конечном счете, лишь испытание для человеческой свободы. По эвристическим соображениям нам следовало бы делать вид, как будто граница свободного «могу» по отношению к продиктованному судьбой «должен» бесконечно удалена, - тогда мы, по крайней мере, сможем пойти так далеко, как это только возможно (Рудольф Адлерс)...

Биологическая судьба является для человеческой свободы лишь материалом, который надо еще преобразовать. В этом, с позиции человека, заключается ее последний смысл. Действительно, мы постоянно видим, как человек успешно встраивает ее в свое историческое или биографическое здание жизни. Мы постоянно встречаем людей, которым образцовым образом удалось преодолеть первоначальные ограничения их свободы, обусловленные биологически; преодолеть трудности, стоявшие вначале на пути их духовного развития. Способ организации их жизни сравним с художественным или спортивным достижением...

Нам известен мужчина, у которого вследствие заболевания головного мозга, перенесенного еще в чреве матери, были частично парализованы руки и ноги; его ноги были такими хилыми, что он мог передвигаться только в коляске. До самой поздней юности он считался умственно отсталым и оставался безграмотным, пока наконец в нем не принял участие один ученый и не организовал для него занятия; в необычайно короткое время наш пациент изучил не только письмо, чтение, но и вузовские дисциплины - в тех областях, которые его особенно интересовали. Целый ряд выдающихся ученых и университетских профессоров соревновались за честь быть его личным учителем. У себя дома он несколько раз в неделю устраивал приемы, где вызывающим восхищение центром был он сам. Прекрасные женщины жаждали его благосклонности; из-за него между ними возникали сцены, скандалы, были даже попытки самоубийств. При всем этом мужчина был даже не в состоянии нормально говорить: его артикуляция также была вовлечена в болезненный процесс; потя от напряжения, с судорожным лицом, он вынужден был энергично бороться за техническое воспроизведение каждого отдельного слова. Какое же достижение представляет собой организация жизни этого человека, какой силой убедительности обладает она в качестве образца для наших больных, имеющих в среднем значительно более легкий старт, чем этот пациент, который, если бы все пошло лишь в соответствии с его «судьбой», с таким же успехом еще и сегодня мог бы владеть жалкое существование в известном заведении, чтобы однажды там умереть.

Теперь перейдем к обсуждению того, что мы называли психологической судьбой человека и под чем мы понимаем то душевное, что противостоит человеческой свободе. Невротические больные склонны к слепой вере в судьбу в психологическом смысле и постоянно ссылаются на то, что направление, сила их влечений или слабость воли и характера предопределены судьбой. Невротик со свойственным ему фатализмом следует формуле: «Так есть - и таким это и останется»; и как раз в последней части этой формулы он оказывается не прав.

Я «хочу». Оно «вынуждает». Но человеческое Я никогда не бывает просто «вынуждаемо». Хождение под парусом заключается не в том, что лодку просто гонит ветром; искусство хождения под парусом начинается с того, что человек использует силу ветра в нужном ему направлении, так что он может даже направить свою лодку и против ветра. Первоначальной слабости воли, вероятно, не существует; сила воли хотя и гипостазирована невротиком, но не является чем-то статическим, чем-то раз и навсегда данным, а является функцией: ясного осознания цели, честного решения и известной тренировки. Если человек, еще до того, как он попытается что-то сделать, будет постоянно думать о том, что попытка не удастся, она и не сможет удалиться; уже потому не сможет, что свою неправоту признают неохотно даже перед самим собой...

К тому же под влиянием положений индивидуальной психологии - неверно понимая их и неверно используя - невротические фаталисты ссылаются иногда и на то, что «сделали» из него воспитание и среда, на то, что они определили его судьбу и тому подобное. Такие люди хотят освободить себя от ответственности за слабость своего характера. Они принимают эту слабость как данность, вместо того чтобы поставить перед собой задачу самовоспитания. Одна больная, которая однажды после попытки самоубийства была доставлена в клинику нервных болезней, сказала психотерапевту, отклоняя его помощь: «Чего вы хотите от меня? Я - типичный «единственный ребенок» по Альфреду Адлеру». Как будто речь не идет как раз о том, чтобы освободиться от дурного типического, что есть в человеке...

Во многих случаях душевных заболеваний возможное свободное духовное отношение больного к ним может быть реализовано лучше всего в форме примирения с судьбой. Ведь именно тщетная длительная борьба со свойственными живым существам состояниями ведет к дополнительной депрессии; тогда как тот, кто эти состояния без сопротивления просто принимает, скорее избавляется от них...

Всякому психиатру известно, каким различным - в зависимости от разных установок духа - может быть поведение психически больных людей при одном и том же психозе. Один паралитик раздражен и настроен враждебно по отношению к людям, тогда как другой - добродушен, любезен и даже очарователен...

Мы считаем, что отдельный человек во всех отношениях включен в социальный контекст. Он определен сообществом в двояком смысле: с одной стороны, он обусловлен всем социальным организмом, а с другой стороны, одновременно целенаправлен на этот совокупный организм. Таким образом, существует как социальная обусловленность индивидуума, так и его социальная целенаправленность. Что касается социальной обусловленности, следует подчеркнуть, что так называемые социологические законы никогда не детерминируют индивидуум полностью; следовательно, ни в коей мере не лишают его свободы воли. По отношению к социальной судьбе человек так же сохраняет поле свободных возможностей принятия решений, как и по отношению к своей биологической или психологической судьбе. Что же касается социальной направленности, то следует указать на то заблуждение, которые в области психотерапии свойственны прежде всего индивидуальной психологии: я имею в виду ту ошибочную точку зрения, согласно которой все ценностное поведение человека в конечном счете есть не что иное, как социально правильное поведение. Точка зрения, что ценностным может быть только то, что полезно обществу, не выдерживает никакой критики. Она привела бы к ценностному обеднению человеческого бытия. Можно легко доказать, что в мире ценностей существуют инди-

видуальные области ценностей, реализация которых может быть и даже должна быть осуществлена помимо и независимо от любого человеческого сообщества. Именно там, где речь идет о ценностях переживания, нет места пользе для сообщества. Ценностная полнота, которая открывается отдельному человеку в процессе художественных переживаний или созерцания природы, совершенно не зависит от того, получит ли когда-нибудь сообщество от этого пользу. При этом мы не упускаем из виду, что имеется еще ряд ценностей переживания, которые по своей сути остаются в области ценностей общественного переживания — происходит ли это на более широкой основе (товарищество, солидарность) или же на основе эротического партнерства, в форме сообщества двух людей...

ЭЙДОЛОГИЯ (УЧЕНИЕ ОБ ИДЕЯХ)

№1. Каков смысл образа пещеры и света за ее пределами?

Платон «Государство». Представь, что люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная, представь, невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

— Это я себе представляю,— сказал Главкон.

— Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Станный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Прежде всего, разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Непременно так.

— Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

— Клянусь Зевсом, я этого не думаю. — Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

— Это совершенно неизбежно.

— Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное. Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную проходящую перед ним вещь и заставят отвечать на вопрос, что это такое? Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

— Конечно, он так подумает. — А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не отвернется он поспешно к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?...

— Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть все то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем — на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом — на самые вещи; при этом то, что на небе, и самое небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

— Несомненно.

— И, наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самое Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других ему чуждых средах...

— Так как же? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

— И даже очень.

— А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу, награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что обычно появлялось сперва, что после, а что и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испытывал бы то, о чем говорит Гомер, то есть сильнейшим образом желал бы

...как поденщик, работая в поле,

Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный

и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

– Я-то думаю, он предпочтет вытерпеть все, что угодно, чем жить так.

– А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут – а на это потребовалось бы немалое время, – разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

– Непременно убили бы.

№2. Какова связь между тем, что говорится в тексте Н. О. Лосского и в стихотворении Ш. Бодлера?

Николай Онуфриевич Лосский «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция». Положим, я слышу четыре удара башенных часов, отмечающих время. Слышимые мною звуки суть события во времени, но что такое «четыре»? Когда я мыслю число «четыре», смысл этого слова явным образом не есть событие, возникающее и исчезающее во времени. Мое думание об этом смысле возникает и исчезает во времени, но сам думаемый мною смысл не течет во времени: форма «четверичности» слышимых мною четырех звуков есть нечто невременное... Будучи невременною и непространственною, она не обладает характером «непрерывной исчезаемости» и не приурочена к одному определенному отрезку времени или месту пространства: четыре звука, слышимые мною, четыре колебания маятника, всякий четырехстопный ямб в «Евгении Онегине» Пушкина, четыре чувства какого-либо человека, четыре звезды на небе и т. п. имеют одну и ту же, *тождественную* для всех перечисленных случаев форму «четверичности»; каждая *четверка* (звуков, стихов, чувств и т. п.) есть новый экземпляр группы предметов, но форма *четверичности* в них буквально одна и та же, численно *одна*, *тождественная* для всех четверок, в каком бы времени и в каком бы месте пространства они ни находились. Учение о таких невременных и непространственных основах мира разработал Платон и назвал их словом *идея* или *эйдос* (idea, eidos). Изучаемые математикой числа, величины, отношения их суть невременные и непространственные идеи, тождественные для всех предметов всего мира. Даже основные свойства времени и пространства, например то, что в них есть отношения «прежде», «после», «сзади», «спереди» и т. п., тоже суть идеи, не текущие во времени и не сидящие в определенном месте пространства, а тождественные элементы всякого времени и пространства. Идеи не суть мысли; они суть своеобразный вид бытия...

Кроме перечисленных, и все другие отношения, благодаря которым мир есть систематическое целое, например отношение сходства, противоречия, противоположности, единства и т. п., – суть идеи. Их можно назвать *формальными* идеями, так как они образуют форму мира. Но, кроме формальных, есть еще и *материальные* идеи. Таковы все содержания мира, мыслимые нами в *общих* понятиях, например в понятии лошадь, человек и т. п. В понятии лошадь мы мыслим природу всякой лошади, ее лошадность; в понятии человек – природу всякого человека, нашу человечность.

Материальные идеи, как и формальные, невременны и непространственны; поэтому они могут быть *тождественною основою* единичных предметов, находящихся в различных местах пространства и в различные времена. Следующий пример может дать представление об этом виде связи предметов. Философ Сократ жил в Афинах в V веке до Р. Хр., французский философ Декарт жил в Западной Европе в XVII веке, немецкий философ Кант жил в Кенигсберге в XVIII веке. Время и место жизни этих лиц находится сполна вне друг друга, но в составе их бытия находится одна и та же, буквально тождественная, идея человечности, т. е. человеческой природы. Индивидуальное сверхвременное и сверхпространственное я Сократа, Декарта и Канта организовало свое тело и творило события своей жизни, руководясь одною и тою же идеею человечности.

Всякое событие и всякий процесс имеет в своей основе много различных идей, формальных и материальных. Следовательно, в мировом бытии, кроме ежесекундно исчезающей стороны, есть очень много устойчивого, невременного бытия, и потому понятно, что нам кажется, будто многие окружающие нас предметы подолгу совсем не меняются. Когда мы смотрим на белый потолок своей комнаты, на черную поверхность своего стола, нам кажется, что цвет этих предметов не есть событие, что он в течение часа не меняется; на самом деле, эти цвета вместе с лучами света, идущими от потолка и стола к нашему глазу, ежесекундно отпадали в прошлое и вновь нарождались в очень *сходной* форме, и притом подобно одной и той же *идее* белизны, одной и той же идее черноты...

Английский философ XVIII века Беркли совершил ошибку такую же, как Антистен. Он говорил, что, например, треугольник как общая идея не может существовать в нашем уме, потому что он был бы «не остроугольный, не равно-сторонний, не равнобедренный, но и не разносторонний, а обладающий всеми этими и ни одним из этих свойств», что очевидно нелепо. Явным образом Беркли требует *наглядности*: он воображает, будто общая идея треугольника должна была бы предстать перед умом как *треугольник*; между тем она есть не треугольник, а *треугольность*. Совершенно очевидно, что тождественная треугольность присуща и тупоугольному, и прямоугольному, и остроугольному треугольнику, потому что она не видоизменена ни первым, ни вторым, ни третьим способом, но представляет собою основу для спецификации и первым, и вторым, и третьим способом. *Увидеть* треугольность так, как мы видим единичный равнобедренный прямоугольный треугольник с катетами, равными сантиметру, *символизируемый* линиями на чертеже, невозможно: треугольность абсолютно ненаглядна. Тем не менее идея треугольности предстает нашему умозрению, подобно идее четверичности, как нечто в высшей степени содержательное по своим связям и законосообразностям: из идеи треугольности (на плоскости в евклидовом пространстве) следует с абсолютною достоверностью, что

у всякого евклидовского треугольника сумма углов равна двум прямым углам, сумма двух сторон больше третьей и т. д. до бесконечности.

Те же соображения применимы и к материальным общим идеям: идея человека, лошади и т. п. – это не человек, у которого, конечно, волосы были бы черные или русые, и не лошадь, которая должна была бы пастись в определенном месте пространства: это – отвлеченная человечность, лошадность и т. п.

Шарль Бодлер «Красота».

О смертный! Как мечта из камня, я прекрасна!
И грудь моя, что всех погубит чередой,
Сердца художников томит любовью властно,
Подобной веществу, предвечной и немой.
В лазури царствую я сфинксом непостижным;
Как лебедь, я бела, и холодна, как снег;
Презрев движение, люблюсь неподвижным;
Вовек я не смеюсь, не плачу я вовек.
Я – строгий образец для гордых изваяний,
И, с тщетной жаждой насытить глад мечтаний,
Поэты предо мной склоняются во прах.
Но их ко мне влечет, покорных и влюбленных,
Сиянье вечности в моих глазах бессонных,
Где все прекраснее, как в чистых зеркалах.

№3. Какая общая мысль содержится в обоих текстах? Соответствует ли она реальности, и почему?

Альфред Уайтхед «Очерки науки и философии Математика и добро». Какое фундаментальное понятие лежит в основании алгебры? Это понятие «любого примера данного вида в абстракции от некоторой конкретной экзemplификации этого примера или этого вида».

Первое животное на Земле, которое хотя бы на мгновение обладало данным понятием, и оказалось первым рациональным существом. Конечно, можно наблюдать, как животные выбирают между *этой* вещью и *той* вещью. Но интеллект животных требует конкретных примеров. Человеческий же интеллект способен представить тип вещей в абстракции от таких примеров. Самым очевидным проявлением этой человеческой черты оказываются математические понятия и идеалы добра, т. е. идеалы, которые находятся за пределами возможности их непосредственной реализации.

Человечеству не дано практически воспринимать точность реализации, в то время как математика и идеалы совершенства заинтересованы именно в такой точности. В этом различие между практикой и теорией. Любая теория так или иначе требует точных понятий, как бы она это ни скрывала. На практике точность исчезает, а единственной проблемой остается: «Работает ли это?» Но цель практики может быть определена только при использовании теории, так что вопрос «работает ли это?» есть попросту отсылка к теории. Смутная практика стимулируется ясностью идеально-го опыта.

Никто еще на практике не наблюдал точного математического понятия. Обратите внимание на ребенка, обучающегося геометрии. Он ведь никогда не наблюдал точку как таковую или строгую линию, строгую прямизну или строгий круг. В сознании ребенка подобные вещи были нереализованными идеалами. Со всем этим согласится практически любой здравомыслящий человек. Но когда мы перейдем к арифметике, он начнет увлиять. Вы можете услышать, как он говорит (вероятно, вы и сами так говорите): «Я вижу 1 стул, 2, 3, 4, 5 стульев, и я способен наблюдать, что 2 и 3 стула, будучи соединенными вместе, формируют группу в 5 стульев». Таким путем наш здравомыслящий друг якобы мог наблюдать точные примеры арифметических понятий и арифметическую теорему.

Итак, наш вопрос следующий: «Точно ли он наблюдал, т. е. обладал ли он точными понятиями, установленными в его концептуальном опыте?» В каком смысле он наблюдал именно один стул? Он наблюдал смутную дифференциацию в общем контексте своего визуального опыта. Но представьте, что мы поймем его на одной миллиардной доле дюйма. Где же заканчивается стул и начинаются остальные вещи? Который атом относится к стулу, а который – к окружающему пространству? Стул постоянно получает и теряет атомы. Он не является строго дифференцированным от своего окружения, не является он также самотождественным в течение времени. Опять же, рассмотрим стул в течение долгих периодов. Он постоянно изменяется – изменяются даже все его твердые деревянные части. Например, за миллион лет нахождения в пещере он становится хрупким и распадается от соприкосновения. Медленное, невоспринимаемое изменение происходит постоянно.

Вспомните, что человеческие понятия одного дюйма длины или одной секунды времени, будучи небольшими базисными количествами, полностью соответствуют человеческой жизни. Более того, современные открытия физиков и астрономов показали нам важность как ничтожнейших, так и огромных событий. Наш точный концептуальный опыт есть разновидность выделения важного. Он оживляет идеалы, которые придают силу реальным событиям. Он добавляет восприятие ценности и красоты к простому протеканию чувственного опыта. Именно благодаря концептуальному стимулу заход солнца демонстрирует все великолепие неба. При этом мы, конечно, не имеем в виду, что простое течение наших осознаваемых мыслей создает такое чудо. Это – трансформация реального опыта в его идеальный предел.

Фридрих Энгельс «Письмо К. Шмидту 12.03.1895». То и другое, понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действитель-

ность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности. По той причине, что понятие имеет свою сущностную природу, что оно, следовательно, не совпадает прямо и *primo facie* [явно] с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенно, да и то лишь в асимптотическом приближении...

Все они [экономические законы] не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в *непосредственной* действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий... Единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный...

Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели этот порядок был фикцией, оттого что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере лишь на бумаге?

Разве понятия, господствующие в естествознании, становятся фикциями, оттого что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью? С того момента, как мы приняли теорию эволюции, все наши понятия об органической жизни только приближенно соответствуют действительности. В противном случае не было бы вообще никаких изменений: в тот день, когда понятия и действительность в органическом мире абсолютно совпадут, наступит конец развитию. Понятие рыбы подразумевает жизнь в воде и дыхание жабрами; как же Вы хотите перейти от рыбы к земноводному, не отражая этот переход в понятии? И это было сделано; ведь мы знаем целый ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкие и которые могут дышать воздухом.

№4. Определите, какие тексты отражают телеологические взгляды, а в каких выражена критика телеологии. Какие аргументы Вам кажутся основательными, а какие – нет?

1. Аристотель. Трудность состоит в следующем: что препятствует природе производить не «ради чего» и не потому, что так лучше, а как Зевс, который посылает дождь не для роста хлебов, а в силу необходимости; ведь поднимающееся вверх [испарение] должно охладиться и после охлаждения, сделавшись водой, спуститься вниз, а когда это произошло, хлебу приходится расти. Подобным же образом, если хлеб погибает на гумне, дождь идет не для того, чтобы погубить его, а это произошло по [случайному] совпадению. Так что же препятствует, чтобы таким же образом обстояло в природе дело и с частями [животных], чтобы, например, по необходимости передние зубы вырастали острыми, приспособленными для разрывания, а коренные – широкими, годными для перемалывания пищи, так как не ради этого они возникли, но это совпало [случайно]? Так же и относительно прочих частей, в которых, по-видимому, наличествует «ради чего». Где все [части] сошлись так, как если бы это произошло ради определенной, цели, то эти сами собой выгодно составившиеся [существа] сохранились, те же, у которых получилось иначе, погибли и погибают, как те «быкорожденные мужелики», о которых говорит Эмпедокл.

Рассуждения, которыми пытаются преодолеть затруднения, таковы, а если какие-либо другие, то в том же роде; однако невозможно, чтобы дело обстояло таким образом. Все упомянутое, так же как все природные [образования], возникает или всегда одинаково, или по большей части, но это никак [не может быть] с теми, которые образуются случайно или самопроизвольно. Ведь считается, что не случайно и не вследствие простого совпадения идут частые дожди зимой, но [это будет иметь место] если [они пойдут] под знаком Пса; так же [не случайна] жара под знаком Пса, но [она будет случайна] зимой. Если, таким образом, что-нибудь существует, как нам кажется, или вследствие: [случайного] совпадения, или ради чего-нибудь, но ни по совпадению, ни самопроизвольно ему быть невозможно, то оно будет ради чего-нибудь. Но ведь все такие [явления] существуют по природе, как признают это и сами рассуждающие о них; следовательно, имеется [причина] «ради чего» в том, что возникает и существует по природе.

2. Фрэнсис Бэкон. Дело в том, что рассмотрение вопроса о конечных причинах в физике совершенно изгнало из нее изучение физических причин, так что люди к огромному ущербу для науки успокоились на этих эффектных и неясных причинах, перестав настойчиво стремиться к исследованию реальных и подлинных физических причин. Впрочем, я считаю, что так поступал не только Платон, который всегда бросал якорь на этом берегу, но и Аристотель, Гален и другие, которые тоже частенько садятся на эту мель. Ведь тот, кто стал бы приводить объяснения такого рода, как «веки и ресницы – это вал и забор для защиты глаз», или «плотная кожа у животных существует для защиты от жары и холода», или «кости созданы природой как своего рода колонны и балки, чтобы на них держалось все здание тела», или «листья появляются на деревьях для того, чтобы предохранить плоды от солнца и ветра», или «облака несутся по небу для того, чтобы орошать дождями землю», или «земля уплотнена и тверда для того, чтобы живые существа имели возможность ходить по ней и стоять на ней» и т. п., – тот в области метафизики с успехом мог бы изучать их, в области же физики ему бы ничего не удалось сделать.

3. Алексей Федорович Лосев. Разве мы не представляем себе мира как бесконечной совокупности разнообразных закономерностей? И вообще, что такое любая вещь, лишенная всякой закономерности? Что такое цветок, который закономерно не появился на определенной почве? Что такое дерево, которое по определенному закону не выросло из-под земли, расцветает когда надо, увядает когда надо, а зимой даже и совсем как будто превращается в мертвое бревно? Словом, весь мир: и неодушевленный, и одушевленный, и человеческий, и вселенский – все это полно, полно и полно неисчислимого количества всяких закономерностей, из которых мы, теперешние, знаем пока еще только незначительную часть и далеко еще не овладели всеми космическими безднами, да еще большой вопрос, овладеем ли когда-нибудь. Теперь возьмите все эти бесконечные закономерности мировой истории и объедините их в одно целое.

Возьмите все смысловое, что имеется в бессмысленном хаосе явлений, и объедините его тоже в одно целое, в один смысл. Тут уж сама рука пишущего напишет такой смысл с большой буквы. Да так оно и есть. Это же ведь и есть аристотелевский «Ум», в котором дано решительно все, но только дано не частично, не разорванно и даже не различимо, а сжато в одной неделимой точке, в которой уже, действительно, ничего ничему нельзя противопоставить. Правда, этот Ум не лишен у Аристотеля мистического налета. Он у него божественный, да, вероятно, и является самими этими богами как предельными обобщениями разных сторон космической действительности, но существующими в Уме абсолютно нераздельно. На основании этих наших наблюдений, нам кажется, всякий современный любитель Аристотеля и его эстетики не станет считать Ум Аристотеля такой уж безнадежной чепухой. Тут что-то есть такое, современное нам, а именно, здесь есть закономерность всей мировой истории или, вернее, принцип этой закономерности. Поэтому и все материальное тоже существует в этом же самом Уме, но только материальное, конечно, не в грубом смысле слова, а в смысле своего конечного предела. В Уме Аристотеля содержится и все смысловое, что есть в мире, и все материальное, заключенное в нем, да еще и все причины и цели реально существующего космоса..

4. Иммануил Кант. Но считать, что вещи природы служат друг другу средствами к достижению целей и что сама их возможность достаточно понятна лишь при допущении каузальности такого рода, – для этого мы не находим основания в общей идее природы как совокупности предметов чувств. Ибо в приведенном выше случае представление о вещах, поскольку оно есть нечто в нас, вполне можно было бы априорно мыслить как пригодное и приспособленное к созданию внутренне целесообразной настроенности наших познавательных способностей; однако каким образом цели, которые не суть наши и не присущи природе (ее мы не считаем мыслящей сущностью), тем не менее могут или должны составлять особый вид каузальности или по крайней мере совершенно особую ее закономерность, утверждать априорно у нас нет достаточного основания. Более того, даже опыт не может доказать нам ее действительность; разве что ему должно предшествовать некое умствование, которое привносит понятие цели в природу вещей, но берет его не из объектов и их познания в опыте, следовательно, пользуется этим понятием скорее для того, чтобы сделать природу понятной по аналогии с субъективным основанием связи представлений в нас, чем для того, чтобы познать ее из объективных оснований.

5. Финализм Ганса Дриша. Укреплению позиций финализма в начале XX века способствовала виталистическая концепция целостности немецкого эмбриолога Г. Дриша. В экспериментальных наблюдениях над развитием яиц морских ежей Дришу удалось установить интересный факт. Искусственно отделяя друг от друга бластомеры, образовавшиеся после первого деления дробления, он отмечал, что, несмотря на эту операцию, из каждого изолированного бластомера развивались не половинчатые, а полноценные личинки. Тот же результат наблюдался и в случае четырех и восьми бластомеров, возникших при последующем дроблении. Из этих экспериментов Дриш сделал в целом правильное заключение, что зародыш представляет собой «гармонично-эквипотенциальную систему», все части которой обладают одинаковой потенцией и способны к восстановлению целого. Тем самым была открыта новая форма целесообразности – способность к достижению конечного результата различными путями и при любых начальных условиях, названная «эквивинальностью»...

В поисках объяснения этого замечательного явления Дриш сразу осознал непригодность обычных механистических каузальных моделей, но ошибочно связал их с пределами возможностей причинного подхода вообще и прибег к нематериальному фактору «целостности» – энтелехии, которая, будучи якобы врожденным идеальным свойством, незримо присутствует во всяком организме. В отличие от «жизненной силы» ранних виталистов Дриш наделил энтелехию сврхчувственной и несубстанциональной природой. Он сам называл ее «непознаваемым психическим» началом и отмечал, что «энтелехия всецело отлична от материи и полностью противоположна материальной каузальности». В понимании Дриша, энтелехия – это сама сущность жизни, основа наследственности и всех прочих свойств живого. Будучи носителем идеи «целое больше суммы частей», энтелехия представляет собой внутреннюю целестремительность, ориентирующую индивидуальное развитие на достижение целостного и гармоничного состояния и целесообразного реагирования на внешние условия.

6. «Финализм в современной биологии» Неизменность конечного результата, достигаемого разными путями, Риньяно считает единственным и совершенно объективным критерием финальности, свободным от всякого антропоморфизма. Если принять этот критерий, то финальность биологических процессов избавляется от таких субъективных атрибутов, как сознание и благо. В связи с этим Риньяно расширяет трактовку категории цели, предложенную Аристотелем и дает ей следующее определение: «цель есть конечный результат ряда данных биологических, физиологических или психических процессов, который всегда остается одним и тем же, даже когда изменившиеся внешние условия изменяют реакцию организма, составленную этими процессами»...

Западногерманский биохимик Г. Шрамм, открывший химическим способом объединения нуклеотидов в нуклеиновые кислоты, считает, что природа «упорядочивающего» фактора в биологических процессах носит духовный характер. Подобный вывод следует из идеалистического понимания генетической информации, которая, по мнению Шрамма, передает от поколения к поколению лишь общий «план», сообразно которому должен быть сформирован живой организм. Открытие генетического кода, т. е. записи в форме шифра «строительных планов» в гигантских молекулах ДНК, по Шрамму, «поразительно» особенно в том отношении, что «до сих пор полагали, что изобретение и чтение шифра свойственны лишь человеку». И далее Шрамм указывает, что молекулярная биология «показала также, как этот шифр может прочитываться другими молекулами и каким образом его *духовное содержание* воплощается в действительность».

7. Иосиф Левин. Слово «цель» стало одиозным, так как предполагает какую-то задачу, постановка которой предшествовала во времени ее осуществлению, а это уже теология, или в лучшем случае мифология. Но разве мы не наблюдаем эти «мифы» каждый день - вначале в себе, а потом и вокруг? Зачем ребенку те зачатки, которые должны ждать тринадцать-четырнадцать лет - до полового созревания? Зачем женской особи человека аппарат для кормления,

который дожидается своего использования двадцать, тридцать и более лет, если вообще понадобится когда-либо? Зачем новорожденному сложный аппарат глаз, которыми он увидит лишь через некоторое время? И разве вся система пищеварения не рассчитана на будущие зубы? Причем ненужные в течение длительного времени органы и элементы не атрофируются, а наоборот, созревают. А врожденная склонность к упражнению мышц, голосовых связок и т.п.? А coitus или высиживание яиц птицами - объяснимы ли они без перспективы на будущее? А мозг, в котором все уже предусмотрено для будущей речи и мышления? А семя и эмбрион, а раскрытый недавно механизм передачи наследственной информации - разве все это не рассчитано пресловутой «природой» на будущее существо, или на будущие стадии его роста? А превращения всех этих личинок, куколок, головастиков и кто там их еще помнит - разве все эти процессы не снабжены стрелкой, указывающей на будущее? Наконец, не рассчитана ли вся система органов на длительное функционирование, на длительную жизнь организма, т.е. на его сохранение во времени? Отрицать все это - значит игнорировать различие между ростом организма и образованием вещи. Отрицание целесообразности в устройстве организма во всяком случае представляет собой отрицание эмпирической очевидности в угоду предубеждению... Считать «случайностью» повторяющееся миллиарды раз образование в двух различных организмах двух совершенно различных и в то же время так поразительно соответствующих друг другу и подчиненных одной задаче - размножению, - и к тому же самому организму ненужных устройств - значит заведомо отказываться смотреть правде в глаза. А ведь современная генетика показала, что тонкость и целесообразность этого устройства неизмеримо превышает все то, что можно было раньше представить и даже предположить. Можно смело сказать, что подобно тому как микрофизика разрушила старый механицизм, так и современная микробиология (точнее, молекулярная биология, включая генетику) разрушила дарвинизм, превратила естественный отбор лишь в частный случай. Дарвинизм как раз и представляет собой попытку свести целесообразность к случайности - попытку столь же бессмысленную, как сведение математического порядка к случайности, живого к мертвому или сознательного к лишенному сознания. Смысл целесообразности как раз в том, что это одна из основных форм противослучайности, и поэтому эта задача если не логически, то философски внутренне противоречива.

№5. В чем сходство взглядов и в чем разногласие между И.Г. Фихте и М. Штирнером? Кто из них прав?

Иоганн Готтлиб Фихте «Основные черты современной эпохи». Итак, истинную и разумную жизнь мы усмотрели в том, чтобы личная жизнь посвящалась жизни рода, или в том, чтобы личность забывала себя в других, - разумеется, понимая этих других не в смысле личностей, так как в этом случае мы остались бы при личной индивидуальности, но в смысле рода. Итак, поймите меня: симпатия, побуждающая нас смягчать личную печаль других людей и делить и увеличивать их радость, благожелательство, приковывающее нас к друзьям и родным, любовь, привязывающая нас к супругу и детям, - все это, часто соединяющееся со значительными пожертвованиями собственным удовольствием и удобством, есть первый тихий и тайный шаг разумного инстинкта к тому, чтобы предварительно сломить только самый упорный и грубый эгоизм и начать развитие разрастающейся и всеобъемлющей любви. Но эта любовь всегда направлена на индивидуальных личностей и далека от того, чтобы обнимать человечество, как таковое, как род, без всякого различия между личностями; и, несмотря на то, что она несомненно представляет преддверие высшей жизни, в которую никто не может вступить, не восприняв освящения в этой области более нежных влечений, все же она не есть сама высшая жизнь. Последняя объемлет род именно как род... Разумная и, следовательно, справедливая, хорошая и истинная жизнь состоит в том, чтобы забывать себя в идеях и не искать и не знать иного наслаждения, кроме наслаждения идеями и принесения им в жертву всех остальных житейских наслаждений...

Поскольку разумная жизнь воспроизводится в нас лишь в представлении и как чужое состояние, само это представление проникается к себе любовью и с наслаждением сосредоточивается на себе; ибо в этом случае мы, по крайней мере, настолько проникли в сферу жизни разума, что имеем представление о том, какой она должна быть. Это наслаждение и это одобрение, как одобрение по отношению к чужому, к тому, чего нет в нас самих, импонирует нам однако в силу того же самого основания и вселяет в нас уважение и почитание; у лучших из нас оно соединяется с тихим недовольством собой и с тайной жадой стать похожим на такой идеальный образ, и из этой жажды постепенно развивается высшая жизнь. Поскольку же разумная жизнь ощущается нами, как наше собственное действительное бытие, она есть бьющий через край источник невыразимого наслаждения, зависть к которому смертельно отравила бы эгоиста, если бы последний мог его созерцать; в этой любви к себе такая жизнь есть блаженство. Ибо все ощущения неприятного и отталкивающего, как и ощущения жажды и пустоты - не что иное, как муки рождения высшей жизни, рвущейся навстречу своему завершённому развитию. Когда эта жизнь уже развилась, она есть жизнь самодовлеющая, не нуждающаяся ни в чьей другой, истекающая из себя самой и собственной силы высшая свобода и легкость.

Переходя к нашей ближайшей цели, я выставляю следующее утверждение: все великое и хорошее, что составляет основу и источник теперешнего нашего существования и что является необходимым условием своеобразной жизни и деятельности нашей эпохи, стало действительным исключительно благодаря тому, что благородные и сильные люди приносили в жертву идеям всякое житейское наслаждение; и мы сами со всем, что в нас есть, представляем результат жертв, принесенных всеми прежними поколениями и особенно их достойнейшими членами... я хотел бы знать лишь вот что: не чувствуете ли вы себя вынужденными изумляться такому образу мышления и действия, как изображенный ранее, и глубоко уважать его совершенно независимо от того, считаете ли вы его благоразумным (о последнем я теперь не спрашиваю)?

Макс Штирнер «Единственный и его собственность». Вся история до сих пор была историей духовного человека. После господства чувств наступает настоящая история, то есть период духовности, бесчувственности, сверхчувственности. Человек начинает становиться чем-то и хочет им стать. Чем? Добрым, красивым, истинным, точнее - нрав-

ственным, благочестивым, добродушным и т. д. Он хочет сделать из себя «настоящего человека», «нечто дельное». Отвлеченный человек - вот его цель, его долг, его назначение, призвание, задача, его - идеал; он весь обращен в будущее, в потустороннее. А что делает из него «истинного человека»? Жизнь в истине, доброте, нравственности и т. д. На всякого, кто не признает этого «что», не имеет той же нравственности, той же веры, он смотрит подозрительно, он гонит прочь от себя, он преследует всех «отщепенцев, еретиков, сектантов» и т. п.

Ни одна овца, ни одна собака не старается стать «настоящей овцой», «настоящей собакой»; ни для одного животного сущность его не является в виде задачи, то есть понятия, которое оно должно осуществить. Оно осуществляет себя тем, что живет, то есть пользуется собой и себя уничтожает. Оно не стремится стать чем-нибудь *иным*, чем оно есть на самом деле.

Вы думаете, что я советую вам походить на животных? Нет, я не могу уговаривать вас стать животными. Прежде всего, это опять-таки было бы задачей, идеалом («пчела может научить тебя сделаться трудолюбивым»), а затем это все равно, что пожелать животным, чтобы они стали людьми. Ваша природа - раз и навсегда человеческая, вы - люди, с человеческой природой. Но именно вследствие того, что вы уже люди, вам не надо делаться ими...

Издавна стремятся «создать» из всех людей нравственных, разумных, благочестивых, человеческих и т. п. «существ», то есть дрессировать их. Но эти попытки разбиваются о непреклонную индивидуальность, обособленность, эгоизм человека. Те, которых удалось подчинить этой дисциплине, никогда не достигают идеала, они только на *словах* исповедуют возвышенные принципы. Вопреки тому, что они исповедуют, они «признают себя полными грешниками» в жизни и остаются всегда ниже своего идеала; они - «славные люди» и утешают себя сознанием «человеческой слабости».

Иначе обстоит дело, если ты не гонишься за *идеалом*, как за своим «призванием», а потребляешь и разрушаешь себя, как время, которое все разрушает. Разрушение - не твое «призвание», ибо оно настоящее.

Совершенно верно, что *образованность*, *культура* и религиозность освободили людей, но освободили их от господства одного властелина, чтобы подчинить их власти другого... хотя я свободен от безрассудных решений своих инстинктов, но я должен все-таки подчиняться другому господину - *разуму*. Я приобрел «духовную свободу», «свободу духа». Но как раз этим самым я сделался подвластным *духу*... Но если я не плоть, то, конечно, я и не дух. Свобода духа - мое рабство, ибо я - больше чем дух или плоть.

№6. В чем заключается жизненная проблема Дон Жуана? Как она связана с пониманием связи идеального и реального?

Мифы и легенды Европы. Как-то раз он [отец] сказал дон Жуану:

— Сын мой, тебе уже двадцать лет. Пора подумать о женитьбе...

Дон Жуан ответил со вздохом:

— Я сам думал, что сыновний долг велит мне искать невесту. И я приглядывался ко многим девушкам. Порою одна из них казалась мне прекрасной и достойной любви, но, когда я смотрел на нее пристально и долго, в красоте ее проступал изъян, незаметный вначале недостаток, и я уже не мог о нем забыть. О если бы можно было найти женщину совершенной красоты! Мне кажется, я не буду счастлив, пока не найду ее...

Не прошло и месяца, как дон Жуан обручился с девушкой настолько милой и прелестной, что из тысячи красавиц нельзя было бы выбрать лучше. Дон Луис был рад от души и готовился ласково встретить невесту в своем доме. В доме с утра до вечера суетились мебельщики и обойщики. Слуги чистили серебряные подсвечники. Повара точили ножи и вертела, как солдат точит оружие накануне боя. Осталось только два дня до свадьбы, когда дон Жуан навестил свою нареченную, чтобы, по обычаю, вручить ей богатый подарок.

Как раз перед самым его приходом девушку что-то огорчило, и она не сумела согнать с лица тень досады. Жених заметил, что лицо ее изменилось и словно подурнело. Губы стали тонкими и прямыми. Глаза потускнели и сузились. Пристально посмотрел дон Жуан на свою невесту и не нашел в ней прежней прелести. В тот же день он расторг помолвку под каким-то пустым предлогом.

По городу поползли слухи, что неспроста дон Жуан отказался от невесты перед самой свадьбой. Девушка плакала, не осушая глаз. Погибло ее счастье, потеряно доброе имя.

Дон Луис сурово спросил сына:

— За что ты бросил свою невесту?

— Отец, глядеть на нее было бы для меня мукой, - ответил дон Жуан. — Я бы страдал всю жизнь, словно каторжник, прикованный к веслу галеры. Нет, я не могу на ней жениться. Брат покинутой девушки вступился за ее честь и вызвал дон Жуана на поединок, но в искусстве фехтования дон Жуан знал соперников. Шпага его поражала быстро и страшно, как молния. Только скрестились шпаги, как брат невесты упал на землю проколотой грудью. Раненого принесли домой на носилках. Он еле дышал. Как только раненый немного оправился, он вместе со своей семьей навсегда покинул Севилью. Но, уезжая, он поклялся, что когда-нибудь отомстит обидчику, страшно отомстит. Так у дон Жуана появились первые враги.

Прошло немного времени и дон Жуан посватался к девушке из небогатой семьи. Родители девушки были польщены и обрадованы. Какое счастье для бесприданницы!

Новая невеста дон Жуана была так хороша собою, что, когда она молилась в церкви, люди смотрели больше на нее, чем на изображения святых. Дон Жуан часто навещал невесту и не сводил с нее придирчивых глаз, но лицо девушки всегда оставалось ясным и светлым. Она глядела на своего жениха, и улыбалась. На беду, приехала из деревни ее замужняя старшая сестра. Была она толстой, краснолицей простушкой. Увидев дон Жуана, сестра громко ахнула:

— Ого, какой барин к нам посватался! Что за красавчик!

«И моя нареченная, быть может, станет похожа на эту глупую бабу», - со страхом подумал дон Жуан... и отказался от невесты...

Как-то раз в одном знатном доме дон Жуан увидел девушку удивительной красоты. Казалось, возле нее никогда не может быть темно, так светились ее глаза. То была дочь старого командора ордена Подвязки, донна Гонсалеса де Ульоа. Командор прославился во многих сражениях. Вражеские мечи оставили на его лице глубокие шрамы. «Вот она, моя подлинная избранница! - думал дон Жуан, глядя на дочь командора донну Анну. — Кончились мои поиски. Эта девушка - совершенство красоты».

И он попросил руки донны Анны. Нашлись люди, которые пробовали остеречь командора.

— Недобрые слухи ходят про дон Жуана, - говорили они. - Дон Жуан, как рассказывают, человек непостоянный. Нельзя ему верить.

Но дон Жуан так понравился командору, что старик не стал никого слушать.

А донна Анна отвечала:

— Я люблю его, и он меня любит. Отец мой согласен, о чем же больше говорить?

И она велела отказать от дома всем, кто осмеливался чернить ее жениха. Дон Жуан был счастлив. Ждали только приезда его отца из Севильи, чтобы отпраздновать свадьбу.

Как-то раз жених с невестой сидели на скамье в большом саду, посреди которого стоял дворец командора. Донна Анна наклонилась, чтобы сорвать розу. День был солнечный и ветреный. Облака то и дело закрывали солнце, и по лицу донны Анны пробегали золотые и темные тени. Дон Жуану показалось, что оно изменчиво, как отражение в зыбкой воде фонтана. Невольно для себя он стал вглядываться.

Вдруг дон Жуан с ужасом сказал себе: «Не может быть! Как я не замечал раньше? Правый глаз чуть светлее левого... И черты лица не безупречны, нет в них полной соразмерности. Одна бровь чуть выше другой. Нижняя губа как будто чуть-чуть припухла. Донна Анна красива, но она не та единственная, которую я искал. Я снова ошибся и поймал только призрак совершенной красоты. А может быть, и нет ее на свете и все поиски мои напрасны? Я опять обманут!» При этой мысли словно нож вонзился в сердце дон Жуана, он с холодной злобой сказал донне Анне:

— Поглядите на эти розы! Они хороши, не правда ли? А знаете ли вы, что на Востоке из лепестков роз выжимают масло? Довольно пролить две-три капли, и зимою покажется, что вокруг цветет розовый сад. И это большая радость для одиноких. Я подарю вам флакон розового масла. Донна Анна с удивлением посмотрела на своего жениха. Его лицо показалось ей бледным и холодным, как сталь меча.

№7. Как понимал идею и истину Гегель? В чем заключается различие между хорошим и плохим, согласно Гегелю? Можно ли материалистически истолковать идею Гегеля?

Михаил Лифшиц «Эстетика Гегеля». Краеугольным камнем эстетики Гегеля является понятие *истины*. Красота есть истина, истина в форме созерцания, в образах наших чувств, в формах самой жизни...

Для Гегеля *идея* художника вовсе не субъективный замысел его, а определенный круг реальности, не то, что художник *хочет* сказать, а то, что объективно *сказалось* в его создании. Вспомните «обломовщину» и «темное царство» Добролюбова, его «реальную критику», в которой нашла себе дальнейшее развитие основа, заложенная Гегелем. Вспомните, как у Ленина: в творчестве Толстого даже вопреки желанию самого писателя отразилась эпоха русской демократической крестьянской революции, и даже слабостях Толстого сказались не формально-технические неудачи мастера, а противоречия самой действительности. Вспомните все это, и вы поймете, что имел в виду Гегель, говоря, что в основе прекрасного лежит истина, а не субъективное мастерство или произвол художника.

Истина у Гегеля строго отличается от простой правильности, внешнего соответствия нашей субъективной идеи ее предмету. Это соответствие само по себе возможно лишь в том случае, когда предмет соответствует самому себе. Покажем это простым примером. Политическая экономия капитализма стала возможна, когда сам капитализм в XVIII-XIX веках получил классическое развитие по крайней мере в Англии, которая служила моделью для научных выводов Карла Маркса. Все явления окружающего нас мира могут, повторяясь, приобрести род относительной автономии, или, как говорил Гегель, равенства своему понятию. В современной биологии и некоторых других науках широко применяется таксономический принцип, состоящий по существу именно в том, что определенный вид, разновидность, подвид, популяция, штамм признается чем-то соответствующим определенной норме, то есть своему понятию.

Но и обычный язык широко пользуется словом истинный в гегелевском смысле. Когда я говорю: «Вот истинная женщина», я этим не хочу сказать, что другие женщины вовсе не женщины, но среди них, может быть, не все одинаково соответствуют своему понятию. Поясняя свое понимание вопроса, Гегель приводит пример истинного произведения искусства. Эти предметы, говорит он в «Малой логике», *истинны*, когда они суть то, чем они *должны* быть, то есть когда их реальность соответствует их понятию. Понимаемое таким образом неистинное есть то же самое, что обычно называют также и плохим. Плохой человек есть неистинный человек, то есть человек, который не ведет себя согласно своему понятию или своему назначению. Однако совсем без тождества понятия и реальности ничто не может существовать. Даже плохое и неистинное существует лишь постольку, поскольку его реальность каким-то образом и в какой-то мере соответствует его понятию. Насквозь плохое или противное понятию есть именно поэтому нечто распадающееся внутри самого себя.

Итак, согласно Гегелю, истина не в человеческой голове только, но прежде всего в реальности. Это *veritas rei*, по терминологии средневековой философии, истина вещи. Поэтому и прекрасное как в природе, так и в искусстве есть непосредственное чувственное сознание реальности, дающее нам радостное удовлетворение тем, что в этой реальности есть ее самооправдание, норма, переход из реального в идеальное. Гегель говорит о понятии предмета, имея в виду что-то большее, чем субъективный концепт. В природе, говорит он, понятие имеет «плоть и кровь» - выражение, которое особенно понравилось Ленину. Другими словами, в материальном мире вокруг нас имеются определенные

конкретные общности, которые отражаются в понятиях науки, но не принадлежат только ей. В равной мере сознание идентичности предмета, его равенство себе как преодоление всякой неопределенности, внутреннего распада и даже небытия принадлежит и эстетической сфере - поэзии, искусству.

Предположим, что вы пишете пейзаж. Перед вами три дерева, которые образовали неопределенную, невыразительную, невыгодную для распознавания зрительных образов форму. Эту форму можно назвать эмпирической – природа ведь не обязана всегда представлять нашему глазу признаки повышенной выразительности. И вот мы в поисках лучшего меняем положение нашего тела, но можем менять его не на деле, а в нашем воображении. Теперь все невятное отошло, и три дерева ясно говорят о себе. Однако все разобрано по частям только в ботаническом атласе, подчиняющем природу рассудку, в действительности же эти деревья образуют живое единство. И мы совершили бы преступление против художественно-прекрасного, если бы расчертили наши три дерева, лишив их оттенка легкой слитности, всеобщей связи. Мы, может быть, сами не знаем, что такое мы делали, но наш глаз занимался в это время отысканием *veritas rei*, языка вещей, и то, что мы нашли, есть именно эстетическая форма в отличие от эмпирической. Что бы ни изображал художник, он видит в образах видимого мира истину не как внешнюю правильность изображения, а как гегелевскую истину в себе и для себя, самоутверждение реальности.

Можно, конечно, сказать, что это тождество истины и красоты в эстетике Гегеля, как и у нас в школе Белинского, устарело, так как его невозможно приложить к тому, что принято называть современным искусством, то есть к целому массиву школ и течений модернистского типа или, как более деликатно выражаются, неклассического образца. Действительно, здесь полная противоположность. Ведь ложное, согласно Гегелю, есть «нечто распадающееся внутри себя», а это и есть принцип так называемого современного искусства - принцип отрицания нормы, идеала, самооправдания жизни. В отличие от гегелевской традиции, эстетика этого искусства выдвигает на первый план не прелесть совершенных реальных форм, а горечь и сарказм голого отрицания. Именно понятие истины более всего враждебно так называемому современному искусству, ибо объективный мир лишен для него всякого смысла, все истины условны, а сила художника измеряется тем, насколько он способен зашифровать свое послание зрителю знаками-иероглифами, чтобы подчинить себе дух другого существа не силой правды, общей им обоим, а посредством особой психотехники, системой рассчитанных суггестивных приемов, вызывающих шок и травму.

Но вернемся к гегелевскому понятию идеи, которое, по утверждению философа, лежит в основе всего истинно существующего, как, впрочем, и распадающегося в себе, пока оно еще имеет определенный характер, часто даже более выразительный. Я привел в качестве иллюстрации к понятию идеи такие известные вам из истории русской литературы формы всеобщего в самой жизни, как «обломовщина», «темное царство». К ним можно было бы прибавить толстовщину, мещанство и многое, многое другое, что подходит под выражение Добролюбова «отчужденный жизнью тип». В идеалистической терминологии всех веков этот отчужденный жизнью тип превращается в объективную, независимо от человеческой головы существующую идею. Найдет ли со временем философский материализм какое-нибудь общее понятие, подобно тому как современное естествознание пользуется для обозначения своих семейств, видов, разновидностей понятиями «таксонометрическая категория», или «таксон», я не знаю, но что такой термин имел бы соответствующую ему реальность, в этом сомневаться нечего. По поводу открытия клетки Энгельс писал Марксу 14 июля 1858 года: «Клетка есть гегелевское в-себе-бытие и в своем развитии проходит именно гегелевский процесс, пока из нее, наконец, не развивается «идея», данный заверченный организм». Известный современный физик Гейзенберг сказал однажды, что ген - это идея. В самом деле, если вдуматься в понятие генетической программы, которая реализуется материальными биохимическими механизмами, вплоть до того, что существует даже программа болезней старения, то перед нами будет именно та командная роль морфеи, формы, программы, которая играет, как мы теперь знаем, столь важную роль в развитии материальной природы, хотя и не является ее последним словом. Но и в обыденной жизни понятие идеи сознательно или бессознательно возникает на каждом шагу. Так, в каждом техническом изобретении важна идея, которую мы отличаем от осуществления ее, то есть от самого изобретения. У Бальзака в изысканном наряде княгини де Кадиньян была *идея*. Это, впрочем, известно каждой женщине.

ДИАЛЕКТИКА

№1. В чем заключается различие между абстрактным и конкретным тождеством? Что означает, в данном контексте термин «абстрактное» и термин «конкретное»?

Георг Вильгельм Фридрих Гегель «Энциклопедия философских наук». Очень важно должным образом понять истинное значение тождества, а для этого прежде всего нужно, чтобы оно понималось не только как абстрактное тождество, т. е. не как тождество, исключающее различие.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель «Наука логики». Это положение [о тождестве] в его положительном выражении $A = A$ есть прежде всего не более как выражение пустой *тавтологии*. Было поэтому правильно отмечено, что этот закон мышления *бессодержателен* и ни к чему дальнейшему не ведет. Таково то пустое тождество, за которое продолжают крепко держаться те, кто принимает его, как таковое, за нечто истинное и всегда утверждает: тождество не есть разность, тождество и разность разны. Они не видят, что уже этим они говорят, что *тождество есть нечто разное*, ибо они говорят, что *тождество разнится* от разности; так как они должны в то же время согласиться, что природа тождества именно такова, то из этого вытекает, что тождество не внешне, а в самом себе, в своей природе таково, что оно разное. - Далее, однако, придерживаясь этого неподвижного тождества, имеющего свою противоположность в разности, они не видят, что они тем самым делают его односторонней определенностью, которая, как односторонняя, лишена истинности. Они признают, что положение о тождестве выражает лишь одностороннюю определенность, что оно содержит лишь *формальную, абстрактную, неполную истину*. - Но из этого правильного суждения непосред-

венно вытекает, что *истина достигает полноты лишь в единстве тождества с разностью* и тем самым состоит только в этом единстве.

Фридрих Энгельс «Диалектика природы»

Абстрактное тождество ($a=a$ и в отрицательной форме: a не может в одно и то же время быть равно a и не равно a) тоже неприменимо в органической природе. Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны с собой и тем не менее отличаются от самих себя благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и отмиранию клеток, благодаря происходящему процессу циркуляции - словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь и общие итоги которых выступают воочию в виде жизненных фаз: эмбриональная жизнь, юность, половая зрелость, процесс размножения, старость, смерть. Чем больше развивается физиология, тем важнее становятся для нее эти непрерывные, бесконечно малые изменения, тем важнее, стало быть, становится для нее также и рассмотрение различия *внутри* тождества, и старая, абстрактно формальная точка зрения тождества, согласно которой органическое существо надо трактовать как нечто просто тождественное с собой, постоянное, оказывается устарелой. [Не говоря уже сверх того, о развитии видов] Несмотря на это, основывающийся на ней способ мышления продолжает существовать вместе со своими категориями. Но уже в неорганической природе тождество как таковое в действительности не существует. Каждое тело непрерывно подвержено механическим, физическим, химическим воздействиям, которые все время производят в нем изменения, модифицируют его тождество. Абстрактное тождество и его противоположность по отношению к различию уместны только в математике - абстрактной науке, занимающейся умственными построениями, хотя бы и являющимися отражениями реальности, - причем и здесь оно постоянно снимается. Тот факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в *каждом предложении*, где сказуемое по необходимости отлично от подлежащего. *Лилия есть растение, роза красна*: здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим. Само собой разумеется, что *тождество с собой* уже с самого начала имеет своим необходимым дополнением *отличие от всего другого*.

Постоянное изменение, т. е. снятие абстрактного тождества с самим собой, имеется также и в так называемой неорганической природе. Геология является историей этого постоянного изменения. На поверхности - механические изменения (размывание, мороз), химические (выветривание), внутри - механические (давление), теплота (вулканическая), химические (вода, кислоты, связывающие вещества), в крупном масштабе - поднятия почвы, землетрясения и т. д. Современный сланец коренным образом отличен от ила, из которого он образовался, мел - от не связанных между собой микроскопических раковин, из которых он состоит; еще более отличается от них известняк, который ведь, по мнению некоторых, целиком органического происхождения; песчаник - от несвязанного морского песка, который, в свою очередь, возник из размельченного гранита и т. д., не говоря уже об угле...

Принцип тождества, в старо-метафизическом смысле есть основной принцип старого мировоззрения: $a=a$. Каждая вещь равна самой себе. Все считалось постоянным - солнечная система, звезды, организмы. Естествознание опровергло этот принцип в каждом отдельном случае, шаг за шагом; но в области теории он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому: «вещь не может быть одновременно сама собой и другой». И тем не менее естествознание в последнее время доказало в подробностях тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, изменение. Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для *домашнего* употребления, где мы имеем дело с небольшими масштабами или с короткими промежутками времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти для каждого случая и обуславливаются природой объекта; в планетной системе, где для обыкновенных астрономических выкладок можно без ощутительной погрешности принимать эллипс за основную форму, эти границы значительно шире, чем при рассмотрении какого-нибудь насекомого, проделывающего весь цикл своих превращений в течение нескольких недель...

Но для обобщающего естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области, и хотя в общем и целом оно практически теперь устранено, но теоретически оно еще властвует над умами, и большинство естествоиспытателей все еще воображает, что тождество и различие являются непримиримыми противоположностями, а не односторонними полюсами, которые представляют собой нечто истинное только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество.

№2. Определите какие из данных текстов и высказываний близки к метафизике, какие – к релятивизму, какие – к диалектике. Обоснуйте ваш выбор.

1. Двух станов не боец, но только гость случайный,

За правду я бы рад поднять мой добрый меч,

Но спор с обоими – досель мой жребий тайный,

И к клятве ни один не мог меня привлечь;

Союза полного не будет между нами –

Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,

Пристрастной ревности друзей не в силах снести,

Я знамени врага отстаивал бы честь! Алексей Константинович Толстой

2. Он мыслит сплошными непосредственными противоположностями; речь его состоит из: «да - да, нет - нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует, или не существует, и точно так же вещь не может быть самой собой и в то же время иной. Положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга; причина и следствие по отношению друг к другу тоже находятся в застывшей противоположности. Этот способ мышления кажется нам на первый взгляд вполне приемлемым потому, что он присущ так называемому здравому человеческому рассудку. Фридрих Энгельс

3. Для двух аспектов представлений - корпускулярного и волнового - Бор ввел выражение «дополнительность». Так же как все видимые цвета могут быть расположены в пары дополнительных цветов, дающих при смешивании белый цвет, так и все физические процессы могут рассматриваться с двух точек зрения: одна из них соответствует корпускулярному аспекту, а другая - волновому; оба они никогда не ведут к противоречиям, но оба необходимы, чтобы дать полное понимание процессов природы. Такое краткое выражение для сложной и трудной ситуации оказывается очень полезным, например при ответе на наивный вопрос: что «реально» представляет собой луч света, или вещество - поток частиц или волну? Всякий, кто однажды понял смысл «дополнительности», ответит этот вопрос как слишком упрощенный и бьющий мимо цели. Макс Борн

4. Враг помогает, друг вредит;
Вкус мы находим только в сене;
Бесстыдник тот, кто терпит стыд;
Без равнодушия нет влечения;

Порука силы – ослабление... Франсуа Вийон «Баллада истин наизнанку».

5. В книге Куллера мы находим следующие примеры знания и усвоения: речь есть форма письма (passim), присутствие есть определенный тип отсутствия, маргинальное есть на самом деле центральное, буквальное есть метафорическое, истина есть род вымысла, чтение есть форма неправильного прочтения, понимание есть форма недоразумения, психическое здоровье есть своего рода невроз, а мужчина есть разновидность женщины. Серль Дж. Р.

6. Но метафизик подтвердит,
Что тот не мерзнет, кто горит,
Что тьма враждебна свету,
Что сушь – где влаги нету. Фридрих Шиллер

7. Так, например, говорят: «человек смертен» - и рассматривают смерть как нечто, имеющее свою причину лишь во внешних обстоятельствах; согласно этому способу рассмотрения, существуют два отделенных друг от друга свойства человека: быть живым, а также быть смертным. Но истинное понимание состоит в том, что жизнь как таковая носит в себе зародыш смерти и что вообще конечное в себе противоречиво и вследствие этого снимает себя. Гегель

8. Летишь в экспрессе – жди крушенья!
Ткань доткана – что ж, в ключья рви!
Нет творчества без разрушенья – Без ненависти нет любви.
Познал восторг – познай страданье.
Раз я меняюсь – я живу.
Застыть пристойно изваянью,
А не живому существу! Игорь Северянин «Гармония контрастов».

9. Так, например, одна пословица гласит: summum jus summa injuria [высшее право - высшее бесправие (несправедливость) (лат.)]. Это означает, что абстрактное право, доведенное до крайности, переходит в несправедливость. Точно так же известно, что в политике две крайности - анархия и деспотизм - взаимно приводят друг к другу. Осознание диалектики в области нравственности мы находим в известных пословицах: гордыня предшествует падению; что слишком остро, то скоро притупляется и т. д. ... Известно, что крайняя печаль и крайняя радость переходят друг в друга; сердце, переполненное радостью, облегчает себя слезами, а глубочайшая скорбь иногда проявляется улыбкой. Гегель

10. Мы словно облака вокруг луны, –
Летим сквозь ночь, трепещем и блистаем.
Сомкнется тьма – и вмиг поглощены,
Мы навсегда бесследно исчезаем.
Мы точно звуки несогласных лир –
Ответ наш разный разным дуновеньям.
Не повторит на хрупких струнах мир
То, что с прошедшим отошло мгновеньем.
Мы спим – расстроен сновиденьем сон.
Встаем – мелькнувшей мыслью день отравлен.
Веселье, плач, надежда, смех и стон –
Что постоянно в мире? Кто избавлен
От вечных смен? – Для них свободен путь.
Ни радость, ни печаль не знают плена.
И день вчерашний завтра не вернуть.
Изменчивость – одна лишь неизменна.
Перси Шелли «Изменчивость».

№3. Что такое развитие, по К. Н. Леонтьеву? От какого процесса оно отлично? Каковы фазы процесса изменения предмета? Идеализм или материализм лучше объясняет процесс развития?

Константин Николаевич Леонтьев «Византизм и славянство». Я спрошу себя прежде всего: что значит слово «развитие» вообще? Его недаром употребляют беспрестанно в наше время... Говорят беспрестанно: «Развитие ума, науки, развивающийся народ, развитый человек, развитие грамотности, законы развития исторического, дальнейшее развитие наших учреждений» я т. д. Все это хорошо. Однако есть при этом и ошибки, именно, при внимательном разборе, видим, что слово *развитие* иногда употребляется для обозначения вовсе разнородных процессов, пли состояний.

Так, напр., *развитый* человек часто употребляется в смысле *ученый, начитанный или образованный человек*. Но это совсем не одно и то же. Образованный, сформированный, выработанный разнообразно человек и человек ученый - понятия разные. Фауст - вот *развитый* человек, а Вагнер у Гёте - *ученый, но вовсе не развитый*.

Еще пример. *Развитие грамотности в народе* - мне кажется вовсе неподходящее выражение. *Распространение*, разлитие грамотности - дело другое. *Распространение* грамотности, *распространение* пьянства, *распространение* холеры, *распространение* благонравия, трезвости, бережливости, *распространение* железных путей и т. д. Все эти явления представляют нам разлитие чего-то *однородного, общего, простого*.

Идея же развития собственно соответствует в тех реальных, точных науках, из которых она перенесена в историческую область, некоему *сложному процессу* и, заметим, *нередко вовсе противоположному с процессом распространения, разлития*, процессу как бы враждебному этому последнему процессу.

Присматриваясь ближе к явлениям органической жизни, из наблюдений которой именно и взялась эта идея развития, мы видим, что процесс развития в этой органической жизни значит вот что: *Постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему*, постепенная индивидуализация, *обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой - от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений*. Постепенный ход от бесцветности, от *простоты к оригинальности и сложности*. Постепенное осложнение элементов составных, *увеличение богатства внутреннего* и в то же время *постепенное укрепление единства*. Так что *высшая точка развития* не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, *есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством*.

Самый рост травы, дерева, животного и т. д. есть уже осложнение; только, говоря «рост», мы имеем в виду преимущественно количественную сторону, а не качественную, не столько изменение формы, сколько изменение размеров. Содержание при росте количественно осложняется. Трава, положим, еще не дала ни цветов, ни плода, но она поднялась, выросла; значит, если нам незаметно было никакого в ней ни внутреннего (микроскопического), ни внешнего, видимого глазу, морфологического изменения, обогащения, то мы имеем все-таки право сказать, что трава стала сложнее, ибо *количество* ячеек и волокон у нее умножилось. К тому же, ближайшее наблюдение показывает, что всегда при процессе развития есть непрестанное, хоть какое-нибудь, изменение и формы, как в частностях (напр., в величине, виде самих ячеек и волокон), так и в общем (т. е. - что появляются новые вообще черты, дотоле небывалые в картине всецелого организма). - То же и в развитии животного тела, и в развитии человеческого организма, и даже в развитии духа человеческого, характера. Я сказал: не только целые организмы, но и все *органические процессы*, и все *части организмов*, - одним словом, все органические явления подчинены тому же закону...

Возьмем, напр., картину какой-нибудь болезни. Положим, - *воспаление легких* (Pneumonia). Начинается оно большею частью *просто*, так просто, что его нельзя строго отличить в начале от простой простуды, от Bronchitis, от Pleuritis и от множества других опасных и ничтожных болезней. Недомогание, жар, боль в груди или в боку, кашель. Если бы в эту минуту человек умер от чего-нибудь другого (напр., если бы его застрелили), то и в легких нашли бы мы очень мало изменений, *очень мало отличий от других легких*. Болезнь *не развита, не сложна еще* и потому и *не индивидуализирована и не сильна* (еще не опасна, не смертоносна, еще *мало влиятельна*). Чем сложнее становится картина, тем в ней больше разнообразных отличительных признаков, тем она легче индивидуализируется, классифицируется, отделяется и, с другой стороны, тем она все сильнее, все влиятельнее. Прежние признаки еще остаются, жар, боль, горячка, слабость, кашель, удушье и т. д., но есть еще новые, мокрота, окрашенная, смотря по случаю, от кирпичного до лимонного цвета. Выслушивание дает наконец, специфический bronchus crepitans. Потом приходит минута, когда картина наиболее сложна: в одной части легких простой bronchus subcrepitans, свойственный и другим процессам, в другой - bronchus crenitans (подобный нежному треску волос, которые мы будем растирать медленно около уха), в третьем месте выслушивание груди дает бронхиальное дыхание - souffle tubaire, наподобие дуновения в какую-нибудь трубку; это - опеченение легких, воздух не проходит вовсе. Наконец, может случиться, что рядом с этим будет и нарыв, пещера, и тогда мы услышим и увидим еще новые явления, встретим еще более сложную картину. То *те* самое нам дадут и вскрытия: 1) *силу*, 2) *сложность*, 3) *индивидуализацию*.

Далее, если дело идет к выздоровлению организма, то *картина болезни упрощается*. Если же дело к победе болезни, то, напротив, *упрощается*, или вдруг, или постепенно, *картина самого организма*. Если дело идет к выздоровлению, то сложность и разнообразие признаков, составляющих картину болезни, мало-помалу уменьшаются. Мокрота становится обыкновеннее (менее индивидуализирована); хрипы переходят в более обыкновенные, схожие с хрипами других кашлей; жар спадает, опеченение разрешается, то есть легкие становятся опять *однороднее, однообразнее*.

Если дело идет к смерти, *начинается упрощение организма*. Предсмертные, последние часы у всех умирающих сходнее, проще, чем середина болезни. Потом следует смерть, которая, сказано давно, всех равняет...

Итак, что бы развитое мы ни взяли, болезнь ли (органический сложный и единый процесс), или живое, цветущее тело (сложный и единый организм), мы увидим одно - что разложению и *смерти второго* (организма) и *уничтожению первой* (процесса) предшествуют явления: упрощение составных, частей, *уменьшение числа признаков*, ослабление единства, силы и, вместе с тем, *смешение*. Всё постепенно понижается, мешается, сливается. а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее. Перед окончательной гибелью индивидуализация как частей, так и целого, слабеет. Гибнущее становится и однообразнее внутренне, и ближе к окружающему миру, и сходнее с родственными, близкими ему явлениями (т. е. *свободнее*)...

Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне*, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую «нирвану».

При дальнейшем размышлении мы видим, что этот триединый процесс свойствен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и всему, существующему в пространстве и времени. *Может быть*, он свойствен и небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе

развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров. Я не могу распространяться здесь долго и развивать подробно мою мысль. Я ограничусь только несколькими краткими примерами и объяснениями. Например, для небесного тела: а) период *первоначальной простоты*; расплавленное небесное тело, однообразное, жидкое; б) период *срединый*, то состояние, которое можно назвать вообще цветущей сложностью: планета, покрытая корою, водою, материками, растительностью, *обитаемая, пестрая*; г) период *вторичной простоты*: остывшее или вновь, вследствие катастрофы, расплавленное тело и т. д.

Мы заметим то же и в истории искусств: а) период первоначальной простоты: циклопические постройки, конусообразные могилы этрусков (послужившие, вероятно, исходным образцом для куполов и вообще для круглых линий развитой римской архитектуры), избы русских крестьян, дорический ордер и т. д.; б) период цветущей сложности: Парфенон, храм Эфесской Дианы (в котором даже на колоннах были изваяния), страсбургский, реймский, миланский соборы, Св. Петра, Св. Марка, римские великие здания, Софокл, Шекспир, Дант, Байрон, Рафаэль, Микельанджело и т. д.; в) период смешения, перехода во вторичное упрощение упадка заметны другим: все здания переходных эпох, романский стиль (до начала готического и от падения римского), все нынешние утилитарные постройки, казармы, больницы, училища, станции железных дорог и т. д. В архитектуре единство есть то, что зовут стилем. В цветущие эпохи постройки разнообразны в пределах стиля; нет ни эклектического смешения, ни бездарной старческой простоты. В поэзии то же: Софокл, Эсхил и Еврипид - все одного стиля; впоследствии всё, с одной стороны, смешивается эклектически и холодно, понижается и падает.

№4. Насколько состоятельны аргументы В. Ф. Эрн против прогресса? В чем различие между позитивным и христианским пониманием прогресса?

Владимир Францевич Эрн «Борьба за Логос. Идея катастрофического прогресса». По обычным представлениям о прогрессе - в истории человечества прогрессивно развиваются знания, смягчаются нравы, создается «все более и более высокая и моральная культура и уменьшаются человеческие страдания. Если б этого не было, то не было бы и прогресса...

Можно ли морально успокоиться на частичном познании? Положим, я познал объективно, что на какой-нибудь удаленной звезде имеются элементы натрия. Это я знаю наверное, безусловно, а на все вопросы, о которых болит моя совесть, без разрешения которых бессмысленной, ненужной и бесцельной мне представляется вся жизнь Вселенной, я не имею никакого ответа. И вот совершается «прогресс» в знании о звездах, удаленных от нас на миллиарды верст, а о себе, о душе нашей и о запросах совести нашей - знания не растут и не становятся достовернее. О том, без чего бессмысленна наша жизнь, - мы не узнаем ничего, о том же, что имеет значение только как подчиненная часть при условии, что главный вопрос разрешен, мы кое-что узнаем. О каком же прогрессе в знаниях может быть тогда речь?...

А между тем говорить о прогрессе знаний в то время, когда в главных вопросах жизни и совести мы остаемся такими же слепыми и незнающими, какими были люди три тысячи лет назад, и никакие самые крупнейшие открытия в области частных наук несколько не увеличивают нашего знания об этом главном, - это значит называть заживление царапинки прогрессом, в то время как рак остается неизлечимым. Очевидно, морально успокоиться на частичном познании мы не можем.

Теперь скажу несколько слов о прогрессе в области моральной и прогрессе в смысле уменьшения страданий. Здесь обычные представления о прогрессе всего более поверхностны и часто возмутительны по своему беззащитному игнорированию вопиюще действительных фактов. Впрочем, эта сторона более других ясна для общего сознания, и я остановлюсь на одном. Во-первых, можно считать несомненным, что если прогрессивно растут только внешняя культура и техника, а человечество в моральном отношении не прогрессирует, а падает все ниже и ниже, и страдания его не уменьшаются, а только принимают новые, более острые формы, - тогда прогресс есть иллюзия. Во-вторых, можно считать несомненным, что жизнь, если ее брать только в эмпирических ее проявлениях, не дает никаких оснований считать, что прогресс в этих отношениях действительно совершается. Я не привожу уже оснований «против», я говорю, что оснований «за» нет никаких...

[Если нет Абсолютного] *Прогресс знаний* есть простое верчение в беличьем колесе. Из знаний не вырастает *познания*. Приближения к Истине быть не может, ибо истины нет; значит, в развитии знаний развивается только *самообман*. Прогрессивный рост знаний есть прогрессивный рост *заблуждения*.

Прогресс морали есть самая - жестокая клевета на действительность. Эмпирия вся, во всех частях своих громко свидетельствует, что только самодовольство и сытость, только безжизненный отвлеченный ум могут говорить о каком-то мнимом уменьшении страданий на земном шаре.

Наконец, *субъект прогресса* - человечество обрастает в жалкий рассыпающийся комочек преющих личинок. Личинка сегодня ест, живет, «преет», копошится вместе с другими личинками в общем комочке, а завтра оторвется от него, исчезнет, и всякие связи с комочком прекращаются, а комочек в целом будет копошиться и преть немного больше, чем отдельная личинка, не 5 - 6 десятков, а 5 - 6 тысяч лет. Но пред лицом Вечности и этот срок - *ничтожность*. И тысячи лет пробегут в свое время, и все человечество так же бессильно должно будет исчезнуть с лица земли, как бессильно исчезает отдельная человеческая особь. А если субъект прогресса так неустойчив, так тленен, так бессильно и только феноменален, то о каком же прогрессе может быть речь? Прогресс если бы и был реальным, то при отсутствии устойчивости в субъекте становится совершенно безрезультатным. Можно ли даже самую драгоценную влагу наполнить сосуды, в которых нет дна?...

Нет Абсолютного, так *нет и прогресса*. Без объективной основы вера в прогресс есть самая плоская и мерзкая вера, ибо игнорирует *трагедию мира*, и в то же время самая некритичная, самая наивная и самая фантастическая вера,

ибо не принимает во внимание *действительности*. Нужно или отказаться от этих идей, или посмотреть Абсолютному прямо в глаза. Христианское представление о прогрессе тем больше всего отличается от обычного, что христианство дышит и живет Абсолютным...

В позитивном понимании прогресса нарастание каких бы то ни было ценностей - есть процесс отрицательной, дурной, по выражению Гегеля, бесконечности. Увеличивается без конца то, что имеется в наличности. Но это увеличение никогда не может привести к состоянию *завершенному*. Всегда движение вперед обусловливается *недостатком, отсутствием* в достаточном количестве того, что является содержанием прогресса. Революция политическая или социальная - вследствие гнета, вследствие *невозможности* жить при старом строе. Революция в искусстве - вследствие того, что старые формы искусства исчерпались, *потеряли* свою силу и жизненность и уже *не питают*. Революция в области мысли - вследствие того, что старые формы представлений омертвели, обратились в схемы, жизнь не покрывающие, *стали давить*. Таким образом, движение вперед происходит вследствие *отталкивания от старого*, а не под воздействием ясно сознанного *идеала будущего*. Ибо *идеала* будущего быть не может, если будущее по существу идеальным быть не может.

При христианском же понимании прогресса нарастание ценностей есть процесс усвоения *положительной* бесконечности. Абсолютная полнота бытия, Божество, сходит на землю, принимает зрак рабий, вочеловечивается, и этим человечество возводится на новую, высшую и *абсолютную* ступень бытия. Феноменальное ноуменализируется, тленное пронизывается Вечностью, человеческое - обожествляется. Законы мира сего, весь природный строй побеждаются, и в освобождении от них, в новой земле Царствия Божия человек обретает истинную *свободу* свою. Все, что здесь совершается, ставится абсолютная и достижимая цель. В области нарастания знаний - познание истины лицом к лицу, *существенное ее усвоение*; в области искусства - проникновение в реально существующие миры иные и воплощение их в нашей земной действительности: реальное *преображение* безобразного настоящего в *абсолютную Красоту грядущего*. Наконец, в области морали - не неопределенное самосовершенствование, а становление святыми, *существенное усвоение святости Бога*.

В сравнении с этими бесконечными горизонтами христианского понимания прогресса горизонты позитивного понимания становятся узкими, серыми, тесными и мещанскими. Кто раз отведал опьянение христианской надеждой на будущее, для того пошlostью веет от планов всех безумных строителей Вавилонской башни! Кто раз восчувствовал грядущую свою свободу на новой земле, тот ни на какие самые утонченные клетки этой земли уж не согласится. Душно сидеть в комнатах, когда «выставляются первые оконные рамы». Хочется на простор, на свободу весеннего дня! Так и христианам душно под темными сводами настоящего, вся душа их в грядущем; и это грядущее в тайниках сердца для них уже настоящее. Только соприкасаясь в глубинах своего духа с тем, что космически *будет*, а онтологически вечно *есть*, - можно заполнить истинным содержанием *христианскую* идею прогресса...

№5. Сравните две картины мирового развития, принадлежащие И. Г. Гердеру и Ф. Энгельсу. Определите сходство и различие в их взглядах. Что движет мировым развитием? К каким решениям проблемы бытия примыкают авторы? Какой взгляд, по Вашему мнению, ближе к истине?

Иоганн Готфрид Гердер «Идеи к философии истории человечества». В нашем земном творении господствует ряд восходящих форм и сил. *Форма органического строения* восходила от камня к кристаллу, от кристалла к металлам, от металлов к растениям, от растений к животным, от животных к человеку; по мере восхождения разнообразились силы и влечения живого существа, и наконец все эти силы и влечения объединялись в облик человека, насколько он мог вместить их в себя. Ряд дошел до человека и здесь остановился; нет существа, которое стояло бы выше человека, органическое строение которого было бы многообразнее и искуснее, - человек представляется существом высшим, до какого может развиваться органическое строение на нашей Земле.

Сквозь все эти ряды живых существ проходит замеченное нами *сходство основной формы*, сходство соблюдаемое, насколько допускает это конкретное предназначение существа и варьируемое бесчисленное количество раз; эта основная форма по мере восхождения все более приближается к человеческому облику. Внизу, где развитие не зашло далеко, в царстве растений и зоофитов, эту форму еще нельзя распознать, но она заметнее выступает в строении более совершенных живых существ, число видов все сокращается, и вот наконец число видов дошло до одного и основная форма обрела себя в *человеке*.

Подобно внешнему облику, форме, *приближаются* к человеческим и *силы и влечения* организма. Жизнь растений управлялась инстинктом самосохранения и продолжения рода, насекомые стали создавать свои искусные сооружения, птицы и наземные животные - заботиться о своих птенцах, детенышах, о доме, наконец появились и мысли, напоминающие человеческие, животные стали усваивать разные умения, и вот все объединилось в человеке с его *разумной способностью, свободой и духом гуманности*.

Чем сложнее органическое строение живого существа, *тем более сложен состав его, заключающий в себе низшие сферы*. Такая многосоставность начинается уже под землей, она развивается в растениях, животных и кончается самым многосоставным существом - человеком. Кровь и все множество ее составных частей - это весь путь мира; все тут органически объединено и переплетено: и известняк и земля, и соли и кислоты, и жир и вода, и силы произрастания, возбуждения, ощущения...

Природа творила как орган божественного всемогущества, как обращенная в действие вечная идея, замысел творения; природа была деятельной, и силы ее умножались. И когда она сбивалась с пути, то сами отклонения возвращали ее на верный путь, потому что у высшего блага довольно средств для того, чтобы повести к цели рикошетирующую пулю и, прежде чем она упадет на землю, дать ей новый толчок вперед и пробудить в ней новые силы...

В природе ничто не стоит на месте, все стремится вперед, все идет вперед. Если бы мы могли видеть, как в первый период творения одно царство природы надстраивается над другим, - какая прогрессия устремленных вперед сил явилась бы во всяком развитии!...

А строгая и все упорядочивающая мать-природа совершенно точно установила, какими путями должна достигнуть своего явного действия та или другая органическая сила, господствующая или подчиненная, и потому ничто не может ускользнуть от форм, раз и навсегда установленных природой. Так, в царстве людей царит величайшее многообразие склонностей и задатков; нередко мы поражаемся им, видим в них нечто чудесное или противоестественное, но мы не понимаем их. А поскольку и эти склонности и задатки не лишены своих органических оснований, то возможно, - если только допустимо строить предположения относительно этой скрытой мраком мастерской, в которой природа выковывает свои формы, - рассматривать человеческий род как *великое слияние низших органических сил*, которые должны достигнуть в облике человеческого гуманной культуры.

Но что же дальше? Человек был на Земле образом бога, наделен был самым сложным и тонким органическим строением, какое только может быть на Земле, - так что же, теперь идти ему назад и превращаться в камень, в растение, в слона? Или колесо творения остановилось и уже не приводит в движение других колес? Последнее немыслимо потому что в царстве верховного блага и мудрости все связано между собой и сила воздействует на силу во всеобщей взаимосвязанности целого...

Мы видели, что цель нашего земного существования заключается в воспитании *гуманности*, а все низкие жизненные потребности только служат ей и должны вести к ней. Все нужно воспитывать: разумная способность должна стать разумом, тонкие чувства - искусством, влечения - благородной свободой и красотой, побудительные силы - человеколюбием, и мы или ничего не знаем о своем предназначении, и бог, создав все наши внешние и внутренние задатки, обманул нас (такое богохульство вообще бессмысленно), или же мы можем быть уверены в цели, как уверены в боге и своем существовании.

А как редко достигается на земле эта вечная, эта бесконечная цель! Разум целых народов пленен их звериным духом, истину ищут на самых нелепых путях, а красота и прямота, ради которых создал нас бог, подвержены порче от гнусности и небрежения. Лишь у немногих богоподобный дух гуманности в самом широком и чистом значении слова есть подлинное *стремление всей жизни*, а большинство задумывается поздно, да и у самых лучших низкие инстинкты тянут возвышенного человека к животному. Кто из смертных может сказать: я обрел, я обрету чистый образ человечности, заложенный во мне?

И вот поэтому получается, что или творец ошибся, когда поставил перед нами цель гуманности и когда столь сложно и искусно вывел органический строй человека, чтобы в нем человек достигал своей цели, или же, в противном случае, цель эта выходит за пределы нашего существования, а Земля - это только место, где мы *упражняемся* в гуманности, где готовимся к будущему. На Земле, конечно, к самому возвышенному пришлось присоединить и много низкого, так что в целом человек стоит только ступенькой выше животного...

Жалкое начало - это свидетельство бесконечного поступательного развития человека. Тогда человек сам должен будет обрести необходимую ступень света и уверенности, положив на это свой труд, - человек, руководимый своим Отцом, должен благодаря собственным усилиям стать существом *свободным и благородным - и он им станет*. И человек - пока только человекоподобный - станет человеком, и расцветет бутон гуманности, застывающий от холода и засыхающий от зноя, он расцветет и явит подлинный облик человека, его настоящую, его полную красоту.

Итак, мы без труда можем предчувствовать, что же от нашего теперешнего существа перейдет в мир тот, иной, - ясно что: вот эта наша *богоподобная гуманность*, бутон, скрывающий внутри себя истинный облик человечества. Все жалкое, бедное и существует на Земле только для земли; извести костей наших мы вернем камню и вернем стихиям все, что взяли у них. Чувственные влечения совершили положенный им труд, и мы, словно животное, послужили земному хозяйству - влечения должны были стать у человека поводом для высших усилий и побуждений, а на том их дело кончено. Потребность в пище должна была пробудить человека ото сна, должна была заставить его работать, объединяться в общество, быть послушным законам и установлениям; человек должен был владеть целительное для него, неизбежное на Земле ярмо. Влечение полов и в жестокой звериной душе должно было посеять семена общительности, любви к родителям, супругу, детям, должно было украсить самый тяжелый, мучительный труд, коль скоро совершается он ради жизни рода, ради родных, ради людей близких по плоти и крови. Вот каковы намерения природы; все земные потребности были чревом, в котором рос зародыш гуманности. Благо, если он пророс, потому что под лучами еще более прекрасного солнца он расцветет ярким цветом. Истина, красота, любовь - вот цели, к которым всегда стремился человек, что бы он ни делал, нередко сам не сознавая того, нередко идя по совсем ложному пути, - лабиринт будет распутан, и пропадут соблазнительные призраки, и не только каждый человек *узрит*, вблизи или издалека, центр, к которому сходятся все пути, но ты, Провидение, поведешь его своей кроткой, всепрощающей рукой к цели в облике Гения и друга, в котором так нуждается человек...

Теперь проясняется странное противоречие в человеке. Как животное, человек служит Земле и привязан к ней, как к своему родному жилищу, но человек заключает в себе семена бессмертия, а потому должен расти в другом саду. Человек может удовлетворить свои животные потребности и те, кто довольствуется этим, чувствуют себя на Земле очень хорошо. Но как только человек развивает более благородные задатки, он повсюду начинает находить несовершенство и неполноту: ничто самое благородное так и не было осуществлено на Земле, и самое чистое редко укреплялось и утверждалось, и для сил нашего духа и нашего сердца эта арена действия - лишь место для упражнения сил, место, чтобы поверить их делами. История человеческого рода со всеми начинаниями, переменчивым судьбами, предприятиями, кругооборотах и переломах предостаточно доказывает все это...

И только человек - в вечном противоречии с самим собою и с Землей, ибо самое развитое среди всех земных организмов существо в то же самое время - наименее развитое в своих собственных задатках, если даже и уходит он,

пресытившись жизнью. Причина, очевидно, в том, что его состояние - последнее на Земле и первое в ином существовании, и для этого нового существования человек - ребенок, делающий свои первые шаги. Итак, человек одновременно представляет два мира, и отсюда явная двойственность его существа. Сразу же ясно, какая часть должна господствовать у большинства людей на Земле. Большинство людей - животные, они принесли с собой только способность человечности, и ее только нужно воспитывать, воспитывать с усердием и трудами...

Одно очевидно: в каждой из сил заключена бесконечность, которая на Земле не может быть вполне развита, потому что подавляется другими силами, чувствами и влечениями животного и как бы заключена в оковы, чтобы быть соразмерной всему земному. Примеры необычайной памяти, воображения, даже предсказаний и предчувствий открыли чудеса, таящиеся в душах людей, и чувства не представляют тут исключения...

Земли не будет, а ты будешь и в иных жилищах и в иных органических строениях насладишься *богом* и творением его; Ты на Земле видел много доброго. Ты обрел на Земле такое органическое строение, что стал сыном неба, и научился смотреть вокруг себя, и научился заглядывать ввысь. Стремись оставить Землю довольным, благослови юдоль, где играл ты, дитя бессмертия, благослови школу, где радости и страдания воспитали в тебе мужа. У тебя нет прав на нее, у Земли нет прав на тебя; увенчанный шапкой свободы, препоясанный поясом неба, счастливо продолжай свой страннический путь.

Фридрих Энгельс «Диалектика природы». Из вихреобразно вращающихся раскаленных газообразных туманностей, - законы движения которых, быть может, будут открыты нами лишь после того, как наблюдения в течение нескольких столетий дадут нам ясное представление о собственном движении звезд, - развились благодаря сжатию и охлаждению бесчисленные солнца и солнечные системы нашего мирового острова, ограниченного самыми крайними звездными кольцами Млечного пути...

Лаплас показал подробным и еще не превзойденным до сих пор образом, как из отдельной туманной массы развивается солнечная система; позднейшая наука все более и более подтверждала ход его мыслей. На образовавшихся таким путем отдельных телах - солнцах, планетах, спутниках - господствует сначала та форма движения материи, которую мы называем теплотой...

Вместе с прогрессирующим охлаждением начинает все более и более выступать на первый план взаимодействие превращающихся друг в друга физических форм движения, пока, наконец, не будет достигнут тот пункт, с которого начинает давать себя знать химическое сродство, когда химически индифферентные до тех пор элементы химически дифференцируются один за другим, приобретают химические свойства и вступают друг с другом в соединения. Эти соединения все время меняются вместе с понижением температуры, которое влияет различным образом не только на каждый элемент, но и на каждое отдельное соединение элементов, вместе с зависящим от этого охлаждения переходом части газообразной материи сперва в жидкое, а потом и в твердое состояние и вместе с созданными благодаря этому новыми условиями.

Время, когда планета приобретает твердую кору и скопления воды на своей поверхности, совпадает с тем временем, начиная с которого ее собственная теплота отступает все более и более на задний план по сравнению с теплотой, получаемой ею от центрального светила. Ее атмосфера становится ареной метеорологических явлений в современном смысле этого слова, ее поверхность - ареной геологических изменений, при которых вызванные атмосферными осадками отложения приобретают все больший перевес над медленно ослабевающими действиями вовне ее раскаленно-жидкого внутреннего ядра.

Наконец, если температура понизилась до того, что - по крайней мере на каком-нибудь значительном участке поверхности - она уже не превышает тех границ, внутри которых является жизнеспособным белок, то, при наличии прочих благоприятных химических предварительных условий, образуется живая протоплазма. В чем заключаются эти предварительные условия, мы в настоящее время еще не знаем. Это неудивительно, так как до сих пор даже еще не установлена химическая формула белка и мы даже еще не знаем, сколько существует химически различных белковых тел, и так как только примерно лет десять как стало известно, что совершенно бесструктурный белок выполняет все существенные функции жизни: пищеварение, выделение, движение, сокращение, реакцию на раздражения, размножение.

Прошли, вероятно, тысячелетия, пока создались условия, при которых стал возможен следующий шаг вперед и из этого бесформенного белка возникла благодаря образованию ядра и оболочки первая клетка. Но вместе с этой первой клеткой была дана и основа для формообразования всего органического мира. Сперва развились, как мы должны это допустить, судя по всем данным палеонтологической летописи, бесчисленные виды бесклеточных и клеточных протистов, из которых до нас дошел единственный *Eozoon canadense* и из которых одни дифференцировались постепенно в первые растения, а другие - в первых животных. А из первых животных развились, главным образом путем дальнейшей дифференциации, бесчисленные классы, отряды, семейства, роды и виды животных и, наконец, та форма, в которой достигает своего наиболее полного развития нервная система, - а именно позвоночные, и опять-таки, наконец, среди них то позвоночное, в котором природа приходит к осознанию самой себя, - человек.

И человек возникает путем дифференциации, и не только индивидуально, - развиваясь из одной-единственной яйцевой клетки до сложнейшего организма, какой только производит природа, - но и в историческом смысле. Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря чему пропасть между человеком и обезьяной стала с тех пор непроходимой. Специализация руки означает появление *орудия*, а орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее обратное воздействие человека на природу - производство. И животные в более узком смысле слова имеют орудия, но лишь в виде членов своего тела: муравей, пчела, бобр; и животные производят, но их производственное воздействие на окружающую природу является по отношению к этой последней равным нулю. Лишь человеку удалось наложить свою печать на при-

роду: он не только переместил различные виды растений и животных, но изменил также внешний вид и климат своего местожительства, изменил даже самые растения и животных до такой степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвлением земного шара. И этого он добился прежде всего и главным образом при посредстве *руки*. Даже паровая машина, являющаяся до сих пор самым могущественным его орудием для преобразования природы, в последнем счете, именно как орудие, основывается на деятельности руки. Но вместе с развитием руки шаг за шагом развивалась и голова, возникало сознание - сперва условий отдельных практических полезных результатов, а впоследствии, на основе этого, у народов, находившихся в более благоприятном положении, - понимание законов природы, обуславливающих эти полезные результаты. А вместе с быстро растущим познанием законов природы росли и средства обратного воздействия на природу; при помощи одной только руки люди никогда не создали бы паровой машины, если бы вместе и наряду с рукой и отчасти благодаря ей не развивался соответственным образом и мозг человека.

Вместе с человеком мы вступаем в область *истории*. И животные имеют историю, именно историю своего происхождения и постепенного развития до своего теперешнего состояния. Но они являются пассивными объектами этой истории; а поскольку они сами принимают в ней участие, это происходит без их ведома и желания. Люди же, наоборот, чем больше они удаляются от животных в узком смысле слова, тем в большей мере они делают свою историю сами, сознательно, и тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат установленной заранее цели. Но если мы подойдем с этим масштабом к человеческой истории, даже к истории самых развитых народов современности, то мы найдем, что здесь все еще существует огромное несоответствие между поставленными себе целями и достигнутыми результатами, что продолжают преобладать непредвиденные последствия, что неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно. И это не может быть иначе до тех пор, пока самая существенная историческая деятельность людей, та деятельность, которая подняла их от животного состояния до человеческого, которая образует материальную основу всех прочих видов их деятельности, - производство, направленное на удовлетворение жизненных потребностей людей, т. е. в наше время общественное производство, - особенно подчинена слепой игре не входивших в их намерения воздействий неконтролируемых сил и пока желаемая цель осуществляется здесь лишь в виде исключения, гораздо же чаще осуществляются прямо противоположные ей результаты. В самых передовых промышленных странах мы укротили силы природы и поставили их на службу человеку; благодаря этому мы безмерно увеличили производство, так что теперь ребенок производит больше, чем раньше сотня взрослых людей. Но каковы же следствия этого роста производства? Рост чрезмерного труда, рост нищеты масс и каждые десять лет - огромный крах. Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием *мира животных*. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор.

Но «все, что возникает, заслуживает гибели». Может быть, пройдут еще миллионы лет, народятся и сойдут в могилу сотни тысяч поколений, но неумолимо надвигается время, когда истощающаяся солнечная теплота будет уже не в силах растапливать надвигающийся с полюсов лед, когда все более и более сгущающееся у экватора человечество перестанет находить и там необходимую для жизни теплоту, когда постепенно исчезнет и последний след органической жизни, и Земля - мертвый, остывший шар вроде Луны - будет кружить в глубоком мраке по все более коротким орбитам вокруг тоже умершего Солнца, на которое она, в конце концов, упадет. Одни планеты испытают эту участь раньше, другие позже Земли; вместо гармонически расчлененной, светлой, теплой солнечной системы останется лишь один холодный, мертвый шар, следующий своим одиноким путем в мировом пространстве. И та же судьба, которая постигнет нашу солнечную систему, должна раньше или позже постигнуть все прочие системы нашего мирового острова, должна постигнуть системы всех прочих бесчисленных мировых островов, даже тех, свет от которых никогда не достигнет Земли, пока еще будет существовать на ней человеческий глаз, способный воспринять его.

Но когда подобная солнечная система завершит свой жизненный путь и подвергнется судьбе всего конечного - смерти, то что будет дальше?..

Вот вечный круговорот, в котором движется материя, - круговорот, который завершает свой путь лишь в такие промежутки времени, для которых наш земной год уже не может служить достаточной единицей измерения; круговорот, в котором время наивысшего развития, время органической жизни и, тем более, время жизни существ, сознающих себя и природу, отмерено столь же скудно, как и то пространство, в пределах которого существует жизнь и самосознание; круговорот, в котором каждая конечная форма существования материи - безразлично, солнце или туманность, отдельное животное или животный вид, химическое соединение или разложение - одинаково преходяща и в котором ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи и законов ее движения и изменения. Но как бы часто и как бы безжалостно ни совершался во времени и в пространстве этот круговорот; сколько бы миллионов солнц и земель ни возникало и ни погибало; как бы долго ни длилось время, пока в какой-нибудь солнечной системе и только на одной планете не создались условия для органической жизни; сколько бы бесчисленных органических существ ни должно было раньше возникнуть и погибнуть, прежде чем из их среды разовьются животные со способным к мышлению мозгом, находя на короткий срок пригодные для своей жизни условия, чтобы затем быть тоже истребленными без милосердия, - у нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается

вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет - мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время.

№6. Определите, в каких высказываниях речь идет о борьбе, а в каких - об объединении противоположностей.

Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. «Гераклит».

1) ИОАНН ЦЕЦ: Гераклиту Эфесскому было дано прозвище «Темный» за темноту его речей. Он говорит: *«Холодное нагревается, горячее охлаждается, влажное сохнет, иссохшее орошается»...*

2) ПСЕВДО-ПЛУТАРХ. Как говорит Гераклит: *«Одно и то же в нас – живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое, ибо эти [противоположности], пережившись, суть те, а те, вновь пережившись, суть эти».*

3) СТОБЕЙ: Изречение Гераклита: *Болезнь делает приятным и благим здоровье, голод – сытость, усталость – отдых...*

4) ХРИСИПП: Нет ничего более нелепого, говорит (Хрисипп), чем утверждения тех, кто полагает, будто добро могло бы существовать, если бы одновременно не было бы зла. Так как добро противоположно злу, они по необходимости должны противостоять друг другу и как бы держаться благодаря взаимному противоупору. Ни одна противоположность не может существовать без того, что ей противоположно. Как могло бы существовать понятие справедливости, если бы не было беззаконий?

5) ПСЕВДО-ГЕРАКЛИТ: Законы, которые по преимуществу считаются приметами правосудия, суть свидетельства беззакония. Ибо, если бы их не было, вы (эфесцы) плутовали бы без стеснения. Когда же они есть, вы хоть и обуздываетесь немного страхом наказания, все равно погрязли во всяческом беззаконии.

6) ИППОЛИТ: И добро и зло (Гераклит полагает одним и тем же). *«Врачи, – говорит Гераклит, – режут, жгут, всяко мучают зло {больных} и еще требуют платы (у больных), нисколько ее не заслуживая, ибо причиняют то же «добро», что и болезни».*

7) ГЕРАКЛИТ: *Не будь Солнца, мы бы не знали, что такое ночь...*

8) ПСЕВДО-АРИСТОТЕЛЬ: Вероятно, природа стремится к противоположностям и из них, а не из подобного создает согласие. Так, она свела мужчину с женщиной, а не с однополым существом (равно как и женщину) и сочетала первичное согласие из противоположных, а не подобных существ. Создается впечатление, что искусство делает то же самое в подражание природе: живопись, смешав белые и черные, желтые и красные краски, создает изображения, соответствующие оригиналам; музыка, смешав одновременно высокие и низкие, длительные и краткие звуки в различных голосах, создает единую гармонию; грамматика, смешав гласные и согласные буквы, создала из них все (словесное) искусство. Вероятно, именно в этом смысл изречения Гераклита Темного: *«Сопряжения: целое и нецелое, сходящееся расходящееся, созвучное несозвучное, из всего – одно, из одного – все».* Так и все мироздание, т. е. небо и землю, и весь космос в целом, упорядочила единая гармония через смешение противоположнейших начал.

9) ИППОЛИТ: Гераклит укоряет их так: *«Они не понимают, как враждебное находится в согласии с собой: перевернутое соединение (гармония), как лука и лиры».*

10) ПСЕВДО-ГИППОКРАТ: Все полезное различно, все вещи примиряются благодаря противоположному характеру; все это полезно, ибо различно; максимально различное максимально полезно, минимально различное минимально полезно...

11) ИППОЛИТ: И грязное и чистое, говорит (Гераклит), одно и то же, и пригодное и непригодное для питья одно и то же. *«Море, – говорит, – вода чистейшая и грязнейшая: рыбам – питьевая и спасительная, людям – негодная для питья и губительная»...*

12) КЕЛЬС: *«Взрослый муж слывет глупым у бога, как ребенок – у взрослого мужа».*

Лао-цзы «Дао дэ цзин».

13) Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом...

14) Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа...

15) В древности говорили: «Ущербное становится совершенным, кривое – прямым, пустое – наполненным, ветхое сменяется новым; стремясь к малому, достигаешь многого; стремление получить многое ведет к заблуждениям». Поэтому совершенномудрый внемлет этому поучению, коему необходимо следовать в Поднебесной. Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной; он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди других. Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной.

16) Превращение в противоположное есть действие *дао*, слабость есть свойство *дао*. В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии.

17) Великий квадрат не имеет углов; большой сосуд долго изготавливается; сильный звук нельзя услышать; великий образ не имеет формы.

18) Когда правительство спокойно, народ становится простодушным. Когда правительство деятельно, народ становится несчастным. О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства. Справедливость снова превращается в хитрость, добро - в зло. Человек уже давно находится в заблуждении. Поэтому совершенномудрый справедлив и не отнимает ничего у другого. Он бескорыстен и не вредит другим. Он правдив и не делает ничего плохого. Он светел, но не желает блеснуть...

№7. Определите, где речь идет о стратегии Гераклита, а где – о стратегии Лао-цзы. Чем парадоксально айкидо?

Евгений Николаевич Трубецкой «Максимализм». Бранд [персонаж пьесы Г. Ибсена] был *максималистом*; и именно это привлекает к нему русскую интеллигенцию, которая находит в нем родственную себе черту. Он никогда не довольствовался относительным, а предъявлял к жизни максимальные требования: абсолютное совершенство или смерть: «Или все, или ничего». Бессодержательность этого максимализма не смущает русских почитателей ибсеновского героя. Бранд в своем отношении к жизни был *радикален*, непримирим; он презирал все относительные, условные ее ценности, и этого с нас довольно. Эти качества пленяют нас *сами по себе*, и лишь немногие из нас спрашивают, во имя чего следует быть радикальным и непримиримым. «Или все, или ничего» - вот лозунг, который мы слышим уже восемь с лишком лет, с начала освободительного движения, с той самой поры, когда студенчество выступило в роли его авангарда. И конец этого лозунга, его практический результат - всегда один и тот же - *ничего*: у Бранда - снежная лавина, погребаящая вместе с ним все его надежды, а у нас - *разбитое корыто*, единственно верный спутник наших освободительных начинаний. И, странное дело, этот конец у нас мало кого смущает. В Бранде русская интеллигенция находит себе не осуждение, а оправдание: да, он терзал других и самого себя, ища добро, сеял зло, других губил и сам погиб. Но он до конца жизни остался верен своей формуле, ни в чем не поступился своим радикализмом. Итак, будем продолжать в том же духе. Что из этого выйдет на практике, не все ли равно: *мы не примирились*, мы сохранили чистоту нашей формулы; а для нас она *безотносительно дорога*, независимо от ее практического результата.

Сколько надежд уже разбил у нас этот прямолинейный максимализм и сколько терзаний причинил он русскому народу! Еще при Александре II Россия рисковала получить первые зародыши представительных учреждений. Пусть это было малое зерно; из него могло вырасти дерево. Но Александр II был убит в самый день подписания им этой хартии; стараниями тогдашних максималистов у нас надолго воцарилось царство беспросветной реакции. Убийство царя-освободителя - одно из самых характерных для русской революции деяний. У нас самая реакция вызывает меньше раздражения, нежели половинчатые уступки со стороны правительства. Александр II вызвал против себя море озлобления и ненависти со стороны русского радикализма *именно тем, что он вступил на путь уступок...*

«Ни все, ни ничего, а кое-что» - этого русский радикал перенести не может; на это он скорее всего ответит взрывом ненависти, а то и взрывом в ином, буквальном значении этого слова. Русский радикализм отрицает не только все исторически действительное, но и все исторически осуществимое. Поэтому его максимализм на практике проявляется как нигилизм, дикая, ничем не сдержанная и ни перед чем не останавливающаяся страсть к разрушению. Из формулы «или все, или ничего» ему в действительности удастся добиться осуществления только второго термина – «*ничего*». Понятно, почему с этой формулой обыкновенно связывается другая, ей сродная и столь же нигилистическая – «чем хуже, тем лучше».

Киссомару Уесиба «Дух айкидо». Учитель Уесиба постоянно подчеркивал, что боевое искусство должно быть созидательной силой, создающей любовь, в свою очередь ведущую к созидательной, полной жизни. Это может быть сказано и о его собственном жизненном пути, полностью посвященном боевым искусствам. В одной из своих последних бесед он сказал: «Айкидо - это истинное будо, вырабатывающее всеобщую любовь. Это защита всех живых существ, это средство, дающее всему существу жизнь и определяющее место. Это источник развития не только истинного боевого искусства, но и основа роста и развития всего сущего».

Духовная основа боевых искусств Японии изначально была заложена в цели победы на поле боя. Но победа живет недолго; она быстро проходит и исчезает. Кто-то может выйти из сражения победителем, но эта победа никогда не даст окончательного удовлетворения. Поэтому существует противоречие в посвящении жизни интенсивным тренировкам для достижения того, что длится недолго. Это противоречие было разрешено с формированием будо (Пути боевых искусств), и его наиболее перспективного современного продолжения - айкидо. Айкидо учит пути достижения абсолютной победы на основе философии отсутствия противоборства. Отсутствие противоборства означает подавление человеческих инстинктов агрессивности и столкновения и направление их по пути любви. Такая философия кажется странной для боевых искусств, но в ней сущность будо.

Учитель Уесиба, безусловно, считал, что истинный дух будо не может быть связан с атмосферой конкуренции и борьбы, когда доминирует грубая сила и первостепенная цель - победа любой ценой. Он считал, что этот дух должен быть постигнут в процессе совершенствования человека, как телесного, так и духовного, за счет накопления опыта и тренировки на основе духа боевых искусств. Для него только такое истинное проявление будо имело право на существование в современном мире, находясь вне отдельной культуры или эпохи. Его цель, глубоко религиозная по сущности, сводится к одному положению: соединение фундаментальной созидательной силы *ki*, пронизывающей вселенную, и индивидуальной *ki*, неотделимой от энергии дыхания каждого отдельного человека. При постоянной тренировке тела и разума достигается состояние гармонии индивидуальной и универсальной *ki*, которое проявляется в динамичном движении потока энергии *ki*, свободного и текучего, неразрушимого и неуязвимого. Это сущность боевых искусств Японии, включенная в айкидо.

Айкидо, напротив, отказывается стать соревновательным видом спорта и отвергает все формы соревнований и турниров, включая деление на весовые категории, классификацию по числу побед и награждение победителей. Такие вещи рассматриваются лишь как поощрение эгоизма, развитие самоуверенности и неуважения к другим. Великая сила

толкает людей на занятия спортивными боевыми единоборствами - каждый хочет быть победителем, но нет ничего более страшного для будо, безусловная цель которого состоит в освобождении от личного, постижении безличного и истинно человеческого.

№8. Каково различие между метафизическим и диалектическим отрицанием? В чем суть закона отрицания отрицания? Можно ли сказать, что, согласно этому закону, развитие идет по кругу?

Фридрих Энгельс «Анти-Дюринг». Но что же такое все-таки это ужасное отрицание отрицания...? - В сущности, это очень простая, повсюду и ежедневно совершающаяся процедура, которую может понять любой ребенок, если только очистить ее от того мистического хлама, в который ее закутывала старая идеалистическая философия и в который хотели бы и дальше закутывать ее в своих интересах беспомощные метафизики вроде г-на Дюринга. Возьмем, например, ячменное зерно. Биллионы таких зерен размалываются, развариваются, идут на приготовление пива, а затем потребляются. Но если такое ячменное зерно найдет нормальные для себя условия, если оно попадет на благоприятную почву, то, под влиянием теплоты и влажности, с ним произойдет своеобразное изменение: оно прорастет; зерно, как таковое, перестает существовать, подвергается отрицанию; на его место появляется выросшее из него растение - отрицание зерна. Каков же нормальный жизненный путь этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и, наконец, производит вновь ячменные зерна, а как только последние созреют, стебель отмирает, подвергается в свою очередь отрицанию. Как результат этого отрицания отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не просто одно зерно, а в десять, двадцать, тридцать раз большее количество зерен. Виды хлебных злаков изменяются крайне медленно, так что современный ячмень остается приблизительно таким же, каким он был сто лет тому назад. Но возьмем какое-нибудь пластическое декоративное растение, например далию или орхидею; если мы, применяя искусство садовода, будем соответствующим образом воздействовать на семя и развивающееся из него растение, то в результате этого отрицания отрицания мы получим не только больше семян, но и качественно улучшенное семя, дающее более красивые цветы, и каждое повторение этого процесса, каждое новое отрицание отрицания усиливает эти качественные улучшения. - Подобно тому, как мы это видим в отношении ячменного зерна, процесс этот совершается у большинства насекомых, например у бабочек. Они развиваются из яичка путем отрицания его, проходят через различные фазы превращения до половой зрелости, спариваются и вновь отрицаются, т. е. умирают, как только завершился процесс воспроизведения и самка отложила множество яиц. Что у других растений и животных процесс завершается не в такой простой форме, что они не однажды, а много раз производят семена, яйца или детенышей, прежде чем умрут, - все это нас здесь не касается; здесь нам нужно пока только показать, что отрицание отрицания действительно происходит в обоих царствах органического мира. Далее, вся геология представляет собой ряд отрицаний, подвергшихся в свою очередь отрицанию, ряд последовательных разрушений старых и отложений новых горных формаций. Сначала первичная, возникшая от охлаждения жидкой массы земная кора размельчается океаническими, метеорологическими и атмосферно-химическими воздействиями, и эти измельченные массы отлагаются слоями на дне моря. Местные поднятия морского дна над уровнем моря вновь подвергают определенные части этого первого отложения воздействиям дождя, меняющейся в зависимости от времени года температуры, атмосферного кислорода и атмосферной углекислоты; под теми же воздействиями находятся прорывающиеся через напластования из недр земли расплавленные и впоследствии охладившиеся каменные массы. Так в течение миллионов столетий образуются все новые и новые слои, - они по большей части вновь и вновь разрушаются и снова служат материалом для образования новых слоев. Но результат этого процесса весьма положителен: это - образование почвы, состоящей из разнообразнейших химических элементов и находящейся в состоянии механической измельченности, которое делает возможной в высшей степени массовую и разнообразнейшую растительность.

То же самое мы видим в математике. Возьмем любую алгебраическую величину, обозначим ее a . Если мы подвергнем ее отрицанию, то получим $-a$ (минус a). Если же мы подвергнем отрицанию это отрицание, помножив $-a$ на $-a$, то получим $+a^2$, т. е. первоначальную положительную величину, но на более высокой ступени, а именно во второй степени. Здесь тоже не имеет значения, что к тому же самому a^2 мы можем прийти и тем путем, что умножим положительное a на само, себя и таким образом также получим a^2 . Ибо отрицание, уже подвергшееся отрицанию, так крепко пребывает в a^2 , что последнее при всех обстоятельствах имеет два квадратных корня, а именно $+a$ и $-a$. И эта невозможность отделаться от отрицания, уже подвергшегося отрицанию, от отрицательного корня, содержащегося в квадрате, получает весьма осязательное значение уже в квадратных уравнениях. - Еще разительнее отрицание отрицания выступает в высшем анализе, в тех «суммированиях неограниченно малых величин», которые сам г-н Дюринг объявляет наивысшими математическими операциями и которые на обычном языке называются дифференциальным и интегральным исчислениями. Как производятся эти исчисления? Я имею, например, в какой-нибудь определенной задаче две переменные величины x и y , из которых одна не может изменяться без того, чтобы и другая не изменялась вместе с ней в отношении, определяемом обстоятельствами дела. Я дифференцирую x и y , т. е. принимаю их столь бесконечно малыми, что они исчезают по сравнению со всякой, сколь угодно малой действительной величиной и что от x и y не остается ничего, кроме их взаимного отношения, но без всякой, так сказать, материальной основы, - остается количественное отношение без всякого количества.

Следовательно, dy/dx , т. е. отношение обоих дифференциалов - от x и от y , - равно $0/0$, но $0/0$, которое берется как выражение отношения y/x ... Итак, вместо x и y я имею в используемых мной формулах или уравнениях их отрицание, dx и dy . Затем я произвожу дальнейшие действия с этими формулами, обращаюсь с dx и dy как с величинами действительными, хотя и подчиненными некоторым особым законам, и в известном пункте я отрицаю отрицание, т. е. интегрирую дифференциальную формулу, вместо dx и dy получаю вновь действительные величины x и y ; на таком пути я не просто вернулся к тому, с чего я начал, но разрешил задачу, на которой обыкновенная геометрия и алгебра, быть может, понапрасну обломали бы себе зубы.

Не иначе обстоит дело и в истории. Все культурные народы начинают с общей собственности на землю. У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность. Но на более высокой ступени развития земледелия, достигаемой благодаря самой же частной собственности на землю, частная собственность, наоборот, становится оковами для производства, как это наблюдается теперь и в мелком и в крупном землевладении. Отсюда с необходимостью возникает требование - подвергнуть отрицанию теперь уже частную земельную собственность, превратить ее снова в общую собственность. Но это требование означает не восстановление первобытной общей собственности, а установление гораздо более высокой, более развитой формы общего владения, которая не только не станет помехой для производства, а, напротив, впервые освободит последнее от стесняющих его оков и даст ему возможность полностью использовать современные химические открытия и механические изобретения.

Или другой пример. Античная философия была первоначальным, стихийным материализмом. В качестве материализма стихийного, она не была способна выяснить отношение мышления к материи. Но необходимость добиться в этом вопросе ясности привела к учению об отделимой от тела душе, затем - к утверждению, что эта душа бессмертна, наконец - к монотеизму. Старый материализм подвергся, таким образом, отрицанию со стороны идеализма. Но в дальнейшем развитии философии идеализм тоже оказался несостоятельным и подвергся отрицанию со стороны современного материализма. Современный материализм - отрицание отрицания - представляет собой не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории. Это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках. Философия, таким образом, здесь «снята», т. е. «одно временно преодолена и сохранена», преодолена по форме, сохранена по своему действительному содержанию. Таким образом, там, где г-н Дюринг видит только «игру слов», при более внимательном рассмотрении обнаруживается реальное содержание.

Наконец, даже учение Руссо о равенстве, бледную, фальсифицированную копию которого представляет учение г-на Дюринга, даже оно не могло быть построено без того, чтобы гегелевское отрицание отрицания не сыграло роль повивальной бабки, и притом - почти за двадцать лет до рождения Гегеля. И весьма далекое от того, чтобы стыдиться этого обстоятельства, учение Руссо в первом своем изложении почти нарочито выставляет напоказ печать своего диалектического происхождения. В естественном и диком состоянии, говорит Руссо, люди были равны; а так как Руссо рассматривает уже само возникновение речи как искажение естественного состояния, то он имел полное право приписывать равенство животных, в пределах одного и того же вида, также и этим людям-животным, которых Геккель в новейшее время гипотетически классифицировал как *Alali* - бессловесных. Но эти равные между собой люди-животные имели одно преимущество перед прочими животными: способность к совершенствованию, к дальнейшему развитию, а эта способность и стала причиной неравенства. Итак, Руссо видит в возникновении неравенства прогресс. Но этот прогресс был антагонистичен, он в то же время был и регрессом.

«Все дальнейшие успехи» (в сравнении с первобытным состоянием) «представляли собой только кажущийся прогресс в направлении *усовершенствования индивида*, на самом же деле они вели к *упадку рода*. Обработка металлов и земледелие были теми двумя искусствами, открытие которых вызвало эту громадную революцию» (превращение первобытных лесов в возделанную землю, но вместе с тем и возникновение нищеты и рабства вследствие установления собственности). «С точки зрения поэта, золото и серебро, а с точки зрения философа - железо и хлеб сделали цивилизованными *людей* и погубили человеческий *род*».

С каждым новым шагом вперед, который делает цивилизация, делает шаг вперед и неравенство. Все учреждения, которые создает для себя общество, возникшее вместе с цивилизацией, превращаются в учреждения, прямо противоположные своему первоначальному назначению.

«Бесспорно - и это составляет основной закон всего государственного права, - что народы поставили государей для охраны своей свободы, а не для ее уничтожения».

И тем не менее эти государи неизбежно становятся угнетателями народов, и они доводят этот гнет до той точки, где неравенство, достигшее крайней степени, вновь превращается в свою противоположность, становясь причиной равенства: перед деспотом все равны, а именно - равны нулю.

«Здесь - предельная степень неравенства, *та конечная точка, которая замыкает круг и соприкасается с начальной точкой, из которой мы исходили*: здесь все частные люди становятся равными именно потому, что они представляют собой ничто, и подданные не имеют уже никакого другого закона, кроме воли господина». Но деспот является господином только до тех пор, пока он в состоянии применять насилие, а потому, «когда его изгоняют, он не может жаловаться на насилие... Насилие его поддерживало, насилие его и свергает, все идет своим правильным естественным путем».

Таким образом, неравенство вновь превращается в равенство, но не в старое, стихийно сложившееся равенство бессловесных первобытных людей, а в более высокое равенство общественного договора. Угнетатели подвергаются угнетению. Это - отрицание отрицания.

Таким образом, уже у Руссо имеется не только рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в «Капитале», но мы видим у Руссо и в подробностях целый ряд тех же самых диалектических оборотов, которыми пользуется Маркс: процессы, антагонистические по своей природе, содержащие в себе противоречие; превращение определенной крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего - отрицание отрицания... Итак, что такое отрицание отрицания? Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития

природы, истории и мышления; закон, который, как мы видели, проявляется в животном и растительном царствах, в геологии, математике, истории, философии...

Однако нам могут возразить: осуществленное здесь отрицание не есть настоящее отрицание; я отрицаю ячменное зерно и в том случае, если я его размазываю, насекомое - если я его растапываю, положительную величину a - если я ее вычеркиваю, и т. д. Или я отрицаю положение «роза есть роза», сказав: «роза не есть роза»; и что подучится из того, что я вновь стану отрицать это отрицание, говоря: «роза все-таки есть роза»? - Таковы, действительно, главные аргументы метафизиков против диалектики, вполне достойные ограниченности метафизического мышления. В диалектике отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или разрушить ее любым способом. Уже Спиноза говорит: *Omnis determinatio est negatio*, всякое ограничение или определение есть в то же время отрицание. И затем способ отрицания определяется здесь, во-первых, общей, а во-вторых, особой природой процесса. Я должен не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание. Следовательно, первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным. Но как этого достигнуть? Это зависит от особой природы каждого отдельного случая. Если я размолот ячменное зерно или раздавил насекомое, то хотя я и совершил первый акт отрицания, но сделал невозможным второй. Для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует, следовательно, свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие. В исчислении бесконечно малых отрицание происходит иначе, чем при получении положительных степеней из отрицательных корней. Этому приходится учиться, как и всему прочему. С одним знанием того, что ячменный стебель и исчисление бесконечно малых охватываются понятием «отрицание отрицания», я не смогу ни успешно выращивать ячмень, ни дифференцировать и интегрировать, точно так же, как знание одних только законов зависимости тонов от размеров струн не дает еще мне умения играть на скрипке. - Однако ясно, что при отрицании отрицания, сводящемся к ребяческому занятию - попеременно ставить a и затем вычеркивать его, или попеременно утверждать о розе, что она есть роза и что она не есть роза, - не получится и не обнаружится ничего, кроме глупости того, кто предпринимает подобную скучную процедуру. И тем не менее метафизики хотели бы нас уверить в том, что раз мы желаем производить отрицание отрицания, то это надо делать именно в такой форме...

Конечно, существует и плохое, бесплодное отрицание. - Истинное - естественное, историческое и диалектическое - отрицание как раз и есть (рассматриваемое со стороны формы) - движущее начало всякого развития: разделение на противоположности, их борьба и разрешение, причем (в истории отчасти в мышлении вполне) на основе приобретенного опыта вновь достигается первоначальный исходный пункт, но на более высокой ступени. - Бесплодным же отрицанием является отрицание чисто субъективное, индивидуальное, представляющее собой не стадию развития самого предмета, а привнесенное извне *мнение*. А так как при таком отрицании не может получиться ничего, то отрицающий таким образом должен быть не в ладу с миром, должен ворчливо порицать все существующее и все совершившееся, все историческое развитие. Хотя древние греки и добились кое-каких результатов, но они не знали ни спектрального анализа, ни химии, ни дифференциального исчисления, ни паровой машины, ни шоссежных дорог, ни электрического телеграфа, ни железных дорог. Стоит ли долго останавливаться на произведениях таких отсталых людей? Все дурно - постольку этого рода отрицатели являются пессимистами, - за исключением нашей собственной высочайшей персоны, которая оказывается совершенной, а таким путем наш пессимизм переходит в наш оптимизм. Итак, мы сами произвели отрицание отрицания!

УЧЕНИЕ О ДУШЕ И СОЗНАНИИ

№1. Как можно объяснить данные свидетельства людей? Доказывают ли эти факты, что существует бессмертная душа?

Опыт смерти в книге «Раймонд Моуди Жизнь после жизни». За последние несколько лет я встретился с большим количеством людей, которые претерпели то, что я буду называть «предсмертным опытом»... Обратимся к рассмотрению тех событий, которые, насколько мне удалось установить, могут происходить, когда человек умирает.

Невыразимость. Многие подчеркивают это. «Просто нет слов, чтобы выразить то, что я хочу сказать» или «Да, конечно, наш мир тот совершенно определенно, в котором мы живем сейчас, - трехмерный, но мир иной не трехмерен. И именно поэтому так трудно рассказать вам об этом».

Способность слышать происходящее. Молодой человек, которого сочли мертвым после автомобильной катастрофы, рассказывает: «Я слышал, как одна женщина, находившаяся там, говорила: «Он мертв», и кто-то еще ответил: «Да, он мертв».

Ощущение мира и покоя. Женщина, которую вернули к жизни после сердечного приступа отмечает: «Я начала испытывать совершенно необычные ощущения. Я не чувствовала ничего, кроме мира, облегчения, именно покоя. Я обнаружила, что все мои тревоги исчезли, и я подумала про себя: «Как покойно и хорошо и нет никакой боли».

Шум. Во многих сообщениях упоминается о разного рода необычных слуховых ощущениях в момент смерти или перед этим. Иногда они крайне неприятны. Вот описание, данное человеком, который 20 минут был «мертв» во время полостной операции. «Очень неприятный жуужжающий звук, шедший изнутри моей головы, он очень раздражал меня... Я никогда не забуду этого шума».

Темный тоннель. Часто, одновременно с шумовым эффектом, у людей возникает ощущение движения с очень большой скоростью через какое-то темное пространство. Это пространство описывается по-разному. Женщина, болевшая перитонитом сообщила: «Медсестра сделала мне укол, чтобы облегчить мою смерть. Предметы в больничной палате стали все больше и больше отдаляться от меня. Когда они исчезли, я вошла вперед головой в узкий и

очень, очень темный коридор. Казалось, он был как раз по мне. Я начала скользить вниз, вниз, вниз». Еще один человек, находившийся на грани смерти, воспользовался другим сравнением, основанным на его религиозных представлениях. Он говорит: «Внезапно я очутился в очень темной, очень глубокой долине. Было похоже, что там была тропа, можно сказать, дорога, и я шел по этой тропе... Позднее, когда я выздоровел, у меня возникла мысль, что имеется в виду в Библии под выражением «долина тени смертной», потому что я был там».

Вне тела. Умиравший бывает изумлен после того, как пройдет темный тоннель, потому что в этот момент он обнаруживает, что смотрит на свое физическое тело извне, будто он посторонний наблюдатель, «третье лицо», потому что видит людей и события, происходящими как бы на сцене или в кино. У меня прекратилось дыхание и перестало биться сердце... Я сразу услышала, что сестры что-то закричали. И в этот момент я почувствовала, что я отделилась от своего тела, проскользнула между матрацем и перилами с одной стороны кровати – в действительности было даже похоже, что я прошла сквозь перила – вниз, на пол. Затем я стала подниматься вверх... Мой врач как раз в это время делал обход, и сестры позвали его, и я видела также, как он входил. Я подумала: «Интересно, что он здесь делает?» Я переместилась за осветитель, и там остановилась, паря под самым потолком и глядя вниз. Мне казалось, что я листок бумаги, взлетевший к потолку от чьего-то дуновения. Я видела как меня старались врачи вернуть к жизни. Мое тело было распростерто на кровати прямо перед моим взором, и все стояли вокруг него. Я слышала, как одна из сестер воскликнула: «О боже! Она скончалась!», в то время как друга склонилась надо мной и делала мне искусственное дыхание в рот в рот. Я смотрела на ее затылок в то время, как она это делала. Я никогда не забуду, как выглядели ее волосы, они были коротко пострижены... я смотрела, как они массируют мне грудь, трут мои руки и ноги, и думала: «Почему они волнуются? Ведь мне сейчас очень хорошо».

Встреча с другими. Несколько человек рассказали мне, что в тот момент, когда они умирали...они начинали осознавать близкое присутствие других духовных существ. Эти существа, очевидно, присутствовали рядом с ними с тем, чтобы помочь совершить умирающим переход в новое состояние. В двух случаях их присутствие имело цель сообщить умирающему, что время его смерти еще не наступило и что он должен вернуться в свое физическое тело... Одному человеку такой дух сказал: «Я должен помочь тебе пройти эту стадию твоего бытия, но сейчас я собираюсь вернуть тебя обратно к другим».

Светящееся существо. Наиболее невероятным и в то же время наиболее обычным элементом во всех изученных мною случаях и вместе с тем оказывавшим наиболее глубокое впечатление на людей, была встреча с очень ярким светом... люди, неверующие и прежде далекие от религиозной жизни, просто говорили, что видели «светящееся существо»... Светящееся существо почти тотчас же передает некоторую определенную мысль... Обычно люди, с которыми я говорил, пытаются сформулировать эту мысль в форме вопроса. Я слышал такие варианты его интерпретации, например: «Готов ли к смерти?», «Готов ли ты умереть?», «Что ты сделал в этой жизни, что можешь показать мне?», «Что доброго и хорошего сделано в твоей жизни?» Сначала, когда возник свет, я не совсем понимал, что происходит. Но потом он спросил меня, как бы задал мне вопрос: «Готов ли ты умереть?»... Теперь я думаю, что голос, говоривший со мной, действительно понимал, что я не готов умереть. Видите ли, для меня это была своего рода проверка, самая замечательная за всю мою жизнь. Я чувствовал себя по-настоящему хорошо, в безопасности и окруженным любовью. Любовь исходила от него, эта любовь – что-то невообразимое, неопишемое.

Картины прошлого. Все, передающие этот предсмертный опыт, показывают, что этот обзор прошлого совершился лишь за одно мгновение земного времени... Молодой ветеран так описывает то, что он пережил: «С момента ранения передо мной стали проноситься картины моей жизни. Мне показалось, что я вернулся обратно в то время, когда я был ребенком, и картины сменяли одна другую, показывая всю мою жизнь...Больше всего это было похоже на серию картин, наподобие слайдов»..

№2. Определите, какие высказывания являются аргументами в пользу бессмертия души, а какие аргументами против бессмертия души. Какие более основательны и почему?

1. Артур Шопенгауэр. Кто видит в своем существовании простую случайность, тот, конечно, должен бояться, что он со смертью потеряет его. Напротив, кто хотя бы в самых общих чертах усматривает, что его бытие зиждется на какой-то изначальной необходимости, – тот не поверит, чтобы последняя, создавшая столько дивного на свете, была ограничена столь коротким промежутком времени: нет, он будет убежден, что она действует во все времена. Познает же свое бытие как необходимое тот, кто сообразит, что до настоящего момента, в котором он существует, протекло уже бесконечное время, а с ним и целая бесконечность изменений, – и он, несмотря на это, все же остается в живых: другими словами, вся возможность всех состояний уже исчерпалась, но не могла уничтожить его существование. Если бы он мог когда-нибудь не быть, то его не было бы уже теперь. Ибо бесконечность времени, уже протекшего, вместе с исчерпанной в нем возможностью его событий, ручается за то, что все, что существует, существует по необходимости.

2. Поль Анри Гольбах. Элементарнейшее размышление о природе нашей души должно было бы убедить нас, что мысль о ее бессмертии является простой иллюзией. Действительно, что такое наша душа, как не принцип чувствительности? Что значит мыслить, наслаждаться, страдать, как не чувствовать? Что такое жизнь, как не совокупность модификаций и движений, свойственных организованному существу? Поэтому, как только тело перестает жить, чувствительность не может больше функционировать, вследствие чего идеи, а значит, и мысли более не могут возникать в мозгу. Идеи, как уже было доказано, являются к нам через посредство органов чувств; но как сможем мы, будучи лишены этих органов, иметь восприятия, ощущения, идеи?... Разве не очевидно, что душа зависит от размещения частей тела и от порядка, в котором совместно функционируют эти части? Поэтому раз уничтожена органическая структура, то, несомненно, уничтожена и душа.

3. Артур Шопенгауэр. То глубокое убеждение нашей неприкосновенности для разрушительной смерти, которое всякий носит в глубине души, как об этом свидетельствуют и неизбежные тревоги совести при приближении смертного часа, - это убеждение безусловно связано с сознанием нашей изначальности и вечности; оттого Спиноза так выражает его: чувствуем и воочию убеждаемся, что мы вечны. Ибо непреходящим разумный человек может мыслить себя лишь постольку, поскольку он мыслит себя не имеющим начала, т. е. вечным, - вернее, безвременным. Тот же, кто считает себя происшедшим из ничего, должен думать, что он снова обратится в ничто: ибо думать, что прошла бесконечность, в течение которой нас не было, а затем начнется другая, в течение которой мы не перестанем быть, - это чудовищная мысль. Поистине, наиболее прочным основанием для нашей неуничтожаемости служит старое положение: из ничего не возникает ничего, и в [это] ничто не может ничто возвратиться. Очень хорошо поэтому говорит Теофраст Парацельс: «Душа во мне сделалась из чего-то, поэтому она и не обратится в ничто, ибо она произошла из чего-то».

4. Поль Анри Гольбах. Нет ничего более общепринятого, чем догмат о бессмертии души, и ничего более распространенного, чем ожидание загробной жизни. Так как природа вдохнула во всех людей страстную любовь к жизни, то необходимым следствием этого явилось желание, чтобы жизнь длилась вечно. Это желание скоро превратилось в уверенность, а внушенное природой людям стремление к вечному существованию сделали аргументом в пользу того, что человек никогда не перестанет существовать. *Наша душа*, говорит Аббади, *не имеет бесполезных желаний, она естественным образом желает вечной жизни*. Руководствуясь какой-то странной логикой, он заключает отсюда, что это желание не может не быть удовлетворено... Однако не будем считать чем-то сверхъестественным желание существовать, которое всегда было и будет свойственно человеку. Не станем поражаться тому, что человек с таким восторгом принял приятную для него гипотезу, обещавшую ему удовлетворение его желаний, но остережемся заключать, будто это желание является несомненным доказательством реальности загробной жизни, которой люди занимаются слишком много и в ущерб своему земному счастью. Любовь к жизни является у нас лишь естественным стремлением одаренного чувствительностью существа, которому свойственно желать самосохранения.

5. Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). У всех живых существ постоянно присутствует такое пожелание самому себе: «Да не перестану я быть! Да буду я [вечно]!» И это пожелание [никогда] не возникает у того, кто не испытал состояния смерти. Тем самым устанавливается достоверность опыта прошлых рождений. И этот аффект - жажда жизни - самосущен даже у только что появившегося червя. Страх смерти, который по своей сути есть проницание [будущего] уничтожения и который не может быть объяснен ни посредством восприятия [как источника истинного знания], ни посредством логического вывода или авторитетного свидетельства, позволяет заключить, что страдание, вызываемое смертью, испытывалось в предшествующих рождениях.

6. Лев Михайлович Лопатин «Понятие о душе по данным внутреннего опыта». Как мы можем вообще сознать время! Почему наша мысль относится к *прошлому* и *будущему* как к чему-то бесспорно реальному? Если в нашем сознании содержится только то, что дано теперь, то как мы создаем то, чего теперь никоим образом не дано, а что или *уже прошло*, или *еще не наступило*! Как для сознания может оказаться действительным то, что недействительно по всему своему составу? а таково, как мы знаем, время... сознание реальности времени есть самое очевидное, самое точное, самое бесспорное доказательство сверхвременной природы нашего я... Для нас, далее, должно быть ясно, что если, при отрицательной природе времени, все в нем данное непрерывно исчезает, то само время для этого в нем данного не может представить реального объекта восприятия, как некоторое целое, растянутое в прошлом и будущем. А это значит, что время не может быть создано и понято тем, что само *временно*. Для сознания времени нужно, чтобы во временном процессе стояло нечто такое, что им не поглощается и в нем не исчезает и что поэтому может находиться в положительном отношении к его различным моментам. Если можно так выразиться, сознание времени есть *субстанциальная функция души*.

№3. Как связано, по мысли авторов текстов, признание бессмертия души с вопросами ценности человека и смысла его жизни? Насколько мнение авторов соответствует истине?

Александр Иванович Введенский «Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом». Атеист всегда отрицает бессмертие души. Но если в человеке нет бессмертной души, то чем же он отличается от животных? Ровно ничем. Он только самое умное животное, обращаться с которым надо с особой осторожностью и с особым тактом. Но по существу, в нем нет ничего священного сравнительно с животными. А если так, то нет ни малейших нравственных оснований относиться к людям иначе, чем к животным; нужно только быть с ними осмотрительнее, чем с животными. Но с нравственной точки зрения тогда все позволено относительно людей. Позволительно всякого человека эксплуатировать с такой же бесперемонностью, как и любое животное; позволительно усыпить его насмерть, когда он слишком стар или безнадежно болен, как это часто делают для своего удобства с собаками; позволительно даже употреблять в пищу его мясо; поэтому позволительно издать декрет, который предоставил бы право населению голодающих мест - впредь до подвоза хлеба - безнаказанно питаться мясом маленьких детей и всех тех, кто по своему возрасту или состоянию здоровья уже бесполезен для государства. Но чуткая совесть бунтуется против такого приравнивания человека к животному. Поэтому она бунтуется и против атеизма с его отрицанием бессмертия души.

Конечно, сказанное еще не означает, чтобы всякий атеист непременно относился к людям, как к животным. Напротив, либо по врожденной ему доброте и жалостливости, либо по привычке, с детства внушенной ему его воспитанием и поддерживаемой примером окружающих людей, он может считать человека как будто чем-то священным сравнительно с животным и даже уважать всякую человеческую личность как будто что-то ценное само по себе, независимо от наших выгод и удобств. Но это будет столь грубой непоследовательностью в его мирозерцании, что у человека с чуткой совестью атеизм может быть всего лишь временным явлением. Ведь чуткая совесть не только дает нам возможность правильно распознать добро и зло в наших поступках, но еще помогает нам чувствовать всякую не-

последовательность в наших мыслях. Поэтому люди с чуткой совестью на некоторое время могут увлечься атеизмом; впоследствии же они обязательно возвращаются к вере в Бога. Атеистами же на всю жизнь могут оставаться только либо те, кто легко переносит в своем мирозерцании всякую непоследовательность и всякую нелогичность, либо те, кто в человеке не ценит человека, а относится к людям с таким же презрением, как к животным.

Лев Михайлович Лопатин «Теоретические основы сознательной нравственной жизни». Свобода человеческой воли и нравственная разумность мировой жизни - таковы два коренные предположения этики, насколько она должна быть объективным знанием о действительном назначении человека. Только при них нравственный идеал становится подлинным долгом, т.е. неотменно целью деятельности всякого разумного существа. И мы знаем уже, какое содержание получит этот идеал, если мы поверим, что вся вселенная есть реальное воплощение свободного творчества духа. Оно может заключаться лишь в признании бесконечного достоинства *всего духовного* как верховного источника и последней задачи всего, что существует. Мир, если он создание свободы и разума, должен носить в себе цель, и этой цели ни в чем другом без противоречия положить нельзя, как в согласном осуществлении и бесконечном совершенствовании того, что имеет в себе настоящую, исполненную действительного творчества жизнь. *Человеческая душа* есть то *бесконечно ценное* в себе, пред чем бледнеет значение всех других вещей. Христос спрашивал: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» Если мы хотим, чтобы наша деятельность отвечала внутреннему, независимому от нас смыслу жизни, мы должны всегда помнить о несравнимом превосходстве человеческой личности над всею остальною природою. Истинная нравственность начинается лишь там, где человек на человека всегда смотрит как на цель и никогда только как на средство для иных посторонних, признанных высшими целей...

Если определяющий принцип нашей жизни в бесконечной цене человека и если нравственный миропорядок не пустая иллюзия (а без него нет объективной этики), тогда и вселенная так устроена, чтобы человек мог в ней выполнить свое высшее назначение. Но едва мы выскажем этот вывод, подымается неустранимое недоумение: отчего же законы добра так бессильны над реальною жизнью человечества, отчего их действительное торжество встречает такие неодолимые препятствия и внутри и вне человека? В самом деле, рядом с бесконечными задатками добра в каждом из нас заключены бесконечные возможности зла. Человек носит в себе глубокое, неистребимое противоречие, он как будто разрывается противоположными силами... Поэтому для идеала не может быть *всецелого*, иначе сказать - настоящего, осуществления в человеческих действиях. Самая праведная жизнь есть только неутомимое приближение к тому, что навсегда остается бесконечно далеким. Получается разительная несообразность: смысл человеческого бытия состоит в выполнении того, чего нельзя выполнить.

Еще более явное противоречие замечается между безусловною постановкою законов добра в нашем сознании и их несомненным безвластием над внешнею судьбою людей. Нет наблюдения более очевидного, как совершенное равнодушие процессов природы к нравственному достоинству человека.... Если еще можно с некоторым правдоподобием доказывать, что всякое зло *казнится* на земле (хотя и такое обобщение будет иметь смысл весьма относительный), - едва ли кто решится настаивать, что всякое добро на земле вознаграждается...

Один из величайших диалектиков во всей человеческой истории Кант - внимательно остановился на этих противоречиях, и единственное их примирение он видел в постулате *бессмертия души*... Если человек есть цель в себе, если его внутреннее существо имеет бесконечную цену, это должно отражаться на его бытии. Тогда его нельзя уже рассматривать лишь как преходящее звено явлений нравственно безразличных: вечное достоинство человеческой личности подразумевает ее вечную реальность. Мы вынуждены думать, что человек лишь одною стороною своего существования принадлежит к чувственному феноменальному миру, другою стороною (и тою именно, в которой заключена его подлинная сущность) он связан с миром сверхчувственным, вечным, в котором требования добра совпадают с законами участи всякой индивидуальной души.

№4. Определите, какому решению психофизической проблемы (гилозоизм, дуализм Р. Декарта, монадология Лейбница, пантеизм Спинозы, материализм, субъективный идеализм) соответствуют данные высказывания и стихи:

1. Раз лишь что-нибудь есть, то есть и всеобщая сущность –
Вещь всякой вещи, где все вместе плаваем мы. Фридрих Шиллер

2. Прямо обратное я говорю: вещей не бывает
Вне меня, и весь мир вплыл во мне, как пузырь. Фридрих Шиллер

3. Я ж на два бытия согласен – на мир и на душу:
Друг до друга им нет дела, но смысл их один. Фридрих Шиллер

4. Серж К. Кинг «Городской шаман». Жизнь есть лишь сон. Это значит, что все, что мы видим на протяжении всей нашей жизни, - не более чем сновидения. Но это не подразумевает, что жизнь есть лишь иллюзия. Имеется в виду, что сны реальны, а реальность есть сон. Таким образом, реальность, в которой вы пребываете прямо сейчас, есть лишь один из многих снов... Если вы не являетесь сторонником какой-либо разделяемой всеми точки зрения или она вас раздражает, то вы говорите, что это «массовая галлюцинация». И вы правы. Для шаманов то, что мы привыкли считать повседневной реальностью, есть лишь массовая галлюцинация или, выражаясь более вежливо, *совместное сновидение*... Если уж жизнь есть лишь сон и мы можем проснуться в нем, значит, мы можем изменять наши сны, изменяя само сновидение.

5. Людвиг Бюхнер «Сила и материя». Материя существовала *гораздо раньше духа*, и в той первоначальной туманности, из которой образовалась или возникла наша Солнечная система со всеми ее чудесными явлениями и обитателями, уже должны были содержаться в виде возможности или способности все будущие образования, включая разумные существа...

Дух может существовать лишь на основе организованной материи, и ... нет ни малейшего доказательства в пользу возможности самостоятельного существования духа вне материи...

6. Жан-Батист Робинэ «О природе». Я осмеливаюсь утверждать, что наша земля есть ... животное. Если по своей форме и по своему строению она не похожа в точности ни на какое другое животное, то это свидетельствует лишь о новом варианте плана животности. Но во всяком случае она представляет собой, подобно другим животным, систему жидких и твердых элементов. Твердые элементы ее непрерывно орошаются, питаются и оживляются жидкими элементами, которые, исходя из океана как своего наибольшего вместилища, распределяются благодаря бесконечному множеству более или менее крупных каналов по всем членам этого огромного тела, а благодаря более тонким сосудам – по самым нежным тканям.

7. Однако существуют, несомненно, различные акциденции, которые мы называем материальными, как величина, форма, движение и все другое, чего нельзя себе мыслить без пространственной протяженности. Субстанцию, которой эти акциденции присущи, мы называем телом. Нельзя предположить, что субъекты формы, пространственного движения и т.д. являются различными субстанциями, так как все эти акциденции сходятся в общем понятии протяжения. Но существуют другие акциденции, которые мы называем духовными, как познание, хотение, фантазирование, ощущение и т.д., которые все сходятся в общем понятии мышления, или представления, или сознания, а субстанцию, которой они присущи, мы называем мыслящей вещью, или духом, или как-нибудь иначе, если только не смешиваем ее с материальной субстанцией. Ведь духовные акциденции не имеют никакого сходства с материальными, а мышление, являющееся понятием первых, отличается радикально от протяжения, являющегося понятием последних.

8. Франсуа Мари Вольтер. Если бы в нашем теле пребывал божок, именуемый свободной душой, который столь часто оборачивается дьяволенком, то либо этот божок должен быть создан от века, либо в момент вашего зачатия, либо в вашем зародышевом состоянии, либо в миг рождения, либо, наконец, когда вы начинаете чувствовать. Однако все члены этой альтернативы одинаково смешотворны.

9. Лев Михайлович Лопатин. критерий, которому мы должны с неизбежностью следовать при оценке метафизических теорий: он прежде всего заключается в *объяснимости нашего сознания*... беда материализма заключается в том, что при всей наглядности свойств, которые он приписывает материи. Эти свойства все же представляют явное отрицание свойств и переживаний нашей психической жизни. Свойства духа и свойства в себе абсолютной материи совершенно инородны друг другу, и исходя из одних ничего нельзя объяснить в других... если единственная реальность принадлежит безусловно и в себе внешнему и абсолютно бессознательному бытию, свойства которого сводятся к протяженности, непроницаемости, инерции, подвижности и другим чисто геометрическим и механическим определениям, тогда в природе очевидным образом никаких других явлений происходить не может, кроме движения в пространстве разных масс различной скорости и в разных направлениях. А это значит, что в ней присутствие внутренних, субъективных переживаний, с точки зрения материализма не только непонятно, оно просто невозможно.

10. Поль Анри Гольбах. Если существо, именуемое *духом*, может получать или сообщать движение, если оно действует и приводит в движение органы тела, то это существо должно последовательно изменять свои отношения, свое устремление, свое соответствие, положение своих частей по отношению к различным точкам пространства или различным органам приводимого им в движение тела. Но, для того чтобы изменять свои отношения к пространству и к приводимым им в движение органам, этот *дух* должен обладать протяжением, твердостью и, следовательно, различными частями; если же субстанция обладает такими качествами, она является тем, что мы называем *материей*, и не может считаться простым существом, как его понимают современные философы.

№5. Что такое архетипы коллективного бессознательного? Какие архетипы отмечены в данном тексте? Существуют ли другие архетипы?

Карл Густав Юнг «Об архетипах коллективного бессознательного». Конечно, поверхностный слой бессознательного является в известной степени личностным. Мы называем его *личностным бессознательным*. Однако этот слой покоится на другом, более глубоком, ведущем свое происхождение и приобретаемом уже не из личного опыта. Этот врожденный более глубокий слой и является так называемым *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективное», поскольку речь идет о бессознательном, имеющем не индивидуальную, а *всеобщую* природу. Это означает, что оно включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые *cum grano sals* [с крупинкой соли] являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным...

Содержаниями коллективного бессознательного являются так называемые *архетипы*... «Архетип» - это пояснительное описание платоновского εἶδος[эйдос]. Это наименование является верным и полезным для наших целей, поскольку оно значит, что, говоря о содержаниях коллективного бессознательного, мы имеем дело с древнейшими, лучше сказать, изначальными типами, т.е. испокон веку наличными всеобщими образами... Примитивные родоплеменные учения имеют дело с видоизмененными архетипами. Правда, это уже не содержания бессознательного; они успели приобрести осознаваемые формы, которые передаются с помощью традиционного обучения в основном в виде *тайных учений*, являющихся вообще типичным способом передачи коллективных содержаний, берущих начало в бессознательном.

Другим хорошо известным выражением архетипов являются *мифы и сказки*....

Протестантскому теологу часто снится один и тот же сон: он стоит на склоне, внизу лежит глубокая долина, а в ней темное озеро. Во сне он знает, что до сего момента что-то препятствовало ему приблизиться к озеру. На этот раз он решается подойти к воде. Когда он приближается к берегу, становится темно и тревожно, и вдруг порыв ветра пробегает по поверхности воды. Тут его охватывает панический страх, и он просыпается...

Тот, кто смотрит в *зеркало* вод, видит прежде всего собственное отражение. Идущий к самому себе рискует с самим собой встретиться. Зеркало не льстит, оно верно отображает то лицо, которое мы никогда не показываем миру, скрывая его за Персоной, за актерской личиной. Зеркало указывает на наше подлинное лицо. Такова проверка мужества на пути вглубь, проба, которой достаточно для большинства, чтобы отшатнуться, так как встреча с самим собой принадлежит к самым неприятным. Обычно все негативное проецируется на других, на внешний мир. Если человек в состоянии увидеть собственную *Тень* и вынести это знание о ней, задача, хотя и в незначительной части, решена: уловлено по крайней мере *личностное бессознательное*. Тень является жизненной частью личностного существования, она в той или иной форме может переживаться. Устранить ее безболезненно - с помощью доказательств либо разъяснений - невозможно. Подойти к переживанию Тени необычайно трудно, так как на первом плане оказывается уже не человек в его целостности; Тень напоминает о его беспомощности и бессилии. Смотрящий в воду видит, конечно, собственное лицо, но вскоре на поверхность начинают выходить и живые существа; да, ими могут быть и рыбы, безвредные обитатели глубин.

Но озеро полно призраков, водяных существ особого рода. Часто в сети рыбаков попадают русалки, женственные полурыбы-полулюди. Русалки зачаровывают:

Halb zog sie ihn, halb sank er hin

Und ward nicht mehr gesehn.

[*Она наполовину высунулась из воды, он наполовину погрузился, и больше его уже не видели*]

Русалки представляют собой еще инстинктивную первую ступень этого колдовского женского существа, которое мы называем Анимой. Известны также сирены, мелюзины, феи, ундины, дочери лесного короля, ламии, суккубы, заманивающие юношей и высасывающие из них жизнь. Морализирующие критики сказали бы, что эти фигуры являются проекциями чувственных влечений и предосудительных фантазий. У них есть известное право для подобных утверждений. Но разве это вся правда? Подобные существа появляются в древнейшие времена, когда сумеречное сознание человека еще было вполне природным. Духи лесов, полей и вод существовали задолго до появления вопроса о моральной совести. Кроме того, боялись этих существ настолько, что даже их впечатляющие эротические повадки не считались главной их характеристикой. Сознание тогда было намного проще, его владения смехотворно малы. Огромная доля того, что воспринимается нами сегодня как часть нашей собственной психики, жизнерадостно проецировалась дикарем на более широкое поле...

Вместе с архетипом Анимы мы вступаем в царство *богов*, ту сферу, которую оставляет за собой метафизика. Все относящееся к Аниме нуминозно, т.е. безусловно значимо, опасно, табуированно, магично. Это змей-искуситель в раю тех безобидных людей, что переполнены благими намерениями и помыслами. Им он предоставляет и самые убедительные основания против занятий бессознательным. Вроде того, что они разрушают моральные предписания и будят те силы, которым лучше было бы оставаться в бессознательном. Причем нередко в этом есть доля истины, хотя бы потому, что *жизнь сама по себе не есть благо*, она также является и злом. Желая жизни, Анима желает и добра, и зла...

Когда рушатся все основания и подпоры, нет ни малейшего укрытия, страховки, только тогда возникает возможность переживания архетипа, ранее скрытого в недоступной истолкованию бессмысленности Анимы. *Это архетип смысла, подобно тому как Анима представляет архетип жизни*. Смысл кажется нам чем-то поздним, поскольку мы не без оснований считаем, что сами придаем смысл чему-нибудь, и с полным на то правом верим, что огромный мир может существовать и без нашего истолкования...

Маг – это синоним мудрого старца, восходящего по прямой линии к образу шамана в первобытном обществе. Подобно Аниме, мудрый старец является бессмертным демоном, освещающим хаотическую темноту жизни лучем смысла. Это просветленный, учитель и мастер, психопомп (водитель души)...

Три рассматривавшихся до сих пор архетипа – Тень, Анима и старый мудрец – в непосредственном опыте чаще выступают персонифицированно.

№6. Какие свойства присущи духу, согласно автору? Доказывают ли приводимые факты существование духа?

Николай Николаевич Фиолетов «Очерки христианской апологетики». Таким внутренним центром, собирающим воедино силы души и направляющим их к единой высшей цели, является дух, духовная сторона души. Он выходит за пределы не только пространства, но и времени и обращен к вечности. Дух связывает человека с высшим миром, временное с вечным в самом человеке, поднимает его над ограниченностью внешних условий земного, временно-пространственного существования и направляет самое это земное существование к высшей цели.

По библейскому учению, дух — это «та сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая его сотворение» (еп. Феофан). И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою (Быт 2, 7). Именно в этой стороне заключается «образ Божий», по которому создан человек. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию (Быт 1, 27). Только с появлением духовной жизни, с принятием «дыхания жизни» человек поднялся от «праха земного» до человека в собственном смысле слова, выделенного из всех других тварей. «Образ Божий» по христианскому пониманию заключается в наклонности и способности к истине, добру и красоте абсолютной, источник которой есть Бог, а «подобие Божие» - в стремлении к развитию в себе этих

способностей, в богоуподоблении, в стремлении к бесконечному совершенствованию. В стремлении к совершенству и заключается жизнь духа. Духовная жизнь делает человека причастным жизни божественной, вечной...

Есть, однако, такие простейшие проявления жизни духа, которые переживаются в непосредственном опыте даже людьми, не сознающими этого ясно или не желающими сознавать. Запросы духа сказываются, например, в стремлении к цельному, знанию - знанию не только нужному для удовлетворения текущих внешних потребностей, но и к знанию, дающему полную картину мира, открывающему смысл существующего и его значение. Знания, помогающие ориентироваться практически во внешнем мире, достигаются при помощи душевных сил и способностей, искание цельного знания, искание истины есть проявление жизни духовной. Мыслительная деятельность опирается на внешний опыт и наблюдения и ограничивается ответом на вопрос: как происходят те или иные окружающие нас явления. Но этим не ограничиваются наши познавательные потребности, не удовлетворяется наш разум: он ищет ответа на вопрос о «значении каждого круга вещей и общей совокупности творений», о смысле всего существующего и самой нашей жизни. Ответ на данные вопросы не дается внешним опытом и открывается лишь духовному опыту, духовному познанию.

Проявлением духовной стороны нашей природы является «совесть». Совесть (по-русски «со-знание») есть способность оценивать свои собственные поступки и свою жизнь. Сознание хорошего поступка создает при этом чувство удовлетворения, дурного - неудовлетворенности собой, раскаяния, того, что называется «муками совести». В совести проявляется действие «естественного нравственного закона», заложенного в природе человека и свойственного, по ап. Павлу, и язычникам... Совесть определяется в христианском богословии как «законодатель», блюститель закона, «судия и воздаятель», так как через нее проявляется и сознание «естественного закона», и собственное внутреннее воздаяние за свои поступки...

Совесть дает оценку нашим поступкам, мыслям и чувствам независимо от мнений окружающих: по суду совести человек может сознавать себя правым и в тех поступках, которые осуждаются «общественным мнением», и наоборот. Стремление непременно следовать моде и постоянно колеблющимся мнениям и настроениям толпы, «плыть по течению» есть признак душевной слабости, бесхарактерности и слабо развитого сознания и противоположно требованию совести. Наконец, «общественное мнение» человек во многих случаях может обмануть, скрыть от него подлинный характер своего поступка, но нельзя обмануть подлинный голос совести или уйти от него. Совесть оценивает поступки не по их внешним последствиям, а по их внутреннему достоинству. Сознательно или бессознательно она свидетельствует о соответствии или несоответствии нашей жизни, ее высшим целям, достоинству и назначению человека. Она свидетельствует о наличии «образа и подобия Божия» в человеке, его стремлении к Богу, хотя часто и неосознанном. В этом смысле она есть голос Божий в человеке...

К проявлениям духа относится и стремление к красоте. Красивым, прекрасным кажется не только то, что услаждает взор и слух человека или приносит внешнюю пользу человеку с точки зрения каких-либо выгод (например, материально-бытовых), ибо для грубого сознания невежественной черни, по словам Пушкина, печной горшок дороже Аполлона Бельведерского. Эстетическое чувство содержит элементы бескорыстия, искание идеи, идеала во внешнем образе (воплощение идеи в образе составляет сущность искусства). Стремление к красоте, даже в элементарных его проявлениях, есть поэтому действие духовной стороны в человеке. Она дает себя знать и во внутренней неудовлетворенности человека внешними благами и достижениями, в постоянном искании нового и лучшего. Внешние блага (материальные, власть, слава и пр.) кажутся ценными только до тех пор, пока не будут достигнуты. После их достижения живой человек обычно перестает удовлетворяться ими и ищет иного. Эта неутолимость исканий и потребностей свидетельствует о высшей духовной природе, для которой никакое временное, внешнее благо не может быть последней целью. Ничто временное и тварное вполне и до конца удовлетворить человеческий дух не может. Он ищет, хотя часто и бессознательно, бесконечного совершенства, которое может быть дано только в Боге...

Более углубленные проявления духовной жизни обнаруживаются у людей, обладающих непосредственным духовным и религиозным опытом. Одним из таких обнаружений силы духа является действие молитвы. Молитва есть непосредственное обращение мысли и чувства к Богу и на высших ступенях переживание живого общения с Ним. Люди, имеющие опыт молитвы, свидетельствуют о переживании ими особого состояния мира души, при котором утихают все страсти и противоречия, возникает состояние легкости, спокойствия и радости...

Высшие проявления духовной жизни обнаруживаются в особых духовных дарах... Дары эти проявлялись в высшем художественном вдохновении, при котором художник созерцает образы, воплощаемые им в его произведениях, и в озарениях мысли («творческая интуиция»), создающей творческие идеи в области познания (у великих ученых и философов), и в подвигах любви и самоотвержения, и в даре «прозорливости», основанном на проникновении в самые глубины чужой души человеческой, при котором видны ее сокрытые мысли и намерения, и в даре пророческом - даре вдохновенного предвидения духовных судеб, и в подвигах веры и благочестия. Жизнь и подвиги святых подвижников (явление которых никогда не прекращалось в течение всей истории христианства, хотя не всегда замечалось в мирских кругах общества) свидетельствуют об этих чрезвычайных действиях духа...

Характерной чертой духовной жизни является ее вневременность, несвязанность ни пространством, ни временем. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит (Ин 3, 8). Если бы жизнь человеческая ограничивалась только душевно-телесной природой - душевными переживаниями, связанными с преходящими впечатлениями внешнего мира, с повседневными заботами о материальных благах и условиях существования, то она не имела бы никакой цельности, вся растворилась бы в отдельных моментах времени и поглощалась бы ими. Наше «я», наша личность распалась бы в отдельных переживаниях и оставалась бы только простой формой без содержания. Только наличность высших духовных целей, выходящих за пределы отдельных моментов и обнимающих всю Жизнь, может образовать действительное содержание человека от «вещей» и внешних условий и полу-

чает внутреннюю свободу. *Свобода* - характерная черта духовной жизни. Где Дух Господень, там свобода (2 Кор 3, 17).

Только наличность духовной жизни существенно отличает человека от животного. В своей телесной природе человек близок к животному миру. Также и душевная жизнь в ее элементарных проявлениях свойственна и животным. Если бы человек не обладал, кроме того, и духовной жизнью, то различие его от животного было бы только различием в степени. Лишь с появлением духовной жизни сознание появляется в человеке в настоящем смысле. Только духовность, или «умность» (под умом в святоотеческих творениях понимается не рассудок, исходящий из внешнего опыта, а высшие духовные способности) «делает нас, - по словам Антония Великого, - достойными называться людьми; не имея же такой умности, мы разнимся от бессловесных одним расположением членов и даром слова.

В духовной стороне, по существу вневременной, содержится и бессмертное начало в человеке. Выше уже говорилось, что при постоянной смене всех наших переживаний остается все время сознание одного и того же «я», одной и той же личности. Душевные переживания наши связаны с внешним миром временно, но самый центр личности, самое «я» вне этого временного потока, В отличие от мира физического и даже от мира животного (который живет по преимуществу родовой жизнью, родовыми «инстинктами»), человек обладает личностью и личным сознанием. Центр этой личности составляет дух, духовная жизнь: чем слабее она, тем слабее проявляется и личность (тем более в жизни по «инерции», жизни «стадной»); чем она глубже, тем содержательнее жизнь личности, тем сильнее в ней непреходящий центр. Здесь основание для личного бессмертия: В сущности все существование, в известной мере, причастно бессмертию, как это признает и естественная наука. С точки зрения физики - физическое бытие не уничтожается совершенно, но меняет свою форму и после этого продолжает появляться в круговороте вещей (сохранение материи и энергии). В животном мире, который живет преимущественно родовой жизнью, - это бессмертие проявляется в сохранении рода. Но жизнь человека носит личный характер, связанный с его духовностью, и потому нет оснований ограничивать его бессмертие только родовым бессмертием. Если духовное: бытие неуничтожимо (как неуничтожимо и физико-биологическое бытие), то оно неуничтожимо именно как личное, ибо духовное начало не есть начало безличное, но начало свободное, активное, самосознающее, а потому личное. Чем глубже духовная жизнь, тем больше она во время жизни в теле связана с вневременным и вечным, тем глубже и жизнь последующая, после разделения с телом.

По христианскому учению, источник духовной жизни заключается в Боге и в Нем же и источник вечной жизни. Вера в Бога и в образ Божий в человеке непременно связаны поэтому и с верой в бессмертие человеческого духа. **Жив Бог - жива душа моя**, - выражают эту мысль псалмы Давида.

Духовное начало по самому своему существу должно было господствовать в человеке и направлять другие стороны его природы, так как только оно, как указывалось, может дать цельность и осмысленность жизни человека, только оно делает человека действительно человеком, существом разумно-свободным. Но в силу извращений, связанных с грехом, это нормальное состояние духа, души и тела часто утрачивается, и; вместо духа получает преобладание или чисто душевная сторона человека, или даже просто телесная, или «плотская».

По преобладанию той или другой стороны в человеке в апостольских и святоотеческих творениях различаются три типа людей: плотский, душевный и духовный человек. «Плотский» человек ставит выше всего в своей жизни влечения своей плоти, которым отдается всецело, без какого-либо направления их со стороны высших сил своей природы. Самые эти потребности и влечения, превращаясь из средства в самоцель, получают неизбежно преувеличенный, неестественный характер, становясь извращениями природы. Такие извращенные влечения, овладевающие человеком и порабащующие его душу, в святоотеческих творениях носят названия «страстей»...

«Душевный» человек не находится в порабощении страстям (его поступки управляются его рассудком и волей). Но в нем преобладающей является та сторона души, которая направлена на устроение его положения во внешнем мире, которая живет временными интересами каждого дня. «Душевный» человек ставит себе отдельные временные цели, направленные к достижению временных благ, но не сознает вневременного смысла всей своей жизни, той высшей цели, которой он должен служить. Он живет на поверхности жизни и не проникает в ее глубину, чувствует и сознает лишь поверхность явлений и о всем судит поверхностно, кругозор его ограничен: он живет интересами места и времени и обо всем судит с этой точки зрения. В этом смысле к «душевности» нужно отнести то, что называется «мещанством», «обывательщиной». Такой человек может соблюдать правила общежития и обычной житейской морали, может иметь добрые расположения и чувства, может быть «хорошим человеком» в обывательском смысле, но он не может дать осмысленного направления своей жизни и принести настоящие плоды добра (по слову Евангелия: без Меня не можете творить ничего).

Добро для него не путь жизни, а проявление отдельных настроений, и большей частью делается постольку, поскольку «хорошие» дела не сталкиваются серьезно с житейскими интересами. Эти «хорошие» настроения у «душевного» человека, не имея твердой основы, неустойчивы и непостоянны, в особенности в трудные моменты испытаний...

Цельным и подлинным человеком, воплощающим свое назначение и осуществляющим смысл своей жизни, является, по христианским понятиям, лишь «духовный» человек, в котором духовная сторона его природы (образ Божий) направляет всю его жизнь и руководит другими сторонами его природы (душевной и телесной). В чистом виде каждый из этих типов не встречается в действительности. О «плотском», «душевном» и «духовном» человеке говорят лишь по преобладанию в нем той или другой стороны (и в «плотском» человеке действуют и душевные силы и иногда сохраняются проблески духовных начал; в «душевном» человеке также проявляются, в известной мере, следы его духовной природы).

В нормальном человеке духовная сторона его является направляющей, но не исключает действий и других сторон, а только «одухотворяет» их. Эти стороны в нем гармонически объединены и направлены к высшей цели. Поэтому, только через человека и может произойти преобразование и одухотворение всей твари.

Отсюда особое значение, которое придает христианское учение человеку среди всех тварей, в отличие от язычества.

ГНОСЕОЛОГИЯ (ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ)

№1. Как можно назвать Дионисодора и Евтидема? Насколько правильны их рассуждения?

Платон «Евтидем».

Начал же Евтидем, как мне помнится, следующим образом:

— Скажи мне, Клиний, те из людей, кто идет в обучение, - они мудрецы или невежды? ...

В это мгновение Дионисодор, наклонившись чуть-чуть к моему уху и улыбаясь во весь рот, молвил:

— Предсказываю тебе, Сократ, что бы ни ответил мальчик, он будет все равно опровергнут.

А пока он это говорил, Клиний уже отвечал, так что мне не удалось предупредить мальчика, чтобы он был осторожен, и он сказал, что учатся люди мудрые. А Евтидем:

— Называешь ли ты кого-либо учителями или же нет? Мальчик ответил утвердительно.

— Значит, учителя - это учителя учеников, как, например, кифарист и грамматик были учителями твоими и других мальчиков, вы же были учениками? Клиний согласился.

— А разве не обстояло дело таким образом, что, когда вы учились, вы не знали того, чему обучались?

— Именно так, - сказал Клиний.

— Но были ли вы мудрыми, коль скоро не знали этого?

— Конечно, нет, - ответил тот.

— Значит, вы были не мудрыми, но невеждами?

— Разумеется.

— Следовательно, учась тому, чего вы не знали, вы учились, будучи невеждами?

Мальчик кивнул в знак согласия.

— Вот и получается, что учатся невежды, а не мудрецы, как ты это думаешь.

Когда он это сказал, все спутники Дионисодора и Евтидема, подобно хору, послушному команде своего наставника, зашумели и засмеялись, и раньше, чем мальчик как следует успел перевести дух, Дионисодор вмешался и сказал:

— Послушай, Клиний, когда учитель грамматики читает вам что-нибудь, кто из мальчиков запоминает прочитанное - тот, кто мудр, или же тот, кто невежествен?

— Тот, кто мудр, - отвечал Клиний.

— Следовательно, учатся мудрые, а вовсе не невежды и ты только что неверно ответил Евтидему. Тут уже всю засмеялись и зашумели поклонники этих мужей, восхищенные их премудростью; мы же, остальные, молчали, пораженные. Евтидем, поняв, что мы поражены, дабы мы еще более выказали ему свое восхищение, не отпускает мальчика, но снова принимается его спрашивать и, подобно искусным плясунам, обращает к нему один и тот же вопрос то одной его, то другой стороной. Итак, он спросил:

— А учащиеся обучаются тому, что они знают, или же тому, чего не знают?

И снова Дионисодор зашептал мне:

— И здесь, Сократ, речь идет все о том же.

— О Зевс, - отвечал я, - уже и в первый раз нам это показалось великолепным.

— Все наши вопросы, - сказал он, - столь же настоятельны: от них не убежишь.

— Вот поэтому-то, - говорю я, - вас так и почитают ваши ученики.

Как раз в это время Клиний отвечал Евтидему, что ученики обучаются тому, чего они не знают. Тот же стал спрашивать его на прежний лад:

— Как же так? Разве ты не знаком с буквами?

— Знаком, - ответил Клиний.

— То есть со всеми?

Клиний ответил утвердительно.

— А когда кто-нибудь что-то произносит, разве он произносит не буквы?

Клиний согласился.

— Значит, он произносит нечто из того, что тебе известно, коль скоро ты знаешь все буквы?

И с этим он согласился.

— Что же, - возразил тот, - значит, ты не учишься тому, что тебе читают, а тот, кто не знаком с буквами, учится?

— Нет, - отвечал мальчик, - именно я учусь.

— Значит, - сказал Евтидем, - ты учишься тому, что знаешь, коль скоро ты знаешь все буквы.

Клиний согласился.

— А, следовательно, ты неправильно мне ответил.

И не успел Евтидем это промолвить, как Дионисодор, перехватив слово, как мяч, перебросил его обратно мальчику, говоря:

— Евтидем тебя обманывает, Клиний. Скажи мне: разве учиться не значит получать знание о том, чему ты учишься?

Клиний ответил утвердительно.

— А знать - разве это не то же самое, что уже обладать знанием?

Клиний подтвердил это.

— Следовательно, не знать - это значит не иметь знания?

Клиний снова с ним согласился.

— А получающие что-либо уже имеют что-то или не имеют?

— Нет, не имеют.

— А ведь ты признал, что к неимеющим относятся и незнающие?

Клиний кивнул в знак согласия.

— Значит, учащиеся относятся к получающим знание, а не к имеющим его?

Клиний согласился.

— Следовательно, обучаются незнающие, Клиний, а вовсе не те, кто знает.

№2. Определите, в каких текстах излагается позиция объективизма, а в каких - субъективизма. Обоснуйте ваш ответ.

1. Карл Поппер «Логика и рост научного знания». Статус истины в объективном смысле - как соответствия фактам - и ее роль в качестве регулятивного принципа можно сравнить с горной вершиной, которая почти постоянно закрыта облаками. Альпинист, восходящий на эту вершину, не только сталкивается с трудностями на своем пути, он может даже не знать, достиг он вершины или нет, так как в густой пелене облаков ему трудно отличить главную вершину от второстепенных. Однако это не влияет на объективное существование главной вершины, и если альпинист говорит нам: «У меня есть некоторые сомнения относительно того, поднялся ли я на главную вершину», - то тем самым он признает объективное существование этой вершины. Сама идея ошибки или сомнения (в своем обычном, прямом смысле) содержит идею объективной истины - истины, которой мы можем не получить. Хотя для альпиниста может оказаться невозможным с уверенностью установить, достиг ли он вершины, ему часто легко понять, что он не достиг ее (или еще не достиг), например когда, натолкнувшись на отвесную стену, он вынужден повернуть назад. Аналогично этому существуют случаи, когда мы с уверенностью знаем, что не получили истины. Так, хотя когерентность, или непротиворечивость, не является критерием истины - просто потому, что даже системы, непротиворечивость которых доказана, в действительности могут быть ложными, - некогерентность, или противоречивость, системы говорит о ее ложности. Поэтому, если нам повезет, мы можем обнаружить противоречия и использовать их для обоснования ложности некоторых наших теорий... Действительно, только в отношении этой цели - обнаружения истины - можно говорить, что, хотя мы способны ошибаться, мы все-таки надеемся научиться на наших ошибках. Именно идея истины позволяет нам разумно говорить об ошибках и рациональной критике и делает возможной рациональную дискуссию, то есть критическую дискуссию, направленную на поиски ошибок, самым серьезным образом стремясь по возможности устранить большинство из них, чтобы приблизиться к истине. Таким образом, сама идея ошибки и способности ошибаться включает в себя идею объективной истины как стандарта, которого мы, возможно, не достигаем. (Именно в этом смысле идея истины является регулятивной идеей.)

2. Николай Яковлевич Данилевский «Россия и Европа».

Что такое истина?... *истина есть знание существующего – именно таким, каким оно существует*. В этом понятии заключаются, следовательно, два элемента: элемент внешний – не истина, а действительность, которая, конечно, независима не только от национального, но и вообще от человеческого; и элемент внутренний – отражение этой действительности в нашем сознании. Если это отражение совершенно точно и совершенно полно, т. е. если при нем не затерялось ни одной черты не искажилось, ни одной черты не прибавилось, то такая совершенная истина, конечно, также не будет носить на себе никакой печати национальности или личности. Но такое отражение действительности в человеческом сознании невозможно, или, по крайней мере, в большинстве случаев невозможно; точно так же, как невозможно такое изображение предмета в зеркале, к которому бы не присоединилось каких-либо качеств, свойственных не отражаемому предмету, а отражающему зеркалу. Поэтому все (или почти все) наши истины или односторонни, или содержат большую или меньшую примесь лжи, - или то и другое вместе. Если бы этого не было, то понятия всех людей о том, что им хорошо известно, должны бы быть тождественны.

3. Карл Ясперс Философская вера

Вера отличается от знания. Джордано Бруно верил, Галилей знал. Оба они были в одинаковом положении. Суд инквизиции требовал от них под угрозой смерти отречения от своих убеждений. Бруно был готов отречься от нескольких, не имевших для него решающего значения положений своего учения; он умер смертью мученика. Галилей отрекся от утверждения, что Земля вращается вокруг Солнца, и возникла меткая острота, будто он впоследствии сказал — и все-таки она движется. В этом отличие: истина, страдающая от отречения, и истина, которую отречение не затрагивает. Оба совершили нечто, соответствующее провозглашаемой ими истине. Истина, которой я живу, существует лишь благодаря тому, что я становлюсь тождественным ей; в своем явлении она исторична, в своем объективном высказывании она не общезначима, но безусловна. Истина, верность которой я могу доказать, существует без меня; она общезначима, вне истории и вне времени, но не безусловна, напротив, соотносена с предпосылками и методами познания в рамках конечного. Умереть за правильность, которая может быть доказана, неоправданно. Но если мыслитель, полагающий, что он проник в основу вещей, неспособен отказаться от своего учения, не нанося этим вред истине,— это его тайна. Не существует общего мнения, которое могло бы потребовать от него, чтобы он принял мученический венец. Только то, что он его принимает, причем, как Бруно, не из мечтательного энтузиазма, не из упорства,

порожденного моментом, а после длительного преодоления своего сопротивления, - признак подлинной веры, уверенности в истине, которую я не могу доказать так, как при научном познании конечных вещей.

4. Бenedикт Спиноза «Трактат об усовершенствовании разума».

Наиболее ясные вещи так обнаруживают как самих себя, так и ложь, что было бы большой глупостью спрашивать, как можно узнать их. Ибо когда сказано, что они наиболее ясны, то ведь не может быть иной ясности, посредством которой они могли бы быть объяснены; откуда следует, что истина обнаруживает как самое себя, так и ложь. Ибо истина ясна через свою истину, т. е. через самое себя, подобно тому как ложь ясна через нее же; ложь же никогда не проявляется и не доказывается через самое себя. Поэтому тот, кто обладает истиной, не может сомневаться в том, что имеет ее, но тот, кто опутан ложью или заблуждением, может воображать, что обладает истиной, подобно тому как видящий сон может думать, что бодрствует; но кто бодрствует, никогда не может думать, что видит сон.

5. Петр Яковлевич Чаадаев «Апология сумасшедшего».

Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носитя со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы.

№3. Какие виды идолов выделяет Ф. Бэкон? Каково действие идолов на умы людей? В чем проявляется действие каждого идола? Как противодействовать идолам? Насколько советы Ф. Бэкона правильны?

Фрэнсис Бэкон «Афоризмы об истолковании природы и царстве человека».

XXXVIII Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, если даже вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преграждают путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать, если только люди, предостереженные, не вооружатся против них, насколько возможно.

XXXIX Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того чтобы изучать их, дадим им имена. Назовем первый вид *идолами рода*, второй - *идолами пещеры*, третий - *идолами площади* и четвертый - *идолами театра*.

ХLI *Идолы рода* находят основание в самой природе человека, в племени или самом роде людей, ибо ложно утверждать, что чувства человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума покоятся на аналогии человека, а не на аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

ХLII *Идолы пещеры* суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед которыми кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятые и предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам. Так что дух человека, смотря по тому, как он расположен у отдельных людей, есть вещь переменчивая, неустойчивая и как бы случайная. Вот почему Гераклит правильно сказал, что люди ищут знаний в малых мирах, а не в большом, или общем, мире.

ХLIII Существуют еще идолы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолы мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, *идолами площади*. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

ХLIV Существуют, наконец, идолы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем *идолами театра*, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры. Мы говорим это не только о философских системах, которые существуют сейчас или существовали некогда, так как сказки такого рода могли бы быть сложены и составлены во множестве; ведь вообще у весьма различных ошибок бывают почти одни и те же причины. При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности...

ХLV Человеческий разум в силу своей склонности легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит. И в то время как многое в природе единично и совершенно не имеет себе подобия, он придумывает параллели, соответствия и отношения, которых нет. Отсюда толки о том, что в небесах все движется по совершенным кругам. Спирали же и драконы совершенно отвергнуты, если не считать названий. Отсюда вводится элемент огня со своим кругом для того, чтобы составить четырехугольник вместе с остальными тремя элементами, которые доступны чувству. Произвольно вкладывается в то, что зовется элементами, мера пропорции один к десяти для определения степени разреженности и тому подобные бредни. Эти бесполезные утверждения имеют место не только в философских учениях, но и в простых понятиях.

ХLVI Разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял, - потому ли, что это предмет общей веры, или потому, что это ему нравится. Каковы бы ни были сила и число фактов, свидетельствующих о противном, разум или не замечает их, или пренебрегает ими, или отводит и отвергает их посредством различений с большим и пагубным предубеждением, чтобы достоверность тех прежних заключений осталась ненару-

шенной. И потому правильно ответил тот, который, когда ему показали выставленные в храме изображения спасшихся от кораблекрушения принесением обета и при этом добивались ответа, признает ли теперь он могущество богов, спросил в свою очередь: «А где изображения тех, кто погиб, после того как принес обет?» Таково основание почти всех суеверий - в астрологии, в сновидениях, в повериях, в предсказаниях и тому подобном. Люди, услаждающие себя подобного рода суетой, отмечают то событие, которое исполнилось, и без внимания проходят мимо того, которое обмануло, хотя последнее бывает гораздо чаще. Еще глубже проникает это зло в философию и в науки. В них то, что раз признано, заражает и подчиняет себе остальное, хотя бы последнее было значительно лучше и тверже. Помимо того, если бы даже и не имели места эти указанные нами пристрастность и суетность, все же уму человеческому постоянно свойственно заблуждение, что он более поддается положительным доводам, чем отрицательным, тогда как по справедливости он должен был бы одинаково относиться к тем и другим; даже более того, в построении всех истинных аксиом большая сила у отрицательного довода.

XLVII На разум человеческий больше всего действует то, что сразу и внезапно может его поразить; именно это обыкновенно возбуждает и заполняет воображение. Остальное же он незаметным образом преобразует, представляя его себе таким же, как и то небольшое, что владеет его умом. Обращаться же к далеким и разнородным доводам, посредством которых аксиомы испытываются, как бы на огне, ум вообще не склонен и не способен, пока этого не предпишут ему суровые законы и сильная власть.

XLVIII Жаден разум человеческий. Он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается все дальше. Но тщетно! Поэтому мысль не в состоянии охватить предел и конец мира, но всегда как бы по необходимости представляет что-либо существующим еще далее. Невозможно также мыслить, как вечность дошла до сегодняшнего дня. Ибо обычное мнение, различающее бесконечность в прошлом и бесконечность в будущем, никоим образом несостоятельно, так как отсюда следовало бы, что одна бесконечность больше другой и что бесконечность сокращается и склоняется к конечному. Из того же бессилия мысли проистекает ухищрение о постоянно делимых линиях. Это бессилие ума ведет к гораздо более вредным результатам в раскрытии причин, ибо, хотя наиболее общие начала в природе должны существовать так, как они были найдены, и в действительности не имеют причин, все же ум человеческий, не зная покоя, и здесь ищет более известного. И вот, стремясь к тому, что дальше, он возвращается к тому, что ближе к нему, а именно к конечным причинам, которые имеют своим источником скорее природу человека, нежели природу Вселенной, и, исходя из этого источника, удивительным образом исказили философию. Но легковесно и невежественно философствует тот, кто ищет причины для всеобщего, равно как и тот, кто не ищет причин низших и подчиненных.

XLIX Человеческий разум не сухой свет, его кропят воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает. Он отвергает трудное - потому что нет терпения продолжать исследование; трезвое - ибо оно неволит надежду; высшее в природе - из-за суеверия; свет опыта - из-за надменности и презрения к нему, чтобы не оказалось, что ум погружается в низменное и непрочное; парадоксы - из-за общепринятого мнения. Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум.

Но в наибольшей степени запутанность и заблуждения человеческого ума происходят от косности, несоответствия и обмана чувств, ибо то, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше. Поэтому созерцание прекращается, когда прекращается взгляд, так что наблюдение невидимых вещей оказывается недостаточным или отсутствует вовсе...

Чувство само по себе слабо и заблуждается, и немногого стоят орудия, предназначенные для усиления и обострения чувств. Всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений в соответствующих, целесообразно поставленных опытах. Здесь чувство судит только об опыте, опыт же - о природе и о самой вещи.

LI Человеческий ум по природе своей устремлен на абстрактное и текучее мыслит как постоянное. Но лучше рассекать природу на части, чем абстрагироваться. Это и делала школа Демокрита, которая глубже, чем другие, проникла в природу. Следует больше изучать материю, ее внутреннее состояние и изменение состояния, чистое действие и закон действия или движения, ибо формы суть выдумки человеческой души, если только не называть формами эти законы действия.

LII Такovy те идолы, которых мы называем идолами рода. Они происходят или из единообразия субстанции человеческого духа, или из его предвзятости, или из его ограниченности, или из неустанного его движения, или из внушения страстей, или из неспособности чувств, или из способа восприятия.

LIII Идолы пещеры происходят из присущих каждому свойств как души, так и тела, а также из воспитания, из привычек и случайностей. Хотя этот род идолов разнообразен и многочислен, все же укажем на те из них, которые требуют больше всего осторожности и больше всего способны сворачивать и загрязнять ум.

LIV Люди любят или те частные науки и теории, авторами и изобретателями которых они считают себя, или те, в которые они вложили больше всего труда и к которым они больше всего привыкли. Если люди такого рода посвящают себя философии и общим теориям, то под воздействием своих предшествующих замыслов они искажают и портят их. Это больше всего заметно у Аристотеля, который свою натуральную философию совершенно предал своей логике и тем сделал ее сутяжной и почти бесполезной...

LV Самое большое и как бы коренное различие умов в отношении философии и наук состоит в следующем. Одни умы более сильны и пригодны для того, чтобы замечать различия в вещах, другие - для того, чтобы замечать сходство вещей. Твердые и острые умы могут сосредоточить свои размышления, задерживаясь и останавливаясь на каждой тонкости различий. А умы возвышенные и подвижные распознают и сопоставляют тончайшие вездеприсущие подобия вещей. Но и те и другие умы легко заходят слишком далеко в погоне либо за подразделениями вещей, либо за тенями.

LVI Одни умы склонны к почитанию древности, другие увлечены любовью к новизне. Но немногие могут соблюсти такую меру, чтобы и не отбрасывать то, что справедливо установлено древними, и не пренебречь тем, что

верно предложено новыми. Это наносит большой ущерб философии и наукам, ибо это скорее следствие увлечения древним и новым, а не суждения о них. Истину же надо искать не в удачливости какого-либо времени, которая непостоянна, а в свете опыта природы, который вечен. Поэтому нужно отказаться от этих устремлений и смотреть за тем, как бы они не подчинили себе ум.

LVII Созерцания природы и тел в их простоте размельчают и расслабляют разум; созерцания же природы и тел в их сложности и конфигурации оглушают и парализуют разум. Это более всего заметно в школе Левкиппа и Демокрита, если поставить ее рядом с учениями других философов. Ибо эта школа так погружена в части вещей, что пренебрегает их построением; другие же так воодушевлены созерцанием строения вещей, что не проникают в простоту природы. Поэтому эти созерцания должны чередоваться и сменять друг друга с тем, чтобы разум сделался одновременно проникательным и восприимчивым и чтобы избежать указанных нами опасностей и тех идолов, которые из них проистекают.

LVIII Осмотрительность в созерцаниях должна быть такова, чтобы не допустить и изгнать идолы пещеры, кои преимущественно происходят либо из господства прошлого опыта, либо от избытка сопоставления и разделения, либо из склонности к временному, либо из обширности и ничтожности объектов. Вообще пусть каждый созерцающий природу вещей считает сомнительным то, что особенно сильно захватило и пленило его разум. Необходима большая предосторожность в случаях такого предпочтения, чтобы разум остался уравновешенным и чистым.

LIX Но тягостнее всех идолы площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами. Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Это сделало науки и философию софистическими и бездейственными. Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение хотят пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой. Отсюда и получается, что громкие и торжественные диспуты ученых часто превращаются в споры относительно слов и имен, а благоразумнее было бы (согласно обычаю и мудрости математиков) с них и начать для того, чтобы посредством определений привести их в порядок. Однако и такие определения вещей, природных и материальных, не могут исцелить этот недуг, ибо и сами определения состоят из слов, а слова рожают слова, так что было бы необходимо дойти до частных примеров, их рядов и порядка, как я скоро и скажу, когда перейду к способу и пути установления понятий и аксиом.

LX Идолы, которые навязываются разуму словами, бывают двух родов. Одни - имена несуществующих вещей (ведь подобно тому как бывают вещи, у которых нет имени, потому что их не замечают, так бывают и имена, за которыми нет вещей, ибо они выражают вымысел); другие - имена существующих вещей, но неясные, плохо определенные и необдуманно и необъективно отвлеченные от вещей. Имена первого рода: «судьба», «перводвигатель», «круги плане», «элемент огня» и другие выдумки такого же рода, которые проистекают из пустых и ложных теорий. Этот род идолов отбрасывается легче, ибо для их искоренения достаточно постоянного опровержения и устаревания теорий.

Но другой род сложен и глубоко укоренился. Это тот, который происходит из плохих и неумелых абстракций. Для примера возьмем какое-либо слово - хотя бы «влажность» - и посмотрим, согласуются ли между собой различные случаи, обозначаемые этим словом. Окажется, что слово «влажность» есть не что иное, как смутное обозначение различных действий, которые не допускают никакого объединения или сведения. Оно обозначает и то, что легко распространяется вокруг другого тела; и то, что само по себе не имеет устойчивости; и то, что движется во все стороны; и то, что легко разделяется и рассеивается; и то, что легко соединяется и собирается; и то, что легко течет и приходит в движение; и то, что легко примыкает к другим телам и их увлажняет; и то, что легко обращается в жидкое или тает, если перед тем пребывало твердым. Поэтому, если возникает вопрос о применимости этого слова, то, взяв одно определение, получаем, что пламя влажно, а взяв другое - что воздух не влажен. При одном - мелкая пыль влажна, при другом - стекло влажно. И так становится вполне ясным, что это понятие необдуманно отвлечено только от воды и от обычных жидкостей без какой бы то ни было должной проверки.

Тем не менее в словах имеют место различные степени негодности и ошибочности. Менее порочен ряд названий субстанций, особенно низшего вида и хорошо очерченных (так, понятия «мел», «глина» хороши, а понятие «земля» дурно); более порочный род - такие действия, как «производить», «портить», «изменять»; наиболее порочный род - такие качества (исключая непосредственные восприятия чувств), как «тяжелое», «легкое», «тонкое», «густое» и т. д. Впрочем, в каждом роде одни понятия по необходимости должны быть немного лучше других, смотря по тому, как воспринимается человеческими чувствами множество вещей.

LXI Идолы театра не врождены и не проникают в разум тайно, а открыто передаются и воспринимаются из вымышленных теорий и из превратных законов доказательств. Однако попытка опровергнуть их решительно не соответствовала бы тому, что сказано нами. Ведь если мы не согласны ни относительно оснований, ни относительно доказательств, то невозможны никакие доводы к лучшему. Честь древних остается незатронутой, у них ничего не отнимается, потому что вопрос касается только пути. Как говорится, хромой, идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги. Очевидно и то, что, чем более ловок и быстр бегущий по бездорожью, тем больше будут его блуждания...

LXII Идолы театра или теорий многочисленны, и их может быть еще больше, и когда-нибудь их, возможно, и будет больше. Если бы в течение многих веков умы людей не были заняты религией и теологией и если бы гражданские власти, особенно монархические, не противостояли такого рода новшествам, пусть даже умозрительным, и, обращаясь к этим новшествам, люди не навлекали на себя опасность и не несли ущерба в своем благосостоянии, не только не получая наград, но еще и подвергаясь презрению и недоброжелательству, то, без сомнения, были бы введены еще многие философские и теоретические школы, подобные тем, которые некогда в большом разнообразии процветали у греков. Подобно тому как могут быть измышлены многие предположения относительно явлений небесного эфира, точно так же и в еще большей степени могут быть образованы и построены разнообразные догматы относи-

тельно феноменов философии. Вымыслам этого театра свойственно то же, что бывает и в театрах поэтов, где рассказы, придуманные для сцены, более слажены и красивы и скорее способны удовлетворить желания каждого, нежели правдивые рассказы из истории.

Содержание же философии вообще образуется путем выведения многого из немногого или немногого из многого, так что в обоих случаях философия утверждается на слишком узкой основе опыта и естественной истории и выносит решения из меньшего, чем следует. Так, философы рационалистического толка выхватывают из опыта разнообразные и тривиальные факты, не познав их точно, не изучив и не взвесив прилежно. Все остальное они возлагают на размышления и деятельность ума.

Есть ряд других философов, которые, усердно и тщательно потрудившись над немногими опытами, отважились вымышлять и выводить из них свою философию, удивительным образом извращая и толкуя все остальное применительно к ней. Существует и третий род философов, которые под влиянием веры и почитания примешивают к философии богословие и предания. Суетность некоторых из них дошла до того, что они выводят науки от духов и гениев. Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: софистика, эмпирика и суеверие.

№4. Определите, с позиций какой теории (догматизм, гносеологический релятивизм, диалектическая концепция абсолютной и относительной истины) подходит Вл. Соловьев к идее сверхчеловека Ф. Ницше? Критикует Вл. Соловьев идею Ф. Ницше или поддерживает ее?

Владимир Сергеевич Соловьев «Идея сверхчеловека». Людьми, особенно чуткими к общим требованиям исторической минуты, владеет не одна, а по крайней мере три очередные или, если угодно, модные идеи: экономический материализм, отвлеченный морализм и демонизм «сверхчеловека». Из этих трех идей, связанных с тремя крупными именами (Карла Маркса, Льва Толстого, Фридриха Ницше), первая обращена на текущее и насущное, вторая захватывает отчасти и завтрашний день, а третья связана с тем, что выступит послезавтра и далее. Я считаю ее самой интересной из трех.

Всякая идея сама по себе есть ведь только умственное *окошко*. В окошко экономического материализма мы видим один задний, или, как французы говорят, нижний, двор (*la basse cour*) истории и современности; окно отвлеченного морализма выходит на чистый, но уж *слишком*, до совершенной пустоты чистый двор бесстрастия, опрощения, непротивления, неделания и прочих *без и не*, ну а из окна ницшеанского «сверхчеловека» прямо открывается необъятный простор для всяких жизненных дорог, и если, пускаясь без оглядки в этот простор, иной попадет в яму, или застрянет в болоте, или провалится в живописную, величавую, но безнадёжную пропасть, то ведь такие направления ни для кого не представляют безусловной необходимости, и всякий волен выбрать вон ту верную и прекрасную горную дорожку, на конце которой уже издалека сияют среди тумана озаренные вечным солнцем надземные вершины.

Теперь я хочу не разбирать ницшеанство с философской или исторической точки зрения, а лишь применить к нему первое условие истинной критики: показать главный принцип разбираемого умственного явления - насколько это возможно - *с хорошей стороны*.

Я думаю, нет спора, что всякое заблуждение - по крайней мере всякое заблуждение, о котором стоит говорить, - содержит в себе несомненную истину и есть лишь более или менее глубокое искажение этой истины; ею оно держится, ею привлекательно, ею опасно, и чрез нее же только может оно быть как следует понято, оценено и окончательно опровергнуто.

Поэтому первое дело разумной критики относительно какого-нибудь заблуждения - определить ту истину, которою оно держится и которую оно извращает.

Дурная сторона ницшеанства бросается в глаза. Презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе *заранее* какого-то исключительного сверхчеловеческого значения - во-первых, себе единолично, а затем, себе коллективно, как избранному меньшинству «лучших», т. е. более сильных, более одаренных, властительных, или «господских», натур, которым все позволено, так как их воля есть верховный закон для прочих, - вот очевидное заблуждение ницшеанства. В чем же та истина, которою оно сильно и привлекательно для живой души?

Различие между истиною и заблуждением не имеет здесь для себя даже двух отдельных слов. Одно и то же слово совмещает в себе и ложь и правду этой удивительной доктрины. Все дело в том, как мы понимаем, как мы произносим слово «сверхчеловек». Звучит в нем голос ограниченного и пустого притязания или голос глубокого самосознания, открытого для лучших возможностей и предваряющего бесконечную будущность?

Из всех земных существ один человек может относиться к себе самому критически — не в смысле простого недовольства тем или другим своим положением или действием (это возможно и для прочих животных), а также и не в смысле смутного, неопределенного чувства тоски, свойственной всей «стенающей твари», а в смысле сознательной отрицательной оценки самого способа своего бытия и основных путей своей жизни, как не соответствующих тому, что должно бы быть. Мы себя судим, а при суде разумном, добросовестном и осуждаем. Какой-то залог высшей природы в глубине души человеческой заставляет нас хотеть бесконечного совершенства; размышление указывает нам на всегдашний и всеобщий факт нашего несовершенства, а совесть говорит, что этот факт не есть для нас *только* внешняя необходимость, а зависит *также* и от нас самих.

Человеку естественно хотеть быть лучше и больше, чем он есть в действительности, ему *естественно* тяготеть к идеалу сверхчеловека. Если он *взаправду* хочет, то и может, а если может, то и должен. Но не есть ли это бессмыслица - быть лучше, выше, больше своей действительности? Да, это есть бессмыслица для животного, так как для него действительность есть то, что *его* делает и им владеет; но человек, хотя *тоже* есть произведение уже данной, прежде не-

го существовавшей действительности, *вместе с тем* может воздействовать на нее изнутри, и, следовательно, эта его действительность есть так или иначе, в той или другой мере то, что *он сам делает*, - делает более заметно и очевидно в качестве существа *собирательного*, менее заметно, но столь же несомненно и в качестве существа *личного*.

№5. Какой теории (догматизм, релятивизм, диалектическая концепция) придерживается Х. Ортега-и-Гассет? Обоснуйте вашу точку зрения.

Хосе Ортега-и-Гассет «Тема нашего времени». Познание есть приобретение истин, в которых нам явлен трансцендентный (трансубъективный) универсум реальности. Истины вечны, единственны и неизменны. Но как они проникают внутрь субъекта? Ответ у рационализма вполне определенный: познание возможно лишь в том случае, если реальность способна входить в него без малейшей деформации. Поэтому субъект должен быть как бы прозрачной средой, лишенной своеобразия, собственной окраски. Вчера он был таким же, как сегодня, каким будет завтра — сверхжизненным и внеисторичным. *Жизнь* представляет собой своеобразие, перемену, развитие, одним словом, — *историю*.

Ответ релятивизма не менее ограничен. Познание невозможно, нет трансцендентной реальности, ибо каждый субъект является неким особым образом сформированным пространством. Входя в него, реальность неизбежно деформируется, и эту индивидуальную деформацию он всякий раз и принимает за искомую реальность...

Субъект не является ни прозрачной средой, ни самотождественным и неизменным «чистым Я», ни деформирующим реальность при ее восприятии. Факты предлагают третью позицию, примерный синтез двух других. Опустим сеть в поток: она пропустит одни предметы и задержит другие. Можно сказать, что она проводит отбор, но не деформирует предметы. Такова и функция субъекта, живого существа перед лицом окружающей его космической реальности. Субъект не настолько проницаем, чтобы пропускать сквозь себя реальность, как это происходило бы с воображаемым разумным существом, созданным дефинициями рационалистов. Но он и не измышляет иллюзорной реальности. Его функция - селекция. Из бесконечности элементов, составляющих реальность, индивид, этот аппарат восприятия, пропускает определенное их число - чья форма и содержание совпадают с клетками его чувствительной сети. Все остальное - феномены, факты, истины - остаются вовне, игнорируются, не воспринимаются...

Два человека смотрят на один и тот же пейзаж с различных течек зрения. Они видят, однако, не одно и то же. Разница в местоположении приводит к тому, что пейзаж организуется различным образом перед взором каждого из них. То, что для одного стоит на первом плане и предстает во всех своих деталях, для другого находится на заднем плане, затемнено, смутно. Кроме того, одни вещи частично или целиком заслоняют друг друга. Каждому даны части пейзажа, которые не доходят до другого. Есть ли смысл одному из них объявлять пейзаж другого ложным? Конечно, нет - один пейзаж столь же реален, как и другой. Но не менее бессмысленным был бы вывод об иллюзорности обоих пейзажей на том основании, что они не совпадают.

Это предполагало бы наличие третьего - подлинного пейзажа, который не подпадал бы под те же условия, что и первые два. Но такой пейзаж-архетип не существует и не может существовать. Космическую реальность можно видеть лишь в определенной перспективе. *Перспектива - это один из компонентов реальности*. Не будучи ее деформацией, она является ее организацией. Остающаяся тождественной самой себе реальность, с какой бы точки зрения на нее ни смотрели, является абсурдным понятием...

Каждая жизнь есть точка зрения на вселенную. Строго говоря, каждая видит то, что видит она и не может увидеть другая. Каждый индивид - человек, народ, эпоха - есть незаменимый орган постижения истины. Вот почему личная истина, сама по себе чуждая историческим переменам, *обретает жизненное измерение*. Вселенная, всеобъемлющая истина оставались бы неведомыми без развития, без постоянных изменений, без неисчерпаемости тех событий, которые конституируют жизнь...

Чистый разум необходимо заменить жизненным разумом, в котором он находит свое место, обретает подвижность и силу изменчивости...

Такова и привлекательность философских учений прошлого. Ясный и простой схематизм, чистосердечность иллюзий (вера в открытие всей полноты истины), та уверенность, с которой утверждаются формулы, полагаемые непоколебимыми, - все это производит впечатление завершенного, определенного, окончательного мирка, *в котором уже нет проблем* - все в нем уже получило свое разрешение. Нет ничего приятнее долгих прогулок по столь ясным, столь тихим миркам. Но вернувшись домой, мы видим, что миры этих философских учений не были истинным миром, а лишь горизонтом видения их авторов. Теми горизонтами, которые интерпретировались ими как пределы вселенной, - за ними уже ничего нет, - но которые были только кривыми линиями пейзажа, замыкающего перспективу их видения. Всякая философия, желающая исцелиться от этого укоренившегося примитивизма, упрямого утопизма, должна исправить данную ошибку, *избегнуть превращения мягких линий широкого горизонта в остекленевший мир...*

Своеобразие бытия каждого, его индивидуальные особенности, таким образом, вовсе не препятствуют уловлению им истины. Они представляют собой орган видения той части реальности, которая ему соответствует. Каждый индивид, поколение, эпоха выступают незаменимыми аппаратами познания. Целостная истина может быть получена только путем соединения того, что видит мой ближний, и того, что вижу я, - и так далее. *Каждый индивид представляет существенную точку зрения*. Сопоставив все частичные картины, можно соткать всеобъемлющую и абсолютную истину. Эта сумма индивидуальных перспектив, познание того, что видели и знали все и каждый, это всезнание, этот поистине «абсолютный разум» и есть то высокое место, которое мы приписываем Богу...

Его точка зрения - это точка зрения каждого из нас; *наша частная истина также является божественной истиной*. Насколько достоверна наша перспектива, настолько аутентична наша реальность!

№6. В чем заключается польза свободы мысли и слова? Какой теории истины придерживается Д. С. Милль? – (объективизм или субъективизм), (догматизм, релятивизм, диалектическая концепция абсолютной и относительной истины)? Против каких теорий истины он возражает? Обоснуйте Ваш ответ.

Джон Стюарт Милль «О свободе». Прошло, надеюсь, время, когда нужно было защищать «свободу печати» от продажного или тиранического правительства... Даже если принуждение делается в согласии с общественным мнением, это так же вредно. Если бы все человечество минус единица было одного мнения и только один против, то подавлять мнение этого одного ничуть не справедливее, чем ему подавлять мнение человечества. Особое зло подавления мнений в том, что обездоливается все человечество, и те, кто против данной мысли, еще больше, чем ее сторонники. Если мысль верна, они лишены возможности заменить ложь истиной; если неверна, теряют (что не менее нужно) ясный облик и живое впечатление истины, оттененной ложью...

Полная свобода выражений – необходимое условие, чтобы оправдать претензии на истину. Большинство мудрецов любой эпохи придерживалось взглядов, признанных потом ошибочными, и делало или одобряло вещи, которые нынче никто не оправдает. Почему же в итоге перевесили разумные взгляды и устоялось разумное поведение? Если это действительно так, – а иначе человечество было бы почти безнадежно, – то только благодаря свойству нашего разума исправлять ошибки. Он исправляет их посредством споров и опыта. Одного опыта недостаточно. Нужны споры, чтобы показать, как истолковывать опыт. Ложные идеи и практика постепенно уступают фактам и доводам, но эти факты и доводы нужно сперва представить. Самая нетерпимая из церквей, Римско-католическая, даже при канонизации святого терпеливо выслушивает «адвоката дьявола». Оказывается, святейшему из людей нельзя воздать посмертные почести, пока не услышано и не взвешено все, что может сказать о нем враг. Взгляды, в которых мы более всего хотим убедиться, следует не охранять, а позволять подвергать нападкам оппонентов...

Теория, которая утверждает, что правда всегда победит, – одна из приятных выдумок. История полна примеров гибели истины от преследований... Ленивая сентиментальность полагать, что истина сама по себе в силах одолеть темницы и плахи. Людей не более влечет правда, чем ложь. Реальное преимущество истины в том, что, если идея верна, ее могут уничтожить раз, два, многократно, но с течением времени она вновь будет возрождаться, пока в одном из своих появлений не попадет в благоприятную эпоху. Современная общественная нетерпимость не казнит, не выкорчевывает идеи, но понуждает людей либо маскировать мысли, либо воздерживаться от их распространения. И такое положение кое-кого удовлетворяет. Ибо господствующее мнение защищено от внешних помех без неприятного процесса наказаний и арестов, без абсолютного запрета мыслить. Удобный вариант – обеспечить покой в интеллектуальной области, чтобы все шло, как заведено. Но ради этого покоя в жертву приносится отвага человеческого разума. Если большинству активнейших и любознательнейших умов советуют держать при себе свои принципы и убеждения, а обращаясь к публике, стараться, насколько возможно, приспособить их к тем взглядам, с которыми они в душе не согласны – то открытые, бесстрашные натуры и интеллекты расцвести при этом не могут. Появятся соглашатели, приспособленцы, сами не верящие в то, что проповедуют...

Нельзя быть великим мыслителем, не признавая, что твой первый долг – идти за своим интеллектом, куда бы он ни привел. Но свобода мысли нужна не только великим. Средним людям она еще нужнее, чтобы они могли достичь того уровня, на который способны. В атмосфере умственного рабства было много и много еще будет великих философов-одиночек, но никогда не было и не будет в этой атмосфере интеллектуально активных людей. Отбросим теперь предположение, что господствующее мнение ложно, допустим, что оно верно. Разумно ли его охранять, не допуская свободной и открытой дискуссии? Хотя человек убежденный неохотно признает возможность ошибки, его должна тревожить мысль, что самая справедливая истина, если ее не оспаривать свободно и смело, неизбежно превращается в догму. Есть люди, которые, получив свою веру от авторитетов, думают, что сомневаться вредно. Если у них достаточно влияния, они не позволяют рассмотреть истину беспристрастно и мудро. Но противники все равно ее отвергнут (но уже грубо, резко), ибо полностью предотвратить дискуссию трудно, а когда она начнется, слепая вера отступит даже перед слабейшими возражениями. Не так должны хранить истину разумные существа. Во что бы мы ни верили, следует научиться защищать свою веру хоть от простых возражений...

Кстати, недостаточно воспринять чужие взгляды и их истолкования собственными усилиями. Это путь, не дающий реального контакта с доводами противника. Их нужно слышать из уст того, кто верит в них, защищает всерьез и во всю силу. Нужно узнать их в наиболее яркой и убедительной форме, почувствовать все трудности, с которыми столкнешься, защищая свой взгляд. Тот, кто никогда не ставил себя на место думающего иначе, не предвидел его возражений, в сущности, не знает по-настоящему и своей доктрины. Ему неизвестны все компоненты истины, которые определяют решение разума, полностью информированного. Это понимание так существенно, что, если бы оппонентов важнейших истин не было, их следовало бы вообразить и снабдить сильнейшими доводами, какие мог бы придумать самый ловкий «адвокат дьявола».

Чтобы ослабить силу этих соображений, враг свободных дискуссий может сказать, что толпе нет нужды понимать все «за» и «против». Рядовому человеку ни к чему уметь показать ошибку оппонента. Достаточно, чтобы нашелся кто-то один, способный ответить и отвести попытки сбить с толку необученных. Простые умы, которых посвятили в доступные их пониманию азы доктрины, могут довериться авторитетам, понимая, что у самих нет ни знаний, ни талантов, чтобы справиться с трудностями. Но даже такой взгляд признает, что необходима уверенность в том, что есть удовлетворительные ответы на все вопросы; но как отвечать, если вопросов не слышно? Как почувствовать, что ответ удовлетворителен, если оппонент не может проявить своего недовольства?

Могут подумать, что отсутствие свободной дискуссии, если господствующее мнение верно, наносит лишь интеллектуальный вред (так как люди остаются невежественными), но не моральный, ибо ценность доктрины и ее влияние не снижаются. Однако при отсутствии спора забываются не только основы доктрины, но часто и само ее значение. Это иллюстрируют почти все этические доктрины и религии. Для своих основателей и их учеников они были полны

жизни и значения. Значение это не ослабевало и, может быть, даже усиливалось, пока шла борьба за утверждение доктрины. Наконец она побеждала, становилась преобладающей. Возражения ослабевали и постепенно гасли. Доктрина закреплялась, ее сторонники уже не принимали учение, а получали по наследству. Раньше верующие постоянно были начеку, готовясь защищаться или нападать, теперь, став тихими, стараются не замечать возражений и не ищут аргументов в свою защиту. Часто проповедники жалуются, как трудно удержать в умах верующих живое впечатление истины, которую те признают лишь формально, она не проникает в их чувства, не управляет их поведением. До какой степени доктрина, приспособленная всей своей сутью производить глубочайшее впечатление на умы, может превратиться в слепую веру, ничуть не реализованную в воображении, в чувствах и в мыслях, показывает то, как верит большинство христиан...

Нынче модно опровергать противника, указывая слабости его теории и ошибки практики, но не обосновывая своих истин. Такой негативной критики недостаточно для конечного результата; критика – не слишком ценное средство достичь позитивного знания или убеждения, достойного этого имени. Пока люди снова не станут систематически упражняться в спорах, у нас будет несколько великих учений, но при среднем низком уровне интеллекта во всех областях знания, кроме математики и физики. И если хоть кто-нибудь оспаривает ходячее мнение, возблагодарим его за это, выслушаем и порадуемся, что он делает для нас то, что иначе пришлось бы с огромным трудом делать самим. Остается сказать об одной из главных причин, почему разница мнений полезна. Мы рассмотрели два варианта: 1) господствующее мнение ложно, а другое – верно, 2) господствующее мнение верно, но конфликт с противоположным необходим, чтобы яснее понять и глубже ощутить истину. Обычно не бывает ни того, ни другого. Правда лежит посреди враждующих доктрин; и неконформистское мнение дополняет ту часть, которая есть у господствующего. Еретические взгляды обычно и есть эти подавляемые и пренебрегаемые истины. Разорвав свои цепи, они либо ищут примирения с правдой общего мнения, либо выступают как враги, чтобы с такими же крайностями утвердиться в качестве полной истины. Так бывает чаще всего, человеческий разум, как правило, односторонен. Отсюда – при революции мнений одна часть истины утверждается, другая гаснет. Даже прогресс, которому следовало бы их соединять, заменяет одну неполную истину другой – улучшение состоит в том, что новый клочок правды нужнее и более соответствует эпохе, чем заменяемый. Так, в XVIII веке почти у всех кружилась голова от восхищения так называемой цивилизацией и чудесами науки, литературы и философии. Каким целительным шоком оказался парадокс Руссо, взорвавшийся бомбой и разбивший плотную массу одностороннего мнения. Не то чтобы господствующее мнение было в целом дальше от истины, чем Руссо, наоборот, в нем было больше правды и гораздо меньше ошибок. Тем не менее в доктрине Руссо находилось много именно тех истин, которых не хватало господствующему мнению: мысли о высших ценностях простой жизни, о деморализующем лицемерии цивилизованного общества. В политике тоже стало почти тривиальностью, что для нормальной политической жизни нужны и партия реформ, и партия консерваторов (покуда одна из них не поумнеет настолько, чтобы стать партией и порядка, и прогресса). Каждое из этих мировоззрений обязано своей полезностью недостаткам другого, но именно взаимная борьба держит каждое в разумных пределах. Если мнения, одобряющие демократию и аристократию, собственников и уравнителей, кооперацию и конкуренцию, роскошь и воздержание, коллективизм и индивидуализм, свободу и дисциплину, не выражены с одинаковой свободой, не обоснованы с одинаковым талантом и энергией, то нет шансов, что обоим будет отдано должное. Истина в практической жизни – вопрос примирения и сочетания противоречий. Но очень мало людей, достаточно беспристрастных, чтобы добровольно приспособляться и корректировать свои взгляды; и истина постигается в результате грубой борьбы, под враждебными знаменами. В любом важном вопросе больше оснований не только быть терпимым, но и поощрять из двух мнений то, которое в данный момент в меньшинстве. Именно оно представляет сейчас интересы пренебрегаемые, ту сторону человеческого благосостояния, которая в большей опасности. Не утверждаю, что самая неограниченная свобода мнений положит конец бедам, причиняемым сектантством. Узко мыслящие люди наверняка утвердят и навяжут любую истину, которую принимают всерьез, и даже станут действовать согласно ей, словно нет других истин. Стремление всех доктрин стать сектантскими свободные дискуссии не излечивают, а часто усиливают; истину, которую следовало бы увидеть, сектанты не видят, а отвергают тем яростнее, чем тверже ее провозглашают оппоненты. Но, в отличие от страстного спорщика, на стороннего наблюдателя сопоставление мнений оказывает целительный эффект. Не яростная схватка двух частей истины, а спокойное подавление одной из них есть главное зло. Прежде чем расстаться с вопросом о свободе мнений, хорошо бы упомянуть тех, кто считает, что при свободе слова не следует переходить границы честного спора. Трудно установить эти границы; судя по опыту, если атакуют сильно и убедительно, всегда у оппонента возникает обида. И почти невозможно убедить спорщика, что он перешел границы корректности.

Непорядочнее всего – исказить противоположное мнение, сокрыть факты, прибегнуть к софизмам. Запрет «неумеренных выражений», то есть оскорблений, сарказма, перехода на личность и тому подобного, вызывает больше симпатии, когда направлен против обеих сторон, но обычно он касается только диссидентов, а защитников господствующего мнения не только не осуждают, но и одобряют за проявление праведного гнева.

Вообще мнение непопулярное разрешается высказать только умеренным тоном, тщательно избегая ненужных оскорблений, от которых потом не открестись, не теряя почвы, – а в то же время неистовые вопли защитников господствующей доктрины отпугивают людей от спора и не дают выслушать новые мысли. Значит, ради истины и справедливости, гораздо важнее унять ругань крикунов из партии большинства.

№7. Определите, какой теории – сенсуализму или рационализму соответствуют данные высказывания. Обоснуйте ваш выбор.

1. Я обнаруживаю в себе две разные идеи Солнца. Одна словно почерпнута из чувств и относится в основном к тому типу представлений, который, по моему мнению, является поступающим ко мне извне. В этом представлении Солнце является мне весьма малым по величине. Другая идея получена из положений астрономии. иными словами, извлечена из некоторых вложенных в меня самой природой понятий или, в известном смысле, создана мной самим. Согласно этому представлению Солнце оказывается во много раз больше Земли... и разум подсказывает мне, что как раз то представление отличается от настоящего Солнца в самой большой степени, которое самым непосредственным образом исходит из него. Рене Декарт

2. Под *адекватной идеей* я разумею такую идею, которая, будучи рассматриваема сама в себе без отношения к объекту, имеет все свойства или внутренние признаки истинной идеи... На самом деле, если какой-либо мастер должным образом создал представление некоторого произведения, то, если даже такое произведение никогда не существовало и никогда не будет существовать, тем не менее его мысль истинна, и мысль остается одна и та же, существует ли произведение или нет... Форма истинной мысли поэтому должна быть заключена в самой же этой мысли, безотносительно к другим; она не признает объекта за причину, а должно зависеть от самой мощи и природы разума. Бenedикт Спиноза

3. Суждение, размышление, желание, страсти и т. д. представляют собой не что иное, как само ощущение в его различных превращениях... Природа дает нам органы, чтобы предупредить нас при помощи удовольствия о том, к чему мы должны стремиться, а при помощи страдания – о том, чего мы должны избегать. Но она ограничивается этим, предоставляя опыту научить нас приобретать привычки и закончить начатую ею работу. Этьенн Бонно де Кондильяк

4. Чистая наука... предполагает освобождение от противоположности сознания и [его предмета]. Она содержит в себе *мысль, поскольку мысль есть также и вещь сама по себе, или содержит вещь самое по себе, поскольку вещь есть также и чистая мысль*. В качестве науки истина есть чистое саморазвивающееся самосознание и имеет образ самости, [что выражается в том], что *в себе и для себя сущее есть осознанное понятие, и понятие, как таковое, есть в себе и для себя сущее*. Это объективное мышление и есть содержание чистой науки. Гегель

5. Мне укажут на принятую среди философов аксиому, что нет ничего в душе, чего не было бы раньше в чувствах. Однако отсюда нужно исключить самое душу и ее свойства. *Нет ничего в разуме, чего не было раньше в чувствах, за исключением самого разума*. Но душа заключает в себе бытие, субстанцию, единое, тождественное, причину, восприятие, рассуждение и множество других понятий, которых не могут дать нам чувства. Готфрид Вильгельм Лейбниц

6. Мысль. - Все достоинство человека – в его способности мыслить. Следовательно, мысль по своей природе замечательна, и только неслыханные недостатки могли бы превратить ее в нелепость. так вот, их полным-полно, и притом самых смехотворных. как она возвышенна по своей природе! И как низменна из-за этих недостатков! А что сказать об этой мысли? До чего она глупа! Блез Паскаль.

7. Необходимые истины – вроде тех, которые встречаются в чистой математике, и в особенности, в арифметике и геометрии, должны покоиться на принципах, доказательство которых не зависит от примеров, а следовательно, и от свидетельства чувств, хотя, не будь чувств, нам никогда не пришлось бы в голову задумываться над ними... Точно так же логика вместе с метафизикой и моралью... полны подобных истин; следовательно, их доказательство можно получить лишь с помощью внутренних принципов, называемых врожденными... Животные – чистые эмпирики и руководствуются только примерами, так как ... никогда не доходят до образования необходимых предложений; люди же способны к наукам, покаявшимся на логических доказательствах. Готфрид Вильгельм Лейбниц

8. Все философы признают тот и сам по себе достаточно очевидный факт, что уму никогда не дано реально ничего, кроме его восприятий, или впечатлений и идей, и что внешние объекты становятся известны нам только с помощью вызываемых ими восприятий. Ненавидеть, любить, мыслить, чувствовать, видеть – все это не что иное, как воспринимать...

Какие причины заставляют нас верить в существование тел?...

Под отдельным существованием объектов я разумею как их положение, так и их отношения, как их *внеположность* (в отношении сознания), так и независимость их существования и действий... чем порождается мнение о непрерывном или отдельном существовании объекта: внешними чувствами, разумом или воображением...

Что наши внешние чувства не дают нам впечатлений в виде образов чего-то отдельного или независимого и внешнего. Это очевидно; ведь они дают нам лишь какое-либо единичное восприятие без малейшего намека на что-либо помимо этого. Единичное же восприятие может породить идею двоякого существования не иначе как при помощи какого-нибудь заключения разума или воображения. Когда наш ум переступает пределы того, что непосредственно воспринимается им, его заключения никогда не могут быть вменены чувствам; но когда ум заключает на основании единичного восприятия о двояком существовании и предполагает отношения сходства и причинности между этими двумя существованиями, он, несомненно, выходит за пределы этого единичного восприятия. Давид Юм

9. Душа есть как бы рука: как рука есть орудие орудий, так и ум – форма форм, ощущение же – форма ощущаемого. Так как помимо чувственно воспринимаемых величин нет, как полагают, на одного предмета, который бы существовал отдельно, то постигаемое умом имеется в чувственно воспринимаемых формах...

И поэтому существо, не имеющее ощущений, ничему не научится и ничего не поймет. Когда созерцают умом, необходимо, чтобы в то же время созерцали в представлениях: ведь представления – это как бы предметы ощущения, только без материи. Аристотель

10. Чувство никогда не обманывает, из чего следует, что всякое ощущение и всякое восприятие представления или явления истинно...

Чувство не рассуждает и совершенно не способно удерживать что-либо в памяти. Ведь оно порождается не само собой и, вызванное чем-либо другим, не способно ничего к себе добавлять или у себя отнимать, ни связывать что-либо или разделять с помощью высказывания, ни делать выводы; таким образом, оно не способно что-либо думать и, думая, заблуждаться. Подобные функции, следовательно, присущи ум, а не самому чувству, которому свойственно лишь воспринимать то, что ему непосредственно дано. Пьер Гассенди

№8. Что такое абстрактное мышление, согласно Гегелю? Кому оно свойственно?

Георг Гегель «Кто мыслит абстрактно?» Кто мыслит абстрактно? - Необразованный человек, а вовсе не просвещенный. В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто, слишком неблагородно (неблагородно не в смысле принадлежности к низшему сословию), и вовсе не из тщеславного желания задира́ть нос перед тем, чего сами не умеют делать, а в силу внутренней пустоты этого занятия. Почтение к абстрактному мышлению, имеющее силу предрассудка, укоренилось столь глубоко, что те, у кого тонкий нюх, заранее почуют здесь сатиру или иронию, а поскольку они читают утренние газеты и знают, что за сатиру назначена премия, то они решат, что мне лучше постараться заслужить эту премию в соревновании с другими, чем выкладывать здесь все без обиняков.

В обоснование своей мысли я приведу лишь несколько примеров, на которых каждый сможет убедиться, что дело обстоит именно так. Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца - и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как так? Убийца - красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли называть убийцу - красивым? Сами, небось, не лучше! Это свидетельствует о моральном разложении знати, добавит, быть может, священник, привыкший глядеть в глубину вещей и сердец. Знаток же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавших преступника, обнаружит в его жизни, в его воспитании влияние дурных отношений между его отцом и матерью, увидит, что некогда этот человек был наказан за какой-то незначительный проступок с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудившей к сопротивлению, которое и привело к тому, что преступление сделалось для него единственным способом самосохранения. Почти наверняка в толпе найдутся люди, которые - доведись им услышать такие рассуждения - скажут: да он хочет оправдать убийцу! Помню же я, как некий бургомистр жаловался в дни моей юности на писателей, подрывающих основы христианства и правопорядка; один из них даже осмелился оправдывать самоубийство - подумайте страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду «Страдания молодого Вертера».

Это и называется «мыслить абстрактно» - видеть в убийце только одно абстрактное - что он убийца и называнием такого качества уничтожать в нем все остальное, что составляет человеческое существо.

Иное дело - утонченно-сентиментальная светская публика Лейпцига. Эта, наоборот, усыпала цветами колесованного преступника и влетала венки в колесо. Однако это опять-таки абстракция, хотя и противоположная. Христиане имеют обыкновение выкладывать крест розами или, скорее, розы крестом, сочетать розы и крест. Крест - это некогда превращенная в святыню виселица или колесо. Он утратил свое одностороннее значение орудия позорной казни и соединяет в одном образе высшее страдание и глубочайшее самопожертвование с радостнейшим блаженством и божественной честью. А вот лейпцигский крест, увитый маками и фиалками, - это умиротворение в стиле Коцебу, новизна распутного примиренчества - чувствительного и дурного. Мне довелось однажды услышать, как совсем по-иному расправилась с абстракцией «убийцы» и оправдала его одна наивная старушка из богадельни. Отрубленная голова лежала на эшафоте, и в это время засияло солнце. Как это чудесно, сказала она, солнце милосердия господня осеняет голову Биндера! Ты не стоишь того, чтобы тебе солнце светило, - так говорят часто, желая выразить осуждение. А женщина та увидела, что голова убийцы освещена солнцем и, стало быть, того достойна. Она вознесла ее с плахи эшафота в лоно солнечного милосердия бога и осуществила умиротворение не с помощью фиалок и сентиментального тщеславия, а тем, что увидела убийцу приобщенным к небесной благодати солнечным лучом.

- Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами! - говорит покупательница торговке. - Что? - кричит та. - Мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца вши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне! Ишь целую простыню на платок извела! Знаем, небось, откуда все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, не щеголять тебе в нарядах! Порядочные-то за своим домом следят, а таким - самое место в каталажке! Дырки бы на чулках заштопала! - Короче говоря, она и крупницы доброго в обиднице не замечает. Она мыслит абстрактно и все - от шляпки до чулок, с головы до пят, вкуче с папашей и остальной родней - подводит исключительно под то преступление, что та нашла ее яйца тухлыми. Все окрашивается в ее голове в цвет этих яиц, тогда как те офицеры, которых она упоминала, - если они, конечно, и впрямь имеют сюда какое-нибудь отношение, что весьма сомнительно, - наверняка заметили в этой женщине совсем иные детали. Но оставим в покое женщин; возьмем, например, слугу - нигде ему не живется хуже, чем у человека низкого звания и малого достатка; и, наоборот, тем лучше, чем благороднее его господин. Простой человек и тут мыслит абстрактно, он важничает перед слугой и относится к нему только как к слуге; он крепко держится за этот единственный предикат. Лучше всего живется слуге у француза. Аристократ фамильярен со слугой, а француз - так уж добрый приятель ему. Слуга, когда они остаются вдвоем, болтает всякую всячину - смотри «Jacques et son maitre» Дидро, - а хозяин покуривает себе трубку да поглядывает на часы, ни в чем его не стесняя. Аристократ, кроме всего прочего, знает, что слуга не только слуга, что ему известны все городские новости и девицы и что голову его посещают недурные идеи, - обо всем этом он слугу расспрашивает, и слуга может свободно говорить о том, что интересует хозяина. У барина-француза слуга смеет даже рассуждать, иметь и отстаивать собственное мнение, а когда хозяину что-нибудь от него нужно, так приказания будет недостаточно, а сначала придется втолковать слуге свою мысль да еще и благодарить за то, что это мнение одержит у того верх. То же самое различие и среди военных; у пруссаков положено бить солдата, и солдат поэтому - каналья; действительно, тот, кто обязан пассивно сносить побои, и есть каналья. Посему

рядовой солдат и выглядит в глазах офицера как некая абстракция субъекта побоев, с коим вынужден возиться господин в мундире с портупеей, хотя и для него это занятие чертовски неприятно.

№9. Почему, согласно К. Марксу, восхождение от абстрактного к конкретному есть правильный научный метод? С чего начинается это восхождение? Какова роль противоречий в этом процессе, и как они разрешаются?

Карл Маркс «Экономические рукописи 1857 – 59 годов». Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население - это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д. Капитал, например, - ничто без наемного труда, без стоимости, денег, цены и т. д. Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений.

Первый путь - это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Например, экономисты XVII столетия всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, восходившие от простейшего — труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. д. - к государству, международному обмену и мировому рынку.

Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления.

Эвальд Васильевич Ильенков «Диалектическая логика». Логика «Капитала» предполагает в то же время, что соответствие сознания с действительностью достигается через сложный диалектически противоречивый процесс развития понятий, категорий и выражается через форму *восхождения от абстрактного к конкретному*. Способ (метод) восхождения от абстрактного к конкретному - это прежде всего сознательное выражение того закона, которому всегда и везде подчинялось и подчиняется развитие теоретического познания действительности как единого, связанного во всех своих проявлениях целого, как объективного «единства во многообразии», находящегося в процессе возникновения, становления и развития. Будучи открыт философией в качестве «естественного закона» развития теории, путь восхождения от абстрактного к конкретному был использован Марксом при разработке политической экономии как важнейший методологический принцип развития определений. Основные черты этого метода (или логики развития определений), примененного в «Капитале», обрисованы Энгельсом в следующих словах: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.»

Главное достоинство логики «Капитала» заключается в том, что процесс выведения категорий совершается в ходе анализа *последовательного ряда фактов*, в ходе движения мысли от факта к факту по пути систематического углубления понимания их универсальной взаимосвязи. Последовательность перехода от анализа одного к анализу другого фактически данного отношения при этом не произвольна (каковой она неизбежно становится при односторонне-индуктивном способе обобщения) и в то же время не формальна (каковой она становится при односторонне-дедуктивном выведении определений из априорно выставленных всеобщих аксиоматических определений).

Логику «Капитала» отличает непосредственное соединение (совпадение) *индукции и дедукции*, т. е. анализа фактов с анализом понятий. В общем и целом последовательность движения мысли от факта к факту (соответственно от определения к определению) обуславливается здесь историей *становления и развития* того конкретного целого, которое в данном случае выступает предметом исследования...

Если в «Капитале» анализ начинается с товарной формы, то это отражает в логическом плане особенность исследуемого «целого», тот факт, что только капиталистическая формация превращает товар во всеобщую экономическую определенность продукта. Сама по себе взятая, товарная форма продукта труда не связана непременно с капиталистической организацией общественного производства. В качестве частной экономической формы она свойственна и

другим общественно-экономическим формациям. Однако ни в какой другой системе отношений производства эта форма не становится всеобщим условием (и столь же всеобщим следствием) всех других форм производства, обмена и потребления — «клеточкой» целого. В данном же случае товар составляет то «простейшее непосредственное бытие», которое лежит в основании всех остальных элементов системы. Отсюда конкретные теоретические определения этой формы оказываются абстрактно-всеобщими определениями любой другой формы, развивающейся на ее основе, — самым «*простым*» и «*абстрактным*» определением исследуемого целого, всего развитого организма экономики капитализма...

Конкретно-всеобщее единство явлений в составе системы включает в себя не только различия, но и противоположность этих явлений друг другу. Это — диалектически противоречивое тождество, осуществляющееся через переход, через превращение противоположностей друг в друга. Конкретно-всеобщее, в противоположность абстрактно-всеобщему, содержит в себе взаимоисключающие и одновременно взаимопредполагающие определения, постоянно возникающие в движении и этим же движением постоянно разрешаемые.

Так, в условиях товарной формы производства два товара, столкнувшиеся в обмене, должны по необходимости играть противоположные роли: «...один товар — тот, стоимость *которого* выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в *котором* стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости». Каждый из них не в состоянии играть обе роли сразу, одновременно, ибо эти роли исключают друг друга. Тем не менее реальный обмен предполагает, что каждый из них и измеряет свою стоимость в другом, и служит материалом для ее измерения, то есть играет обе роли сразу. В этом диалектическом соединении противоположных экономических форм внешне выражается не что иное, как скрытая в каждом из них внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости. В отношении товара к товару проявляется диалектически противоречивое отношение товара *к самому себе*, т. е. внутреннее противоречие формы стоимости. Это противоречие простой формы стоимости и служит «логическим основанием» перехода от анализа товара к анализу денежной формы стоимости, что выражается теоретически в развитии понятия стоимости. «...Процесс обмена товаров заключает в себе противоречашие и исключашие друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения». Новая форма развития и движения противоречий — деньги. «Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия. Так, например, в том, что одно тело непрерывно падает на другое и непрерывно же удаляется от последнего, заключается противоречие. Эллипсис есть одна из форм движения, в которой это противоречие одновременно и осуществляется и разрешается».

Маркс подчеркивает тем самым универсальный (логический) характер описанного хода мысли, хода развития теоретических определений в согласии с развитием противоречий действительного движения. Противоречие здесь выступает уже не как свидетельство «неправильности», «ошибки» (как его толковала старая, недиалектическая логика), а как *важнейший логический принцип* и форма развития определений, как принцип логического перехода от факта к факту. Этот принцип только и обеспечивает объективность перехода от категории к категории, т. е. согласие развития определений с развитием действительности.

Так, анализ товарного обращения приводит к противоречию, которое не может быть устранено формальными средствами — за счет «уточнения понятий» — именно потому, что оно отражает действительное противоречие данной сферы капиталистического производства. Действительность «разрешает» это противоречие путем порождения новой формы экономических отношений, которая становится новой формой движения выявленного противоречия. Теоретическое мышление, воспроизводящее действительность, должно, по Марксу, двигаться согласно той же логике. Определения, полученные в анализе товарного обращения, сталкиваются в противоречии, как только через них выражается факт производства прибавочной стоимости. «Как ни вертись, а факт остается фактом: если обмениваются эквиваленты, то не возникает никакой прибавочной стоимости, и если обмениваются неэквиваленты, тоже не возникает никакой прибавочной стоимости», — формулирует Маркс итог анализа стоимости. Это значит: объективное исследование законов товарного обращения показало, что последнее не заключает в себе условий, при которых возможен очевидный, бесспорный и всеобщий факт — возрастание стоимости капитала. Тем самым мысль направляется на поиск того недостающего условия, при котором обращение товаров превращается в фазу производства прибавочной стоимости. Это искомое условие, этот реальный факт должен, с одной стороны, соответствовать всем тем условиям, которые выявлены ранее, т. е. должен подчиняться всем законам обращения товаров. С другой стороны, он превращает обращение товаров в его собственную противоположность, в фазу производства новой стоимости.

Маркс так формулирует задачу: прибавочная стоимость возможна без нарушения закона стоимости (как всеобщего закона всей системы) лишь при условии, если в действительности удастся найти новый факт, если «посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обременена бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимости». Иными словами, в решающем пункте «дедукции» Маркс обращается к эмпирии. На языке старой логики это значит, что дедуктивный ход мышления прерывается индуктивным, а индуктивное рассмотрение рождает недостающее для дедукции звено, заполняя пробел в логическом движении мысли.

Единственный товар, который одновременно и «подводится» под закон стоимости, и — без какого бы то ни было его «нарушения» — делает возможным и необходимым прямо противоречащий ему факт (прибавочную стоимость), — это рабочая сила. Потребление этого своеобразного товара есть одновременно производство товара вообще, т. е. стоимости. Снова обнаруживается совпадение противоположных определений как важнейшая логическая характеристика понятия. Здесь, как и везде при диалектическом развитии определений, теоретическое («логическое») противоречие, парадокс оказывается формой постановки вопроса, проблемы, подлежащей конкретному разрешению путем исследования эмпирического материала. Движение мысли по фактам становится целенаправленным, строго последо-

вательным, дедуктивным, а переход от одной категории к другой - не произвольным, а объективно обусловленным. Такая дедукция возможна только потому, что в качестве ее основания лежит не абстрактно-общее определение, а конкретно-общее понятие, заключающее в себе *единство противоположных определений*.

В свете этого положения очевидна еще одна особенность дедукции категорий в «Капитале». Каждая последующая конкретная категория предстает как форма разрешения тех противоречий, которые были выявлены анализом в составе предшествующих ей категорий, и выступает как процесс усложнения той цепи опосредствующих звеньев, тех «метаморфоз», через которые должны проходить два первоначально выявленных полюса стоимости в процессе их взаимного превращения. Становление системы отношений (и выражающих их категорий) и предстает как процесс нарастания «напряжения» между двумя полюсами исходной категории. Путь взаимного превращения противоположностей товарной формы (т. е. потребительной стоимости и меновой стоимости) становится все длиннее и сложнее, все запутаннее. Взаимно тяготеющие друг к другу полюсные формы выражения стоимости все время остаются, однако, крайними точками, между которыми возникают все новые и новые формы отношений.

№10. Прав ли П. Фейерабенд, считая, что необходимо отделить науку от государства? Каковы его аргументы?

Пол Фейерабенд «Против методологического принуждения».

Критическое исследование науки должно ответить на два вопроса:

1) *Что есть наука* - как она действует, каковы ее результаты? 2) В чем состоит ценность науки? Действительно ли она лучше, чем космология хопи, наука и философия Аристотеля, учение о дао? Или наука - один из многих мифов, возникший при определенных исторических условиях? На первый вопрос существует не один, а бесконечно много ответов. Однако почти каждый из них опирается на предположение о том, что существует особый научный метод, т. е. совокупность правил, управляющих деятельностью науки. Процедура, осуществляемая в соответствии с правилами, является научной; процедура, нарушающая эти правила, ненаучна. Эти правила не всегда формулируются явно, поэтому существует мнение, что в своем исследовании ученый руководствуется правилами скорее интуитивно, чем сознательно. Кроме того, утверждается неизменность этих правил. Однако тот факт, что эти правила существуют, что наука своими успехами обязана применению этих правил и что эти правила «рациональны» в некотором безусловном, хотя и расплывчатом смысле, - этот факт не подвергается ни малейшему сомнению. Второй вопрос в наши дни почти не ставится. Здесь ученые и теоретики науки выступают единым фронтом, как до них это делали представители единственно дарующей блаженство церкви: истинно только учение церкви, все остальное - языческая бессмыслица. В самом деле: определенные методы дискуссии или внушения, некогда служившие сиянию церковной мудрости, ныне нашли себе новое прибежище в науке. Хотя эти феномены заслуживают внимания и несколько удручают, они не дали бы повода для беспокойства, если бы обусловленный ими догматизм был присущ только толпам верующих. Однако это не так.

В идеале современное государство является идеологически нейтральным. Идеология, религия, магия, мифы оказывают влияние только через посредство политически влиятельных партий. Идеологические принципы иногда включаются в структуру государства, но только благодаря решению большинства населения, принятому после открытого обсуждения. В общеобразовательной школе детей знакомят с религией как с историческим феноменом, а не как с истиной, кроме тех случаев, когда родители настаивают на более прямом приобщении их детей к благодати. И финансовая поддержка различных идеологий не превосходит той финансовой поддержки, которая оказывается политическим партиям и частным группам. Государство и идеология, государство и церковь, государство и миф четко отделены друг от друга.

Однако государство и наука тесно связаны. На развитие научных идей расходуются громадные средства. Даже такая область, как теория науки, которая заимствует у науки ее имя, но не дает ей ни одной плодотворной идеи, финансируется далеко не соразмерно ее реальной ценности. В общеобразовательных школах изучение почти всех областей науки является обязательным. В то время как родители шестилетнего малыша могут решать, воспитывать ли из него протестанта, католика или атеиста, они не обладают такой свободой в отношении науки. Физика, астрономия, история должны изучаться. Их нельзя заменить астрологией, натуральной магией или легендами. В наших школах не довольствуются просто историческим изложением физических (астрономических, исторических и т. п.) фактов и принципов. Не говорят так: существовали люди, которые верили, что Земля вращается вокруг Солнца, а другие считали ее полой сферой, содержащей Солнце. А провозглашают: Земля вращается вокруг Солнца, а все остальное - глупость.

Наконец, принятие или отбрасывание научных фактов и принципов полностью отделено от демократического процесса информирования общественности, обсуждения и голосования. Мы принимаем научные законы и факты, изучаем их в школах, делаем их основой важных политических решений, даже не пытаемся поставить их на голосование. Изредка обсуждаются и ставятся на голосование конкретные предложения, но люди не вмешиваются в процесс создания общих теорий и основополагающих фактов. Современное общество является «коперниканским» вовсе не потому, что коперниканство было подвергнуто демократическому обсуждению, поставлено на голосование, а затем принято большинством голосов. Общество является «коперниканским» потому, что коперниканцами являются ученые, и потому, что их космологию сегодня принимают столь же некритично, как когда-то принимали космологию епископов и кардиналов. Это слияние государства и науки ведет к парадоксу, мучительному для демократии и либерального мышления...

Частное лицо может читать, писать, пропагандировать то, что ему нравится, и может публиковать книги, содержащие самые сумасшедшие идеи. В случае болезни оно имеет право лечиться в соответствии со своими пожеланиями либо с помощью экстрасенсов (если оно верит в искусство знахаря), либо с помощью «научно образованного» врача

(если ему ближе наука). Ему разрешается не только пропагандировать отдельные идеи такого рода, но основывать союзы и школы, распространяющие его идеи, создавать организации, стремящиеся положить их в основу исследования; оно может либо само оплачивать издержки таких предприятий, либо пользоваться финансовой поддержкой своих единомышленников. Однако финансирование общеобразовательных школ и университетов находится в руках налогоплательщиков. Благодаря этому за ними остается последнее слово при определении учебных планов этих институтов. Граждане Калифорнии, например, решили перестроить преподавание биологии в местном университете и заменить теорию Дарвина библейской концепцией книги Бытия и осуществили это: теперь происхождение человека объясняют фундаменталисты, а не представители научной биологии. Конечно, мнение специалистов учитывается, однако последнее слово принадлежит не им. Последнее слово принадлежит решению демократической комиссии, в которой простые люди обладают подавляющим большинством голосов.

Достаточно ли у простого человека знаний для принятия таких решений? Не наделает ли он нелепых ошибок? Не следует ли поэтому решение фундаментальных проблем предоставить консорциуму специалистов? В демократическом государстве - безусловно нет. Конечно, мнение специалистов учитывается, однако последнее слово принадлежит не им. Последнее слово принадлежит решению демократической комиссии, в которой простые люди обладают подавляющим большинством голосов.

Демократия представляет собой собрание зрелых людей, а не сборище глупцов, руководимое небольшой группой умников. Но зрелость не падает с неба, ее нужно добывать трудом. Она приобретается лишь тогда, когда человек принимает на себя ответственность за все события, происходящие в жизни страны, и за все принимаемые решения. Зрелость важнее специальных знаний, так как именно она решает вопрос о сфере применимости таких знаний. Конечно, ученый считает, что нет ничего лучше науки. Граждане демократического государства могут не разделять этой благочестивой веры. Поэтому они должны принимать участие в принятии важнейших решений даже в тех случаях, когда это участие может иметь отрицательные последствия. Однако последнее маловероятно. Во-первых, при обсуждении важных вопросов специалисты часто приходят к различным мнениям. Кто не встречал ситуации, когда один врач рекомендует делать операцию, другой отвергает ее, а третий предлагает совершенно иной способ лечения, нежели первые два? Или ситуации, в которой одна группа специалистов гарантирует безопасность работы ядерного реактора, а другая оспаривает это? В таких случаях решение находится в руках заинтересованных граждан, в первом случае - родственников больного, во втором случае - жителей близлежащих сел и городов, т. е. решение находится в руках обыкновенных людей. Но и единодушное мнение специалистов не менее проблематично, ибо противоположное мнение может появиться буквально на следующий день. Задача рядовых граждан - искать такие мнения и в случае их столкновения судить о положении дел. Во-вторых, мнение специалистов требует определенных поправок, ибо они склонны отождествлять потребности науки с потребностями повседневной жизни и совершают ошибку, которая обнаруживается, когда мы следуем их советам: ученые придерживаются особой идеологии, и их результаты обусловлены принципами этой идеологии. Идеология ученых редко подвергается исследованию. Ее либо не замечают, либо считают безусловно истинной, либо включают в конкретные исследования таким образом, что любой критический анализ необходимо приводит к ее подтверждению. Такая благонамеренная ограниченность не мешает общению с коллегами, совсем напротив, она только и делает это общение возможным...

Мы видим, что существуют как общие политические, так и особые практические аргументы против расширения сферы авторитета науки. С общей точки зрения авторитет демократического решения следует всегда ставить выше авторитета даже самых лучших специалистов и наиболее выдающихся форумов ученых. Однако аргументы в пользу ограничения науки и рационализма тем самым еще далеко не исчерпаны. Специальные вопросы, говорят нам наши ученые, должны обсуждаться специалистами и с помощью методов, принятых в той или иной области науки. Рассуждая таким образом, они вовсе не подразумевают, что астрологические проблемы нужно предоставить решать астрологам, проблемы иглоукалывания - знатокам системы Ни Чина (Nei Ching), проблемы духовного воздействия на ближних - специалистам в области колдовства и что с этими экспертами, если они действительно являются таковыми, нужно консультироваться в вопросах воспитания и организации общественной жизни. О нет! Обсуждение всех этих проблем нужно передать соответствующим ученым. Такой способ действий был бы не совсем демократичным, но не очень вредным, если бы ученый знал, о чем идет речь в узурпированных им дисциплинах. Но этого как раз и не бывает. Если в своей собственной области ученый долгое время колеблется и сомневается, прежде чем решится опубликовать некоторое открытие или выступить с критикой важного принципа, то для того, чтобы разделаться с мифом или ненаучной космологией, хватает самых смехотворных аргументов и минимума знаний.

Такие аргументы бывают либо общими, либо специальными. Общие аргументы сводятся к указанию на то, что критикуемые идеи были получены ненаучным путем и поэтому неприемлемы. При этом предполагается, что имеется некий «метод науки» и только этот метод приводит к приемлемым результатам. Если спросить ученого, в чем состоит этот мнимый метод, мы получим самые различные ответы, которые показывают, что ученые весьма редко знают, что именно они делают в процессе своих собственных исследований. Почему же мы должны им верить, когда они берутся судить о том, чем занимаются другие? Вторая же часть предположения, утверждающая, что только наука получает приемлемые результаты, очевидно ложна. Каждая идеология, каждая форма жизни получает некоторые результаты. Однако, возражают нам, эти результаты неприемлемы. Но всегда ли наука получает приемлемые результаты? И не удастся ли, напротив, мастерам колдовства или восточной медицины вызвать смерть врага или исцелить больного, страдающего функциональными нарушениями?

№11. Какие черты свойственны интеллекту, согласно Анри Бергсону? Чем они объясняются? Насколько обоснован главный вывод Бергсона, данный в конце текста?

Анри Бергсон «Творческая эволюция». Будем исходить от действия и примем за принцип, что интеллект прежде всего стремится к производству. Производство имеет дело исключительно с неодушевленным веществом, так что даже если оно употребляет органический материал, то поступает с ним, как с мертвыми вещами, не обращая внимания на свойственную им жизнь. Далее, из неодушевленных вещей производство имеет дело только с твердыми телами; остальные просто в силу своей текучести уходят от его воздействия. Так что из самого отношения интеллекта к производству нетрудно предвидеть, что текучие элементы действительности *отчасти ускользают от него, а то, что в живых существах есть живого, ускользнет от него совершенно*. Наш интеллект, в том виде, как он выходит из рук природы, имеет своим главным объектом неорганические твердые тела...

Интеллект ясно представляет себе только отдельное...

С другой стороны, предметы, на которые мы действуем, очевидно, обладают подвижностью. Но для нас важно знать, куда направляется движущееся тело и где оно находится в такой-то момент своего движения. Другими словами, мы заботимся прежде всего о его нынешних и будущих положениях, а не о самом *движении вперед*, посредством которого оно переходит из одного положения в другое. Естественное состояние интеллекта ставит себе практически полезную цель. Когда он заменяет движение сочетанием неподвижных частей, он вовсе не хочет восстановить движение, как оно есть; он просто заменяет его практическим эквивалентом... В силу своей естественной склонности наш ум держится за прочное и неподвижное. *Наш интеллект ясно представляет себе только неподвижность...*

Интеллект характеризуется неограниченной способностью разлагать вещи по любому закону и соединять их в любые системы... Суть в том, что эта непрерывность [жизни] в действительности немыслима интеллектам, следующим своему природному влечению. Эта непрерывность включает одновременно и многочисленность элементов, и взаимное проникновение всего всем, а эти свойства вряд ли примиримы на той почве, где действует наше творчество, а, следовательно, также и наш ум.

Подобно тому, как мы разделяем вещи в пространстве, мы фиксируем их во времени. Интеллект не создан для того, чтобы мыслить *развитие* в собственном смысле этого слова, т. е. непрерывность применения, представляющего чистую подвижность... интеллект представляет себе будущее, как ряд *состояний*, из которых каждое однородно с самим собой и, следовательно, не изменяется. Если наше внимание привлекается к внутреннему изменению одного из этих состояний, то мы быстро разлагаем его на новый ряд состояний, в совокупности образующих его внутреннее изменение. Эти новые состояния или неизменны, или же их внутреннее изменение, при нашем внимании к нему, сейчас же разлагается на новую серию неизменных состояний, и т. д. до бесконечности. И здесь мышление состоит в реконструкции, и понятно, что мы пользуемся при этом данными и, следовательно, устойчивыми элементами. Так что мы можем сколько угодно подражать подвижности будущего посредством бесконечного прогресса наших сочетаний, но само будущее ускользает от нас в тот момент, когда мы думаем, что обладаем им.

Именно потому, что интеллект всегда старается реконструировать действительность, и притом пользуясь данными элементами, он не схватывает того, что есть *нового* в каждый момент какой-либо истории. Он не допускает непредвиденного. Он отвергает творчество. Наш ум удовлетворяется тем, что определенные предшествующие приводят к определенным последующим, которые можно вычислить, как их функцию.

Мы еще понимаем, что определенная цель вызывает определенные средства для ее достижения. В обоих случаях мы имеем дело с известным, которое сочетается с известным, словом, с повторяющимся прошлым. Здесь наш ум чувствует себя свободно. И каков бы ни был объект, он будет абстрагировать, разделять, выделять, чтобы заменить, если нужно, самый объект приблизительным его эквивалентом, при котором все будет происходить именно так, как нужно. Но признавать, что каждое мгновение непрерывно вносится нечто новое, что рождаются формы, которые, раз они произошли, можно, конечно, считать определенным действием их причин, но которые невозможно было бы предвидеть, ибо здесь единственные в своем роде причины, составляют часть самого действия, соединяются вместе с ним и определяются им столько же, как и определяют его, — это мы можем чувствовать в себе и угадывать, перенося свои чувства вовне, но не можем ни выразить в терминах чистого разума, ни даже мыслить, в узком смысле слова... Что же касается изобретения в собственном смысле слова, составляющем отправной пункт самого творчества, то нашему интеллекту не удастся охватить его *поток*, т. е. то, что в нем есть нераздельного, ни его *гениальность*, т. е. то, что в нем есть творческого. Объяснение всегда сводится к разложению, хотя бы непредвиденного и нового, на известные прежние элементы, соединенные в различном порядке. Наш интеллект столь же мало допускает полную новизну, как и будущее, *совершенно не похожее на настоящее*. Это значит, что и здесь наш интеллект упускает из виду существенную сторону жизни, как будто он не создан для того, чтобы мыслить такой объект.

При всем своем умении обращаться с неодушевленным веществом, интеллект обнаруживает бессилие, когда он прикасается к живому существу. Если дело идет о жизни тела или духа, наш ум действует с грубостью и неуклюжестью инструмента, который вовсе не предназначался для такой цели. История гигиены или педагогики могла бы много рассказать на эту тему. Когда мы подумаем об основном, постоянном и живом интересе в сохранении наших тел и в воспитании наших душ, о той особой легкости, с которой каждый может непрерывно производить опыты над собой и другими, о том ощутительном вреде, в котором проявляется и которым оплачивается всякое несовершенство медицинской и педагогической практики, — мы, вероятно, будем смущены грубостью и в особенности упорством ошибок в этой области. Происхождение их легко открыть в нашем настойчивом стремлении толковать живое, как неживое, и думать о всякой вещи, какой бы текучей она ни была, в форме окончательно установившихся твердых тел. Мы чувствуем себя свободно только среди отдельных, неподвижных, мертвых вещей.

Интеллект характеризуется природным непониманием жизни.

№12. Определите, к каким теориям о связи веры и знания (фидеизм, рационализм, теория гармонии веры и знания) относятся данные высказывания. Обоснуйте ваш ответ.

1. Августин Блаженный. Итак, что я разумею, тому и верю; но не все, чему я верю, то и разумею. Все, что я разумею, то я знаю; но не все то знаю, чему верю. Я знаю, как полезно верить многому и такому, чего не знаю

2. Тертуллиан. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины – после Евангелия. Раз мы верим (во что-то), то не желаем верить ничему сверх этого: ибо в это мы верим прежде всего. И нет ничего более, во что мы должны были поверить... «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный воскрес – это несомненно, ибо невозможно».

3. Иоанн Скот Эриугена. Истинный авторитет не противоречит правильному разуму, так же как правильный разум – истинному авторитету. Ведь не может быть сомнения, что оба проистекают из одного и того же источника, а именно из божественной мудрости... Авторитет рождается из истинного разума, но разум никогда не рождается из авторитета. Ведь всякий авторитет, не подтверждаемый истинным разумом, представляется слабым. Но истинный разум, нерушимый и незыблемый благодаря своим собственным силам, не нуждается ни в какой поддержке со стороны авторитета...

Стало быть, для решения подлежащих нам задач следует обращаться прежде всего к разуму и лишь затем к авторитету.

4. Фома Аквинский. Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотносится с Богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом... Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через божественное откровение... Итак было необходимо, чтобы философские дисциплины, которые получают свое знание от разума, были дополнены наукой, священной и основанной на откровении... Хотя человек не обязан испытывать разумом то, что превышает возможности человеческого познания, однако же то, что преподано Богом в откровении, следует принять на веру... Ведь есть люди, до такой степени уверенные в своих собственных способностях, что они полагают, будто могут измерять все природу вещей своим разумом и определять истинное и ложное в зависимости от того, как это им захочется. Итак, дабы ум человеческий, освобождаясь от самоуверенности, перешел к скромному исследованию истины, необходимо было, чтобы человеку было высше предложено нечто всецело выходящее за пределы человеческого разума.

5. Поль Анри Гольбах. Лишь вернув людей к природе, можно доставить им очевидные и надежные знания, при помощи которых они станут на верный путь к счастью, узнав свое настоящее место на земле. Ослепленная теологией человеческая мысль до сих пор не сделала ни одного шага вперед. Религиозные системы заставили ее сомневаться даже в наиболее достоверных истинах во всех отраслях знания. Суеверие оказало на все свое пагубное влияние... Изучение природы, исследование истины возвышает душу, обогащает ум, делают человека энергичным и мужественным; теологические же учения способны только умалить человека, ограничить его умственный кругозор, лишить его мужества.

7. Иван Ильин. В наши дни есть еще один предрассудок в отношении к вере, согласно которому «знание» есть нечто достоверное, доказательное, истинное, а «вера» есть в конечном счете не более чем «суеверие» (т. е. вера всуе, напрасная и неосновательная). Доказанное и обоснованное не приемлется на веру: оно познается и знает, оно мыслится. Верить же можно лишь в то, что не обосновывается и что поэтому не *основательно*; в то, что не доказывается и потому не имеет за себя *ничего достоверного*. Поэтому здесь только и можно «верить» или «веровать»...

С одной стороны, это воззрение безмерно переоценивает мысль и знание; и придает так называемым «доказательствам» преувеличенное значение; ибо на самом деле многое, что люди причисляют к «мыслимому» и «знаемому», - остается необоснованным и недоказанным. С другой стороны, вера и суеверие совсем не одно и то же: в области веры имеется *своя особая достоверность* и свои полноценные основания; не замечать их или отвергаться от них можно только по недостатку духовного опыта.

Так, прежде всего было бы совсем наивно думать, что человеческое «мышление» и «знание» не делает ошибок или что оно способно доказать каждое свое утверждение. Вся картина мироздания, в том виде, как его очерчивает наука, покоится на очень спорных и часто неясных гипотезах, которые иногда отчасти «подтверждаются» новыми наблюдениями, а иногда опровергаются и тогда отвергаются... Но они совсем не суть «доказанной истины», даже и те из них, которые *доселе* подтверждались при наблюдениях. Чем дальше человек стоит от научной лаборатории, тем более иногда бывает склонен преувеличивать достоверность научных предположений и объяснений. *Полуобразованные люди* слишком часто *верят* в «науку» так, как если бы ей было все доступно и ясно; чем проще, чем элементарнее, чем площе какое-нибудь утверждение, тем оно кажется им «убедительнее» и «окончательнее»; и только настоящие ученые знают границы своего знания и понимают, что *истина* есть их *трудное задание* и *далекая цель*, а совсем не легкая, ежедневная добыча...

И как же не противопоставить им тех многих умных и научно образованных людей, которые верно постигли сущность науки и границы человеческой мысли и тем освободили в своей душе место для *искренней и чистой веры в Бога!*... А вот суждение Бэкона Веруламского (1561 – 1626): «Только поверхностное знание природы может увести нас от Бога; напротив, более глубокое и основательное ведет нас назад, к Нему»... Зоолог Агассиц (1807 – 1873) устанавливает: «Из изучения природы каждый должен вынести убеждение, что все упорядочено неким возвышенным Духом»... Весьма интересное признание мы находим у Чарльза Дарвина (1809 – 1882): «В состояниях самого крайнего колебания я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы я отрицал существование Бога». Известный ученый фон Майер (1814 – 1878), открывший закон сохранения энергии, пишет: «Если поверхностные головы, охотно выдающие себя за героев дня, не хотят признавать вообще ничего иного и высшего, кроме материального, чувственно воспринимаемого мира, то такую смешную претензию отдельных лиц нельзя ставить в упрек науке; еще менее пользы и чести будет самой науке от этой претензии».

ФИЛОСОФСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

№1. Попробуйте определить, какие аргументы свидетельствуют в пользу существования Бога, а какие склоняют к выводу о его несуществовании? Выделите наиболее сильные и наиболее слабые аргументы.

Георгий Хлебников. 1. Первое доказательство, которое можно назвать «экзистенциальным» (то есть «доказательством от существования»), формулируется так: Почему все, что есть, скорее есть, чем нет? Ведь как создавать что-либо, так и поддерживать существование чего бы то ни было куда сложнее, чем вообще ничего не иметь. Попробуйте, например, самостоятельно спроектировать коттедж, выбрать для него подходящее место, построить и постоянно поддерживать в нем порядок... Другими словами, существование любой вещи или структуры требует непрерывных затрат энергии; когда ее внутренний запас истощается или прекращается ее приток извне, структура разрушается. Поэтому вечное бытие Вселенной противоречит, например, второму началу термодинамики, согласно которому все звезды во Вселенной должны были бы давно погаснуть и даже атомы – распасться, если бы, как утверждают материалисты-атеисты, природа существовала вечно. Так почему же она все-таки существует как БЫТИЕ, как прекрасный и чудесный Космос? Несомненно, только потому, что ...

2. [Говорят] еще, что есть Бог-творец (Ишвара)... И здесь мы спросим, что он создает: уже существующее или скорее то, что еще не существует? Может, он делает несуществующее существующим? Но этого не происходит вследствие взаимной противоположности. Что является существующим, то таковым и остается. Что же является несуществующим, то таковым и остается. Таким образом, у этих двух должна быть взаимная противоположность. Подобно тому как между светом и тьмой, жизнью и смертью. Само собой разумеется, где светло, там нет темноты, а где темно, значит, там нет света. Точно так же, кто жив, тот, несомненно, живет, а кто мертв, тот, несомненно, умер. Именно поэтому из-за отсутствия тождества между существованием и несуществованием...

3. «Антропный принцип Вселенной» ... был, – наверное, невольно – выдвинут современной наукой, которая внезапно выяснила, что жизнь на Земле, появление человека и развитие цивилизации возможны только при наличии и сочетании чрезвычайно жестких и парадоксально маловероятных условий, которые как бы изначально заложены в самой природе: фиксированного расстояния от Солнца(немного ближе к нему – и живые организмы сгорели бы, немного дальше – замерзли, превратившись в бесчувственные глыбы льда); наличие вращения Земли, без которого на одной половине планеты царила бы невыносимая жара, в то время как другая была бы скована вечным льдом; существование у нее определенных размеров спутника, обеспечивающего сложную систему циркуляции водных потоков; полезные ископаемые и ресурсы: уголь, металлы, нефть, воды и т.п., без которых не могла бы возникнуть и развиваться техногенная цивилизация, и т.д. Более того, у современных ученых складывается впечатление, что вся Вселенная расположена и ориентирована таким образом, чтобы на нее можно было смотреть человеческими глазами! Существующая координация, взаимосвязанность и взаимозависимость этих факторов такова, что возможность ее «случайного» появления полностью исключается.

4. [Космологи и физики] обратили внимание на парадоксальность существования Вселенной в том виде, в каком она существует: выяснилось, что только по четырем основным базовым физическим константам, без которых она не могла бы длительно существовать в качестве структурно организованного целого, вероятность их "случайного" возникновения и координации между собой равна примерно 10 в минус 100-й степени. А ведь базовых констант не четыре, а еще больше...

5. Если верить учению теологии, приходится допустить, что чистый дух является двигателем материального мира; что необъятное существо может заполнить пространство, не исключая из него, однако, природы; что неизменное существо является причиной происходящих в мире непрерывных изменений; что всемогущее существо не может воспрепятствовать существованию неугодного ему зла; что источник порядка вынужден допустить наличие беспорядка. Одним словом, чудесные качества теологического бога на каждом шагу опровергаются данными опыта.

6. Аристотель впервые заметил наличие в организме некоторых животных и в природе явно выраженных целесообразностей. Однако только современные открытия в биологии бесспорно доказали системный характер этих теологических механизмов и их необходимость для существования и выживания практически всех видов живых существ. Разновидностью деятельности этих механизмов является, например, «предустановленная гармония» развития различных живых организмов, которым еще в эмбриональном состоянии как бы заранее известно, с чем им придется столкнуться после рождения. И, - чего уже совершенно не в состоянии объяснить дарвиновская эволюционная теория, - исследования ископаемых организмов показали, что многие из них обладают органами, на тысячелетия предвосхищающими внешние условия среды, органами, которые в актуальных условиях существования этих животных абсолютно бесполезны, но действительно понадобятся данному виду через сотни поколений, когда условия существования радикально переменятся! Возникает закономерный вопрос, на который у современной эволюционной теории нет ответа: откуда у лишнего разума тела может быть такое удивительное пред-знание грядущих перемен и как оно может само вызывать в себе требуемые благоприятные мутации?!

7. Так как люди, резко отличаясь друг от друга по своему темпераменту, находятся к тому же в очень различной обстановке, то, естественно, что их представления о фиктивном существе — боге должны отличаться друг от друга. Сходясь между собой в некоторых общих пунктах, разные люди, однако, создавали себе разных богов, которых они боялись и которым поклонялись по-разному. Поэтому бог какого-нибудь человека или народа почти никогда не был богом другого человека или другого народа.

8. [Кант]: существует мир вне пространства и времени – духовный мир, мир интеллекта, мысли и свободы воли, - что доказывается наличием в каждом человеке мыслей, которые могут относиться к прошлому и будущему, то есть

«путешествовать» в прошлое и будущее, а также мгновенно переноситься в любую точку пространства. Каждый из нас, обратив сознание к источнику возникновения своих мыслей, может без труда заметить, что они появляются как бы откуда-то извне, мысль оказывается как бы проецируемым откуда-то духовным лучом, который освещает материальное бытие как солнечный зайчик... Таким образом, человеческая мысль, якобы рождающаяся в мозгу, оказывается одновременно внутри и вне материи — она будто бы возникает благодаря нейрофизиологическим процессам в тканях мозга, окружена костями черепа, но, одновременно, принципиально существует вне любой материи, вне пространства и времени. Благодаря этому человек ясно сознает, что обладает духовной природой, которая принципиально иная, чем физический мир, который его окружает. Но из этого следует, что ...

9. Действительно, духовность есть чистое отрицание телесности. Говорить, что бог духовен, не значит ли это просто сознаваться в его незнании? Нам говорят, что есть субстанции, которых мы не можем ни видеть, ни осязать и которые тем не менее существуют. Отлично, но в таком случае мы не можем ни рассуждать о них, ни приписывать им каких-нибудь качеств. Далее, понимаем ли мы лучше бесконечность, являющуюся чистым отрицанием пределов, наблюдаемых у всех существ? Разве человеческий ум способен понять, что такое бесконечность?... Что такое всемогущество, вечность, всеведение, совершенство, как не абстракции или чистые отрицания предела силы, длительности, знания? Если верно, как нас уверяют, будто бог отличен от всего, что способен знать, видеть и чувствовать человек; если о нем нельзя сказать ничего положительного, то можно по меньшей мере сомневаться в его существовании; если верно все то, что утверждают о боге наши теологи, то невозможно не отрицать бытия или возможности бытия существа, наделяемого качествами, которых человеческая мысль никогда не сумеет ни постигнуть, ни примирить между собой.

10. Но находились люди, похвалявшиеся тем, что они видели божество. Первый человек, осмелившийся сказать это своим согражданам, был, очевидно, обманщиком, желавшим извлечь выгоду из их простодушия и легковерия, или же восторженным мечтателем, выдававшим за истину бред своего воображения. Наши предки передали нам представления о божестве, полученные ими, таким образом, от тех, кто обманул их и чей обман, изменяясь из века в век, приобрел наконец всю силу освященного общественным мнением догмата. Таким образом, слово *бог* — одно из первых, которому нас обучали; нам говорили о нем без конца; нас заставляли лепетать его с благоговением и трепетом; нам вменили в обязанность преклонять колени перед призраком, к которому относилось это слово и который нам запрещено было исследовать, и обращаться к нему с молитвами.

11. Большинство людей встречалось в своей жизни со «странными» проявлениями божественного и сверхчеловеческого: как благотворного, Божественного, так и зловредного, демонического, или, наверное, чаще всего, того и другого вместе.

12. Мы познаем общие свойства материи и открываем некоторые из ее частных качеств; зачем же искать какую-то непонятную причину этой материи, причину, ни одного из свойств которой мы не можем познать? Для чего прибегать к какому-то загадочному и непостижимому акту, названному *творением*? В состоянии ли мы представить себе, чтобы нематериальное существо могло извлечь из самого себя материю? Если творение есть *извлечение из небытия*, то не следует ли отсюда, что бог, извлекий материю из самого себя, извлек ее из небытия и, значит, сам есть небытие? Понимают ли люди, без конца твердящие нам об этом акте божественного всемогущества, внезапно извлекая бесконечную массу материи из небытия, что они говорят? Способен ли кто-нибудь постигнуть, каким образом лишенное протяжения существо могло существовать, становиться причиной существования протяженных существ, воздействовать на материю, извлекать ее из собственной сущности, приводить ее в движение?

13. Доказательство от противного: трагическая судьба проектов (и, часто, собственной жизни и судьбы) выдающихся атеистов. Самым ярким примером здесь может быть пример «дела Ленина-Сталина» и их последователей, впервые в истории попытавшихся построить атеистическое государство на «научной основе» как на территории России, так и других стран Европы и Азии. Трагичной оказалась, например, и судьба самого лучшего философа-материалиста СССР — Эвальда Васильевича Ильенкова... Всю жизнь обосновывая атеистический тезис о «саморазвитии материи», которая для своего существования не нуждается ни в каком духовном основании, Эвальд Васильевич нигде не мог найти в советской атеистической действительности нравственной опоры, впал и глубокую депрессию и покончил с собой...

14. Широко известно и «этическое доказательство», которое исходит из объективного существования морали и этических законов, регулирующих поведение человеческих существ. Исследования многих философов указывают на то, что события и воздействия окружающей среды только до определенной степени могут предопределять поведение людей и принуждать их к тем или иным поступкам: как бы ни было сильно давление извне, у человека всегда есть возможность разорвать причинно-следственную связь, которой подчиняется неразумная природа и поступить как свободное существо, то есть как существо иного, нездешнего мира! Для иллюстрации этого можно привести простой пример: почему одни люди подают милостыню, а другие нет? Казалось бы, последние поступают вполне логично и разумно — зачем же расставаться со своими средствами, деньгами, заведомо зная, что вы не получите никакой компенсации?!... В физическом мире, в природе нет ничего, что могло бы объяснить подобное «нелогичное» поведение — это объяснение лежит вне этого, в сверхчувственном мире, где находятся великие нравственные идеи любви, добра и милосердия... человек в своих поступках и действиях руководствуется ценностями, которые не принадлежат материальному миру.

15. «Эстетический аргумент»... гласит: в природе существует удивительная сверхъестественная красота звездного неба, закатов и рассветов, Северного сияния, гармоничных картин природы, совершенного устройства прекрасных тел живых существ и т.д., которая будто специально предназначена для эстетического наслаждения разумного существа — человека — потому что помимо него в самой природе созерцать ее просто некому...

16. Среди качеств, приписываемых богу теологией, имеется и исключительная привилегия действовать вопреки всем законам природы и разума, между тем как именно на его разуме, справедливости, мудрости, верности принятым обязательствам желают основать наше почитание его и нравственный долг. Что за океан противоречий! Существо, которое может все и ничем не обязано никому; которое в своих извечных повелениях может избрать людей или отвергнуть их, предназначить им счастье или несчастье; которое вправе сделать из них игрушки своей прихоти и нанести им без всякой причины страдания; которое может даже уничтожить и разрушить вселенную, - что такое подобное существо, как не тиран или демон?

№2. Что чувствует человек, пребывающий в Духе Святом? Какие выводы можно сделать из существования такого состояния человека?

Беседа Преподобного Серафима с Мотовиловым о цели жизни нашей христианской.

- Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал: - Я уже, ваше боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

- Надобно, - сказал я, - чтобы я понял это хорошенько. Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне: - Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал: - Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

О. Серафим сказал: - Не уstraшайтеcя, ваше боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, преклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо сказал мне:

- Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты достаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей». И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынноикам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто, не убийтесь! Господь с нами.

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда!

-Что же чувствуете вы теперь? - спросил меня отец Серафим.

- Необыкновенно хорошо, - сказал я.

- Да, как же хорошо? Что именно? Я отвечал:

- Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

- Это, ваше боголюбие, - сказал батюшка о. Серафим, - тот мир, про который Господь сказал ученикам своим:

«Миръ Мой даю вамъ, не якоже мїръ даетъ, Азъ даю вамъ. Аще бо отъ мїра были бысте, мїръ убо любить бы свое, но якоже избрахъ вы отъ мїра, сего ради ненавидишь васъ мїръ. Обаче держайте, яко Азъ побѣдихъ мїръ». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «миръ», по слову апостольскому, «всякъ умъ преимушій». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим...

- Что же еще чувствуете вы, - спросил меня о. Серафим?

- Необыкновенную сладость, - отвечал я. И он продолжал:

- Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: *«отъ тука дому твоего утуются и потокомъ сладости Твоея напоиши я».* Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же вы еще чувствуете?

- Необыкновенную радость во всем моем сердце. И батюшка о. Серафим продолжал:

- Когда Дух Божий нисходит к человеку и осеняет его полнотою своего нaitия, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостію, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это-та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем...

Предзатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостію утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова... Что же еще вы чувствуете, ваше боголюбие?

Я отвечал:

- Теплоту необыкновенную.

-Как, батюшка, теплоту? Да, ведь, мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота? Я отвечал:

- А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и из нее столбом пар валит...

- И запах, - спросил он меня, - такой же, как из бани?

- Нет, - отвечал я, - на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда, еще при жизни матушки моей, я любил танцевать, и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания.

№3. Каковы причины возникновения религии, согласно П. А. Гольбаху и С. Н. Булгакову? Чья точка зрения лучше согласуется с фактами, приведенными А. Менем?

Поль Анри Гольбах «Система природы». Невежество, тревоги, бедствия всегда были источником первых представлений людей о божестве. Отсюда ясно, что представления эти должны были быть ненадежными или ложными и во всяком случае горестными. Действительно, куда бы мы ни устремили свой взор: на скованный холодом север, знойные области юга или более умеренные пояса, — мы повсюду увидим трепещущие народы, которые под влиянием своих страхов и несчастий создали себе национальных богов или стали почитать чужих, заимствованных из других мест. Представление об этих могущественных силах всегда соединялось с представлением о страхе; их имя всегда напоминало человеку его собственные бедствия или бедствия его предков: мы трепещем теперь потому, что наши предки трепетали тысячи лет тому назад...

Религия всегда была системой поведения, созданной невежественным воображением, чтобы снискать благоволение неизвестных сил, которым, как полагали, подчинена природа; в основе религии всегда имеется какое-нибудь гневное и неумолимое божество. На этом детском, нелепом понятии жреческое сословие основало свои права, свои храмы, алтари, богатства, свой авторитет, свои догматы - одним словом, на этих грубых основах держатся все религии мира; выдуманные некогда дикарями, они и в настоящее время руководят судьбой самых цивилизованных народов...

Так изменились воображаемые представления о божестве, выдуманные теми или иными людьми или полученные ими со стороны. Первая богословская система вначале заставила человека бояться и почитать стихии, материальные и грубые предметы; затем он стал поклоняться существам, управляющим стихиями, - могущественным гениям, гениям низшего порядка, героям или людям, одаренным великими доблестями. В ходе дальнейших размышлений он решил упростить эту систему, подчинив всю природу одному-единственному агенту — верховному разуму, духу, мировой душе, приводящей в движение эту природу и ее части...

Если мы захотим понять сущность наших представлений о божестве, то должны будем признать, что словом *бог* люди всегда обозначают наиболее скрытую, далекую и неизвестную причину наблюдаемых нами явлений; они употребляют это слово лишь в тех случаях, когда перестают разбираться в механизме естественных и известных им причин...

Сергей Николаевич Булгаков «Свет Невечерний». Направление, в котором следует искать такое определение [религии], дано уже в самом слове, выражающем основное существо религии и содержащем, поэтому суммарную мысль о ней: *religio* - *religare* - связь, связывать, соединять. В религии устанавливается и переживается *связь*, связь человека с тем, что выше человека. В основе религиозного отношения лежит, поэтому основной и неустранимый *дуализм*: в религии, какова бы она ни была в своей конкретной форме, есть всегда два начала, два полюса. Религия (как это справедливо заметил Фейербах) всегда есть раздвоение человека с самим собой, отношение его к себе как к другому, второму, не-одному, не-единственному, но связанному, соединенному, соотносящемуся. В религии человек ощущает, что его видят и знают, прежде чем он сам себя узнал, но вместе с тем он сознает себя удаленным, отторгнутым от этого благого источника жизни, с которым стремится восстановить связь, установить религию. Итак, в самой общей форме можно дать такое определение религии: религия есть опознание Бога и переживание связи с Богом...

Религия зарождается в переживании Бога (под каким бы обликом ни совершилось это богооткровение). Но, чувствуя Бога, человек тем самым ощущает себя в «мире», другими словами, для него открывается основная религиозная антитеза, неизменно сопровождающая религиозную жизнь, - противоположность Бога и мира. Как будто от луча света, упавшего с высоты и свыше озарившего собою мир, загорается в душе сознание мира божественного, а вместе и устанавливается грань между горним и дольным, их разделяющая, но вместе и соединяющая. И в этом свете по-иному является этот мир, получается совершенно другой вкус, новое ощущение бытия - чувство мира как удаленного от Бога, но вместе с тем от Него зависящего. В душе человеческой появляется сознание неабсолютности и внебожественности, а следовательно, относительности и греховности своего бытия, но одновременно зарождается и стремление освободиться от «мира», преодолеть его в Боге; другими словами, вместе с религиозным самосознанием в человеке родится и чувство зла, вины, греха, отторженности от Бога, а равно и потребность спасения и искупления. Подняться из плена мира к Богу, из поработченности в царство свободы - такую жажду пробуждает в душе всякая религия, и тем глубже, чем выше и совершеннее она сама. Поэтому религиозное мироощущение неизменно сопровождается известным разочарованием в этом мире, пессимизмом в отношении к данному его состоянию, тем, что иногда зовется «мировой скорбью», но в то же время пессимизм этот есть только тень, которую бросает свет радостной веры, сулящей победу над миром, подающей надежду на освобождение и спасение. Мир утрачивает свою безусловность и свою единственность: над миром и в мире есть Бог, такова радостная весть всякой религии. Потому вообще религия - конечно, живая религия - есть радость всех радостей, хотя она и связывается с относительным пессимизмом, пробуждением от сна самодовольства и мировозлюбия...

Основное переживание религии, встреча с Богом, обладает (по крайней мере на вершинных своих точках) такой победной силой, такой пламенной убедительностью, которая далеко позади оставляет всякую иную очевидность. Его можно позабыть или утратить, но не опровергнуть. Вся история человечества, что касается религиозного его самосознания, превращается в какую-то совершенно неразрешимую загадку или просто нелепость, если не признать, что она опирается на живой религиозный опыт, т.е. если не принять, что все народы как-то видели и знали свои божества, знали о них не из одного «катехизиса». У пророков Израиля мы постоянно встречаем такие слова: *и сказал мне Бог*. Приходилось ли нам когда-нибудь задумываться над этими словами? Пытались ли мы понять их, хотя отдаленно переведа эти слова на свой религиозный опыт? «И сказал мне Бог!» Что это: неужели же только галлюцинация, самообман, шарлатанство, литературный прием, или?.. А если правда... если правда, что написано в этих книгах: Бог говорил, а человек слушал, слышал... Бога, конечно, не физическим органом слуха, но слышал сердцем, всем существом своим, и слово Божие звучало громче, чем все громы мира, убедительнее и достовернее, чем все его разумение.

Александр Мень «История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни». Современные этнографические исследования привели к замечательному открытию: понятием о единой высшей Силе обладают многие народы, находящиеся на начальной стадии цивилизации. Это открытие опрокидывает традиционные представления старой анимистической школы. «Схема, - говорит крупнейший этнограф В. Копперс, - которая и поныне доверчиво преподносится в колледжах и согласно которой религия началась с поклонения камням и деревяшкам, а затем, через почитание деревьев и животных, развилась в культ божеств с получеловеческими, полуживотными чертами и, наконец, поднялась до божеств с чисто человеческим обликом, - схема эта стоит ближе по научному уровню к Геродоту, чем к современному исследованию»...

Таким образом, у истоков культуры и религии стоит мировоззрение, которое прежними авторами относилось к самым поздним этапам. И чем менее народ затронут прогрессом материальной цивилизации, тем более сильны в нем исконные черты духовной жизни: вера в верховную Силу, нравственность, моногамия и др. Впрочем... не только пигмеи, но и большинство народностей сохранили в своей религии следы первобытного монотеизма, что окончательно укрепило новые позиции этнографов...

Этнография не может доказать прамонотеизма; она лишь показывает, что вера в Единого не есть продукт поздней истории, а присутствует на самых ранних стадиях духовного сознания.

У австралийских племен обнаружено в самой различной степени понятие о высшем Существо, хотя оно часто бывает отодвинуто на задний план пантеоном богов и духов. Племя аранда называет его Алитвира, племя лоритя - Тукура. У обитателей Виктории знание о Боге, который сотворил все и называется Бунджил, открывается только посвященным. «У племен нгарито и дед-дора женщины не знают его имени и называют его Папанг - Отец». У племени кайтиш - это небесный Отец Атнау. У юго-восточных племен - это Байаме и Бунджил. В некоторых случаях верховное Божество выступает как учредитель мистерий и зачинатель цивилизаций.

Что касается Африки, то, по словам известного советского этнографа С. А. Токарева, «здесь почти повсеместно находим представление о небесном божестве». Давид Ливингстон, миссионер и путешественник, который тридцать лет провел в девственных лесах Черного континента, говорил, что проповедникам христианства нет необходимости говорить туземцам о Боге, так как они уже давно знают о Нем...

Это очень характерная черта. Понятие о Боге в Африке почти не связано с его особым культом или связано в слабой степени. Так, у племени базима культ Иммана явно заслонен поклонением богам. «Почти во всех случаях, - отмечает Токарев, - небесное божество - не предмет культа». Как бы оно ни называлось: Ньям-би - у банту, Мулунгу - у восточноафриканских племен, Эн-гай - у масаев, кулункулов и зулусов, - оно стоит как бы на заднем плане. Этнограф Б. Оля, много лет работавший в республике Берег Слоновой Кости, пишет, что в религиях тропической Африки «Отец Вселенной ведет чисто мифическое существование, тогда как руководством мира занимается божество, представленное в литургии... Их можно рассматривать, как две ипостаси одного и того же божества. Активно действующий бог с более материальными интересами не противостоит Создателю».

Следы древнего понятия о Едином найдены и у народов Юго-Восточной Азии: Полинезии, Океании и Малайи. У андаманцев он известен под именем Пулуга, и опять-таки никакого культа этого Пулуги нет. Творцом, Тангорой, называют его в Новой Зеландии. При этом характерно, что среди племен, стоящих на более высоком уровне цивилизации, понятие о Высшем Боге почти совершенно исчезло. Что касается народов Америки, то они называют Творца Тахмагнаис - Великий Дух, а в других случаях Хавенейу - Держатель небес. Молитвы Великому Духу у индейских племен поражают своей чистотой и искренним чувством...

Для всякого беспристрастного человека очевидно, что если бы наука действительно была чем-то несовместимым с религией, то все творцы науки, все выдающиеся ученые должны были бы быть атеистами... Речь идет о совместимости науки и религии. А то, что большинство великих ученых прошлого и настоящего в разных странах были и являются людьми религиозными, есть красноречивое свидетельство такой совместимости...

Наука своим происхождением обязана религии, и обе они издавна существовали в тесной взаимосвязи... Храмы древневосточных были настоящей колыбелью науки, являясь первыми школами, лабораториями и обсерваториями. Первые анатомические атласы, первые математические формулы, первые карты вышли из рук людей, которые служили религии... Творцы античной науки были в то же время и религиозными мыслителями... В средние века Церковь осталась единственным культурным очагом в Европе, который сохранил семена античной науки...

«Пожалуй, самым непосредственным доказательством совместимости науки и религии, - писал Планк, - является тот исторический факт, что именно величайшие естествоиспытатели всех времен, такие люди, как Кеплер, Ньютон, Лейбниц, были проникнуты глубокой религиозностью». Карл Линней, создатель биологической классификации, говорил, что в многообразии мира живых существ видел силу Творца. М. Ломоносов называл веру и знание «дочерьми одного Отца». Б. Паскаль, И. Ньютон, М. Фарадей были богословами. Л. Пастер заявлял, что он молится в своей лабора-

тории. О Создателе, проявляющем Свою мощь в творении говорили физик А. Ампер и геолог Ч. Лайель; эмбриолог К. Бэр, химик М. Бутлеров, физик В. Крукс, физик Р. Майер, биолог А. Уоллес выступали против материализма...

Значение религии для работы ученого хорошо показал Эйнштейн, утверждавший, что вера в осмысленность мироздания вдохновляет исследователя. Религиозный ученый, раскрывая мировые закономерности в просторах Вселенной или в глубинах атома видит в них проявления Мирового Разума. Это придает особую значимость его исследованию.

№4. Попробуйте определить, какой теории связи Бога и мира соответствуют данные тексты (акосмизм, пантеизм, неоплатонизм, христианство, деизм, атеизм).

1. Джон Керуак «Писание Золотой Бесконечности». Так выходит что я создал это небо? Да, потому что не будь оно лишь образом моего сознания, я не смог бы сказать так: «Небо» - Поэтому я золотая бесконечность. И нет отдельных нас, читателя и писателя, есть одно, одна золотая бесконечность, Пребывающая-В-Себе, Пребывающая-Во-Всем...

Не будь мы золотой бесконечностью, нас и не было бы здесь. А раз уж мы здесь, нам никуда не деться от нашей чистоты. И повелеть человеку хранить чистоту, подобно карающему ангелу наказывающему зло, или ангелу милостивому воздающему за добро, все равно как приказать воде быть влажной – И все же, все сущее зависят от некой высшей реальности существующей в виде Кармы – заслуженной судьбы...

Бог не где-то вне нас, мы сами и есть Бог, живые и мертвые, никогда не жившие и никогда не умиравшие. Нам остается лишь осознать ее, эту высшую реальность, которая давным-давно записана в архивах универсального сознания, все это уже сделано, и больше делать ничего не нужно...

Неужто ты думаешь что пустота неба способна рассыпаться на кусочки? Любого ребенок знает что все мы попадем на небеса. И знание того что ничто и никогда не происходило не есть знание что ничто и никогда не происходило, а есть золотая бесконечность. Другими словами, нет лучше подарка для братьев и сестер твоих чем поделиться с ними знанием того что все происшедшее, все происходящее, и все что произойдет, на самом деле никогда не происходило, не происходит, и не произойдет, а есть золотая бесконечность. Ничто никогда не рождалось, ничто никогда и не умрет. На самом деле, не произошло даже и то что вы узнали о золотой бесконечности прочитав случайно это писание. Притворная сущность вещей обнаруживает себя. И что бы ни исходило от золотой бесконечности, бояться нечего: делай что хочешь.

2. Вергилий «Георгики».

Будто и пчелам не чужд божественный разум и дышат
Легким эфиром они, ибо бог насквозь проникает
Все: и сушу, и море, и неба лазурную бездну.
Вот откуда и скот, и звери, и люди черпают
Краткие жизни свои и куда, растворившись, вернуться
Все живое должно; и будто нет места для смерти:
К звездам каждая тварь улетает живой и на небе
Вечную жизнь обретает.

3. Посев Алексей Федорович «Очерки античного символизма и мифологии». Паламиты учили, что Свет Фаворский, виденный учениками Христа и подвижниками, не есть ни сама сущность Божия (ибо энергия сообщим а человеку, существо же Божие - несообщимо), ни тварное вещество (ибо иначе тварь обожалась бы через себя саму), но - присносущная энергия сущности Божией, отличная от самой сущности, но неотделимая от нее. Энергия, рассуждали паламиты, не вносит в Божество никакого разделения, или рассечения, ибо сущность остается сама по себе как (бы) носительницей этих энергий. Переходя к твари и освящая ее, она сама отнюдь не становится тварью, но продолжает быть неотделимой от Бога, т. е. самим Богом. Имя «Бог», говорили они, должно быть прилагательно не только к сущности Божией, но и к Его энергиям. Всякая энергия и все энергии вместе суть сам Бог, хотя Бог и не есть Его энергия, ни какая-нибудь одна, ни все взятые вместе...

Осияние и преображение твари (молитвенное восхождение, теургическое действо и пр.) возможно только потому, что есть нетварная энергия Божия, оформляющая и осмысляющая тварное естество (ибо иначе тварь никуда и не восходила бы, но оставалась сама собой и по себе); но, с другой стороны, осияние и восхождение возможно только потому, что тварь, своими силами и за свой риск и страх, стремится приблизиться к Богу (ибо энергия лично-производящего Бога, сообщенная человеку, становится лично-производящим устройством самого человека). Человек - тварь; след., он - не Бог по существу и не может стать таковым. Но человеку сообщима энергия Божия, которая есть сам Бог. Следовательно, человек *есть* бог -уже *по причастию*, стало быть, и *по благодати*, а не по сущности, и - может, должен стать им, т. е. *энергийно* стать, неотлично отождествиться с ним *по смыслу*, имея единственное отличие от него - по сущности, по *субстанции*, по *факту*, по *бытию*.

4. Пауло Козльо «Алхимик». — Ветер сказал мне, что ты знаешь любовь, - обратился Сантьяго к солнцу. — А если так, то должно знать и Душу Мира - она ведь сотворена из любви.

— Отсюда мне видна Душа Мира, - отвечало солнце. - Она обращается к моей душе, и мы вместе заставляем травы расти, а овец переходить с места на место в поисках тени. Отсюда - а это очень далеко от вашего мира - я научилось любить. Я знаю, что если хоть немного приближусь к Земле, все живое на ней погибнет и Душа Мира перестанет существовать. И мы издали глядим друг на друга и издали любим друг друга. Я даю Земле жизнь и тепло, а она мне - смысл моего существования.

— Ты знаешь любовь, — повторил Сантьяго.

— И знаю Душу Мира, потому что в этом нескончаемом странствии во Вселенной мы с ней много разговариваем. Она рассказала мне, в чем главная ее трудность: до сих пор лишь камни и растения понимают, что все на свете едино. И потому не требуется, чтобы железо было подобно меди, а медь ничем не отличалась от золота. У каждого свое точное предназначение в этом едином мире, и все слилось бы в единую Симфонию Мира, если бы Рука, которая написала все это, остановилась в пятый день Творения. Однако был и шестой.

5. Карл Маркс «К критике гегелевской философии права. Введение» Основа иррелигиозной критики такова: *человек создаёт религию*, религия же не создаёт человека. А именно: религия есть самосознание и самочувствование человека, который или ещё не обрёл себя, или уже снова себя потерял. Но *человек* - не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек - это *мир человека*, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они - *превратный мир*. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur [вопрос чести], его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, духовной *усладой* которого является религия. *Религиозное* убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия - это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она - дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа. Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья.

6. Вольтер «Основы философии Ньютона». Что до естественной религии, то ни один человек не был большим ее сторонником, нежели Ньютон, - разве лишь таким человеком является сам Лейбниц, его соперник в науке и добродетели. Я понимаю под естественной религией принципы морали, общие для всего человечества...

Я исхожу, прежде всего, из признания невозможности движения материи самой по себе; необходимо, чтобы она получала это движение извне; но она не может получить его от другой материи, ибо это было бы противоречием; следовательно, нужно, чтобы движение производила иная, имматериальная причина. Имматериальная причина - бог, и здесь необходимо принять во внимание, что ходячая аксиома: «Не следует прибегать к богу в философии», хороша лишь тогда, когда надо объяснить непосредственные физические причины. К примеру, я хочу объяснить, почему тяжесть в четыре фунта может служить противовесом тяжести в один фунт: если я скажу, что так распорядился бог, я окажусь невеждой; но я дам удовлетворительный ответ, если скажу, что один фунт удален от точки опоры на расстояние, в четыре раза превышающее расстояние от нее четырех фунтов. Не так обстоит дело с первыми принципами вещей: в этом случае невеждой оказывается тот, кто не прибегает к богу, потому что либо бога не существует вообще, либо первые принципы могут быть только в боге.

Именно он вложил в планеты ту силу, с которой они передвигаются с запада на восток; именно он заставил эти планеты и Солнце вращаться вокруг собственной оси.

Он начертал для всех тел единый закон, согласно которому все они одинаково тяготеют к своему центру. Наконец, он создал живые существа, которым даровал активную силу, с помощью которой они вызывают к жизни движение.

7. Алексей Федорович Лосев «История античной философии» Гностицизм (от греч. gnōsticos - «познавательный») – это религиозно-философское учение, возникшее в I - II вв. на почве объединения христианских идей о божественном воплощении в целях искупления, иудейского монотеизма и пантеистических построений языческих религий – античных, вавилонских, персидских, египетских и индийских...

Самым крупным представителем гностицизма является *Валентин*, не только совместивший в своей философской системе античные и христианские идеи, но и создавший прямо-таки грандиозную философскую поэму миротворения, не сводимую ни к античности, ни к христианству. Согласно системе Валентина, причина возникновения мира заключается в том, что последний из божественных эонов, то есть из тех двадцати восьми полулогических категорий, полумифологических существ, из которых состоит божественная область (плерома), по Валентину, а именно зон София, согрешила против отца, желая нарушить всю божественную субординацию, за что и была изгнана из плеромы. В дальнейшем разворачивается подробнейшая картина того, как грусть и слезы тоскующей по плероме Софии материализовались в небо и землю, как были созданы люди, среди которых выделяются гностики, то есть люди, изначально предназначенные к спасению. В конце концов София вместе с гностиками добивается с помощью Иисуса Христа, посланного Отцом с благой вестью о грядущем прощении Софии, прощения у Отца и допускается назад в плерому, а материальный мир, созданный из печали Софии, сгорает в огне. Цель истории мира - прощение Софии - достигнута, история мира завершилась.

8. Николай Кузанский О возможности-бытии; Игра в шар

Ведь так как вечность предшествует небытию, которое само не может перевести себя в бытие, необходимо, чтобы все благодаря вечному бытию возникало из небытия, или из несуществующего. Вечное бытие, таким образом, есть необходимость существования для всего...

Всякое бытие в вечном боге есть бог и все вещи! Так ведь поскольку вечный бог все производит из небытия, то, если бы сам он не был в действительном смысле бытием всего вообще и каждого в отдельности, как он мог бы производить из небытия?...

Все существует в боге, и все в нем – истина, которая не больше и не меньше; вещи пребывают там свернутым и неразвитым образом, как круг в точке...

Я утверждаю, что все это [творения] в свернутом виде есть бог, подобно тому как в развернутом виде в мирской твари оно есть мир.

№5. Какие способы решения проблемы происхождения зла и богооправдания предлагаются в данных текстах? Какой из них, по Вашему мнению, более приемлем и почему?

А) Лактанций. «О гневе божьем». «Бог, говорит Эпикур, либо хочет уничтожить зло и не может, либо может и не хочет, либо не может и не хочет, либо хочет и может. Если не хочет и не может, значит, он бессилён, что не подобает богу. Если он может и не хочет, значит, он завистлив, что также чуждо богу. Если же он не хочет и не может, значит, он и завистлив, и бессилён, и тогда он вовсе не бог. Если он хочет и может, что одно лишь подобает богу, то откуда же тогда берётся зло? И почему же он его не истребляет? Я знаю, что многих философов, которые выступают в защиту провидения, это доказательство приводит в замешательство, и они чуть ли не вынуждены признать, что бог ни о чем не заботится, — именно это более всего добивается [доказать] Эпикур. Но мы, исследуя суть вопроса, с лёгкостью опровергаем этот страшный аргумент. Ибо бог может [делать] все, что захочет, и богу не свойственны ни слабость, ни завистливость; следовательно, он может уничтожить зло и не хочет, и все-таки он не завистлив. Ведь он не уничтожает зло по той причине, что (как я уже сказал) он одновременно наделяет людей мудростью, а в мудрости гораздо больше приятного, нежели в зле досадного. Ибо мудрость способствует тому, что мы познаём бога, и благодаря этому познанию достигаем бессмертия, что является высшим благом. Итак, мы сможем познать добро не раньше, чем мы познаем зло. Но этого не видит ни Эпикур, ни кто-либо другой; если будет уничтожено зло, то погибнет также и мудрость; в человеке не останется и следа добродетели, смысл которой состоит в том, чтобы переносить и преодолевать горечь зла. Таким образом, ради незначительной пользы от уничтожения зла мы лишимся нашего собственного огромного блага; ведь ясно, что человеку предлагается все: как зло, так и добро».

Б) Дионисий Ареопагит «О Божественных именах». У добра одна причина. Если же зло противоположно добру, то у него должно быть множество причин, в творениях которых нет ни смысла, ни устойчивости, а только неустойчивость, немощь и беспорядочное смешение с греховным. Поэтому творения зла ни неизменны, ни постоянно самотождественны, но несовершенны, неопределённы и обладают стремлением к общению только с такими же несовершенными творениями зла. Благо — вот начало и конец всего: как злого, так и доброго, ибо все из Блага: как добро, так и то, что противоположно ему. Даже совершая зло, мы тоскуем по Благу, — никто ведь не надеется на помощь от зла, совершая что-либо; поэтому-то у зла и нет своего лица, но только личина, и рождается оно не само собою, а благодаря Благу. Злу даруется бытие по воле случая, и проявляться оно может только в чем-либо ином, поскольку не имеет собственного бытия; но так как оно все же рождается, то кажется подлинно существующим и рожденным из Блага, но по существу бытие его не подлинно, в силу того, что оно — не добро, хотя мы [порой] и принимаем его за добро, и, желая одного, делаем, очевидно, совершенно другое.

Итак, зло имеет бытие вопреки разуму, желанию, природе, а если оно и существует, то без цели, без причины, без начала, без завершения, без формы, без основания. Следовательно зло — это лишение, недостаток и оскудение [добра], оно порочно, слепо, бесцельно, беспричинно, безотносительно, безобразно, безжизненно, бездуховно, бесплодно, бездеятельно, бессильно, незаконно, неразумно, несовершенно, непостоянно, неопределённо, ему присущи неведение, небытие, и само по себе оно нигде, никогда и никак не существует...

Как вообще возможны злые существа при наличии Провидения? Но ведь зло как таковое, то есть в чистом виде, вне добра — не существует ни само по себе, ни в сущем, поскольку ни одно из существ не лишено промыслительного попечения. И если нет ни одного существа непричастного Благу, или всецело лишённого Блага, в то время как зло — это отсутствие Блага, то, следовательно, божественное Провидение промышляет о всех существах, и ни одно из них не лишено промыслительного попечения...

И поскольку Провидению не свойственно насильствовать природу, то, [полагая], мы не станем принимать во внимание нелепое мнение толпы, утверждающей, будто Провидение и против воли должно вести нас к нравственному совершенству. Следовательно, хотя Провидение сохраняет природу каждого существа, оно промышляет и о свободных — как о свободных, о всех и каждом в отдельности, и вообще, и в частности, то есть в соответствии с тем, насколько природа каждого из охраняемых Провидением существ в состоянии воспринять всю совокупность и разнообразие промыслительных благодеяний. Итак, зло есть не-сущее и его нет в сущем. Зла, как такового, нет нигде и возникает оно не вследствие своего могущества, а в силу оскудения [добра]. Даже демоны, поскольку они существуют, происходят из Блага и существование для них — благо; зло же возникает в них вследствие уклонения их от присущих им добродетелей, в силу искажения неизменных свойств и оскудения в них присущего ангелам по природе совершенства. И хотя они стремятся к Благу, поскольку желают жить, мыслить и вообще быть, однако желают они вовсе не Блага, а не-сущего, но это — не желание, а, скорее, извращение желания. Сознательно согрешающими в Писании называются те, кто словно позабыв о врожденном знании добра, творят зло, те, кто знают, но не исполняют заповеди, те, которые слышали [слово Божие], но чья вера и стремление к благодеяниям оскудели, те, которые не желают стремиться к соединению с Благом вследствие оскудения или извращения желаний.

В) Пьер Бейль «Исторический и критический словарь». Согласно учению манихейцев, между собой боролись два начала и в этом столкновении произошло смешение добра и зла...

Поскольку злоба... не менее реальная сущность, чем доброта, Вселенная требует, чтобы были существа злые и существа добрые; и так как доброе высшее существо и злое высшее существо не могут существовать в одном лице, необходимо, чтобы в природе вещей было бы существо по природе доброе и другое существо по природе злое...

Если бы человек был созданием одного бесконечно доброго и святого начала, то он был бы создан не только без каких-либо дурных качеств, но также и без какой-либо склонности к ним, поскольку эта склонность является изъяном, а изъян не может быть порожден таким творцом...

Два начала, устав от хаоса, когда каждое вмешивалось и разрушало то, что хотело сделать другое, заключили договор, каждое что-то уступило, каждое приняло участие в создании человека и основ единства его души. Доброе начало добивается тех законов, которые доставляют человеку множество удовольствий, и соглашается с теми, которые

подвергают человека множеству горестей. Если оно согласно, чтобы в человечестве морального блага было бесконечно меньше, чем морального зла, то оно возмещает себе это существованием отдельных созданий, у которых добродетели бесконечно больше, чем порока. Если многие люди имеют в этой жизни больше страданий, чем счастья, то это возмещается на том свете: то, чем они не обладают, будучи людьми, они получают, приобретая другую форму. Благодаря этому соглашению хаос рассеялся: хаос, говорю я, который был полем битвы двух активных начал... Вот на что мог бы сослаться Зороастр, гордясь тем, что он не приписывает благому началу, будто оно произвело по своей доброй воле существо столь злое и несчастное; что, по его воззрению, благое начало пошло на это, лишь убедившись на опыте, что оно не могло бы поступить лучше, не могло лучше противодействовать ужасным законам злого начала. Для того чтобы сделать менее кощунственной эту теорию Зороастра, можно было бы не признавать длительной войны между этими двумя началами, о которой говорили манихейцы. Можно было бы ограничиться признанием существования двух начал и того, что одно из них когда-то добилось чего-то от другого на определенных условиях, на основе которых было достигнуто вечное соглашение.

Г) Лев Николаевич Гумилев «Русь и Великая степь». Неизвестный переводчик воспринял древний текст как ряд последовательных тезисов и пронумеровал их, чем облегчил чтение и понимание оригинала... «Это странное учение сводилось к следующему:

1. Бог, который сотворил мир, — личность, но отнюдь не Абсолют.
2. Бог, создав пространство вне себя, ограничил себя, ибо Сам находится вне созданного Им пространства. Следовательно, Бог не вездесущ.
3. Создав время, явление самостоятельное, Бог ограничил себя, ибо Он не может сделать бывшее небывшим. Следовательно, Он не всемогущ.
4. Создав души, наделенные свободной волей, Бог не может предугадывать их поступки, иначе воля была бы не свободной. Следовательно, Он не всеведущ.
5. Это так, потому что Он добр, ибо если бы Он был вездесущ, то Он был бы и во зле, и в грехе, а этого нет.
6. Это так, потому что Он милостив, ибо если бы Он был всемогущ и не исправил бы зла мира сего, то это было бы не сострадание, а лицемерие.
7. Это так, потому что если бы Он был всеведущ, то знал бы злые помыслы людей, готовых сознательно совершить грех, а люди не могли бы избежать греха и поступить иначе, дабы не нарушить волю Его. Но тогда за все деяния должен отвечать Он, а не люди, которые всего лишь исполнители.
8. Бог добр, а значит, мир, Им сотворенный, благ. И чередование рождения и смерти — не зло, а благо. Вечная душа (атман) перерождается, забыв обиды и горе, перенесенные ею в предшествующей жизни. Цепь перерождений непрерывна. Но тогда откуда возникает зло?
9. Если Бог неповинен в зле мира сего, то источник зла - Сатана. Но если Сатана сотворен Богом, то вина за его дела - на Боге. Так как этого не может быть (это противоречит первому принципу), то, значит, Сатана - порождение небытия и сам небытие (шуньята).
10. Сатана действует, значит, небытие может стать активным. Небытие облекает частицы Света (фотоны) и влияет на свободную волю людей через ложь, через необратимость времени и через разрывы в пространстве. Зло приходит в мир из небытия, и горе тем, через кого оно приходит.
11. Те люди, животные, демоны, которые свободным волеизъявлением принимали обольщения Сатаны, превращались в нежить и теряли высшие блага: смерть и воскресение; ибо тот, кто не живет, не может ни умереть, ни воскреснуть.
12. Бог-создатель (может быть, Ади-Будда или Брахма) спасает людей по их молитве тем, что дает им силу преодолеть зло и страдания, чем вытесняет Сатану «во тьму внешнюю» (по отношению к материальному миру). Славьте Имя Его».

Д) Свами Вивекананда «Жнана-йога». Слово *майя* не предлагается как теория для объяснения мира. Оно только утверждение факта, что в самом основании нашего существования есть противоречие; что куда бы мы ни пошли, мы должны пройти через это ужасное противоречие, что, где есть добро, там должно быть и зло, и где зло, там должно быть и добро; что за жизнью всегда, как тень, следует смерть, что все, кто смеется сегодня, будет завтра плакать, а кто теперь плачет, будет после улыбаться. И это положение вещей не может быть исправлено...

Таким образом, философия веданта не оптимизм и не пессимизм. Она берет вещи как они есть, признавая факт, что этот мир есть смешение добра и зла, счастья и несчастья. Увеличьте одно, и вместе с этим увеличится другое. Мир никогда не будет хорошим, потому что уже в выражениях этой идеи заключается противоречие. Но он также не может быть и дурным. Веданта путем анализа открывает великую тайну, что добро и зло вовсе не существуют как отдельные самостоятельные вещи. Нет вещи в нашем мире, которую вы можете назвать безусловно хорошей, и нет вещи, которая только дурна. То же явление, которое сегодня кажется хорошим, завтра может оказаться дурным. Та вещь, которая причиняет горе одному, может быть причиной радости другого; огонь обжигающий ребенка, может сварить пищу голодному; нервы, приносящие ощущение боли, приносят и чувство удовольствия. Остановить зло поэтому можно только одним способом, - останавливая также добро. Другого способа нет. Чтобы остановить смерть, мы должны остановить жизнь. Жизнь без смерти и счастье без несчастья заключают в самых своих определениях противоречие и не могут быть осуществимы, так как в каждом случае оба они проявления одной и той же вещи...

Веданта же говорит: верно, что Абсолют или Бесконечное стремится выразить себя в конечном; но придет время, когда Он увидит, что это невозможно и пробьет отбой. Этот отбой и будет действительным началом религии... Все религии, от самой грубой до наиболее возвышенной, представляют собой попытки выйти из этой майи... все они имеют одну цель, - стремление вывести нас за пределы майи, открыть нам нечто, что выше нее. Одним словом, все они стремятся к свободе...

Эта идея свободы растет, пока не придет к понятию об Одном Личном Боге, неподчиненном ограничениям майи.

№6. Какая проблема обсуждается в данных текстах? Какие ее решения предлагаются? В чем противоречие между этими решениями? Какое из них ближе к истине и почему?

Михаил Александрович Бакунин «Антиатеизм». Христианство является религией, по преимуществу, именно потому, что оно представляет природу и сущность всякой религии, каковы: систематическое, абсолютное умаление, уничтожение и порабощение человечества в пользу божества, - высший принцип не только всякой религии, но и всякой метафизики, как деистической, так и пантеистической. Так как Бог - все, то реальный мир и человек - ничто. Так как Бог - истина, справедливость и бесконечная жизнь, то человек - ложь, несправедливость и смерть. Так как Бог господин, то человек - раб. Неспособный сам отыскать путь к справедливости и истине, он должен получить их, как откровение свыше, посредством посланников и избранных божьей милости. Если же существует откровение, должны существовать свыше вдохновленные пророки, должны существовать священники, а раз эти последние признаны за представителей божества на земле, за учителей и вождей человечества на пути к вечной жизни, то они тем самым получают миссию руководить, повелевать и управлять человечеством в его земном существовании. Все люди обязаны слепо верить им и беспрекословно им повиноваться; будучи рабами Бога, люди должны быть также рабами церкви и государства, поскольку это последнее благословлено церковью. Из всех существовавших религий одно христианство в совершенстве это поняло, а из всех христианских сект только римский католицизм провозгласил и осуществил этот принцип с полной последовательностью. Вот почему христианство является религией абсолютной, последней религией; вот почему апостольская римская церковь является единой последовательной, законной и божественной.

Поэтому, не во гнев будь сказано всем полуфилософам, всем так называемым религиозным мыслителям - *существование Бога логически связано с самоотречением человеческого разума и человеческой справедливости; оно является отрицанием человеческой свободы и необходимо приводит не только к теоретическому, но и к практическому рабству.*

И, если только мы не хотим рабства, мы не можем и не должны делать никаких уступок теологии, ибо, имея дело с этим мистическим π строго последовательным алфавитом, всякий, начав с А, фатально дойдет до Z; всякий, желающий обожать Бога, должен будет отказаться от свободы и достоинства человека.

Бог существует, значит, человек - раб.

Человек разумен, справедлив, свободен - значит, Бога нет.

Мы смело утверждаем, что никто не сможет выйти из этого круга; и в таком случае пусть выбирают.

Да и история нам показывает, что священники всех религий, за исключением лишь религий преследуемых, всегда были в союзе с тиранией.

Сергей Александрович Левицкий «Трагедия свободы». Но как примирить всемогущество Божие и свободу человека? Как говорит Кириллов в «бесах»: «Если Бог есть, то вся воля его, и из воли Его я не могу». И обратно, если моя воля свободна, то, значит, она не всецело определена Богом и, значит, Бог не всемогущ...

Антиномия Божьего всемогущества и человеческой свободы является, по-видимому, вообще рационально неразрешимой. В этом отношении интересен взгляд Бонавентуры, который утверждал, что рациональный синтез человеческой свободы и Божьего всемогущества невозможен, но что оба полюса этой антиномии должны утверждаться (за счет некоего сверхрационального синтеза): мы не должны жертвовать ни всемогуществом Божиим, ибо это нечестиво и уничтожает идею Божества, ни человеческой свободой, ибо без нее нельзя обосновать нравственной ответственности...

Разрешение этой мучительной проблемы может быть намечено одним лишь только путем: признанием что Бог сотворил человека свободным существом, относительно независимым от Него Самого. Ибо всемогущий Бог, по определению своего всемогущества, имел полную власть сотворить существо, обладающее непосредственно Ему Самому неподвластной свободой...

И в проекции на плоскость разума суждение это означает, что всемогущий Бог свободно ограничил свое всемогущество, ибо Он захотел сотворить свободу, а над свободой нельзя быть полновластным, не убив свободу. Ибо Бог захотел, чтобы свобода свободно признала Его власть, но не в порядке поражения в борьбе с Богом, а в порядке усмотрения Его абсолютного превосходства по ценности. Поэтому Бог наделил свободное человеческое существо тем, что Н. О. Лосский назвал «сверхкачественною творческою силою», т. е. способностью не только принимать решения, но и создавать новые качества в мире и в самом себе. Так, хотя творчество человека носит и относительный характер по сравнению с абсолютностью Божьего творчества, все же и оно содержит в себе элемент абсолютности...

Итак, мы приходим к выводу, что всемогущество и свобода примиримы лишь при условии, что Бог согласился свободно ограничить свое всемогущество ради сотворения свободных существ. Всеведение же Божье и свобода были бы согласуемы между собой, если бы мы отказались от мысли о всеблагости Божьей. Но при условии всеблагости мы должны прийти к заключению, что Бог свободно ограничивает и свое всеведение — как необходимый результат самоограничения своего всемогущества...

Мало того, утверждение свободы без всемогущества оставляет неразрешимой загадку возникновения самой свободы, тогда как утверждение всемогущества Божьего делает, по крайней мере принципиально, приемлемой мысль о том, что только Всемогущий мог сотворить свободу. Поэтому бытие Божье есть условие возможности свободы. Но эта мысль необратима: бытие Божье не требует свободы как своего условия. Бог вполне самодостаточен, и Он мог бы не творить ни мира, ни свободных существ.

Николай Александрович Бердяев «Самопознание». В центре моего религиозного интереса всегда стояла проблема теодицеи. В этом я сын Достоевского. Единственным серьезным аргументом атеизма является трудность примирить существование всемогущего и всеблагого Бога со злом и страданиями мира. Все богословские учения мне представ-

лялись недопустимой рационализацией тайны. Проблема теодицеи была для меня прежде всего проблемой свободы, основной в моей философской мысли. Я пришел к неизбежности допустить существование несотворенной свободы, что, в сущности, означает признание тайны, не допускающей рационализации, и описание духовного пути к этой тайне...

Если Бог-Пантократор присутствует во всяком зле и страдании, в войне и в пытках, в чуме и холере, то в Бога верить нельзя и восстание против Бога оправданно. Бог действует в порядке свободы, а не в порядке объективированной необходимости. Он действует духовно, а не магически. Бог есть Дух. Промысел Божий можно понимать лишь духовно, а не натуралистически. Бог присутствует не в имени Божьем, не в магическом действии, не в силе этого мира, а во всяческой правде, в истине, красоте, любви, свободе, героическом акте. Наиболее неприемлемо для меня чувство Бога как силы, как всемогущества - и власти. Бог никакой власти не имеет. Он имеет меньше власти, чем полицейский. Категория власти и могущества социологическая, она относится лишь к религии как социальному явлению, есть продукт социальных внушений. Бог не имеет власти, потому что на Него не может быть перенесено такое низменное начало, как власть. К Богу не применимо ни одно понятие, имеющее социальное происхождение. Государство есть довольно низменное явление мировой действительности, и ничто, похожее на государство, не переносимо на отношения между Богом и человеком и миром. На Бога и божественную жизнь не переносимы отношения властвования. В подлинном духовном опыте нет отношений между господином и рабом. Тут правда целиком в теологии апофатической. Катафатическая теология находится во власти социальных внушений. Очищение и освобождение христианского сознания от социоморфизма мне представляется важной задачей христианской философии. Теология находится во власти социоморфизма, она мыслит Бога в категориях социальных отношений властвования. И это особенно относится к теологической мысли о Боге Отце, о Боге как Творце мира. Я всегда сильнее чувствовал Бога Сына, Христа-Богочеловека, Бога человеческого, чем Бога-Силу, Бога-Творца. Это и означало, что мысль о Боге Отце, Творце мира, мне представлялась наиболее зараженной и искаженной космоморфизмом и социоморфизмом. В Бога можно верить лишь в том случае, если есть Бог Сын, Искупитель и Освободитель, Бог жертвы и любви. Искупительные страдания Сына Божьего есть не примирение Бога с человеком, а примирение человека с Богом. Только страдающий Бог примиряет со страданиями творения. Чистый монотеизм не приемлем и есть последняя форма идолопоклонства. В противоположность Шлейермахеру и многим другим я думаю, что религия есть не чувство зависимости человека, а есть чувство независимости человека. Человек есть существо, целиком зависимое от природы и общества, от мира и государства, если нет Бога. Если есть Бог, то человек есть существо духовно независимое. И отношение ж Богу определяется не как зависимость человека, а как его свобода. Бог есть моя свобода, мое достоинство духовного существа. Ложное учение о смиреннии исказило христианство и унизило человека как богоподобного духовного существа. Оно, конечно, тоже есть порождение социоморфизма...

Творческий акт человека и возникновение новизны в мире не могут (быть) поняты из замкнутой системы бытия. Творчество возможно лишь при допущении свободы, не детерминированной бытием, не выводимой из бытия. Свобода вкоренена не в бытии, а в ничто, свобода бесосновна, ничем не определяема, находится вне казуальных отношений, которым подчинено бытие и без которых нельзя мыслить бытия...

Но в «Смысле творчества» я уже выразил основную для меня мысль, что творчество есть творчество из ничего, то есть из свободы. Критики приписывали мне нелепую мысль, что творчество человека не нуждается в материи, в материалах мира. Но ничего подобного я никогда не утверждал. Творческий акт человека нуждается в материи, он не может обойтись без мировой реальности, он совершается не в пустоте, не в безвоздушном пространстве. Но творческий акт человека не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром. Это и есть тот элемент свободы, который привходит во всякий подлинный творческий акт. В этом тайна творчества. В этом смысле творчество есть творчество из ничего. Это лишь значит, что оно не определяется целиком из мира, оно есть также эманация свободы, не определяемой ничем извне. Без этого творчество было бы лишь перераспределением элементов данного мира и возникновение новизны было бы призрачным. Меня беспокоила и интересовала более всего тема, как из небытия возникает бытие, как не существовавшее становится существующим. Переход небытия в бытие не может быть объяснен из уже детерминированного бытия. Но это и есть тема о свободе. Признать, что свобода вкоренена в небытие или ничто, значит признать иррациональную тайну свободы. Это может быть выражено лишь в символическом описании духовного опыта. О небытийственной, добытийственной свободе *нельзя* составить понятия. Я признавал, что творческие дары даны человеку Богом, но в творческие акты человека привходит элемент свободы, не детерминированный ни миром, ни Богом. Творчество есть ответ человека на призыв Бога. Бесплодно и нелепо ставить вопрос о том, может ли быть оправдано творчество с точки зрения религии искупления. Для дела искупления и спасения можно обойтись без творчества. Но для Царства Божьего творчество человека необходимо. Царство Божье приходит и через творческое дело человека. Новое, завершающее откровение будет откровением творчества человека. Это и будет чаемая эпоха Духа. И в ней, наконец, реализуется христианство как религия Богочеловечества. Я сознал религиозный, а не культурный только смысл творчества, творчества не оправдываемого, а оправдывающего. В глубине это есть дерзновенное сознание о нужде Бога в творческом акте человека, о Божьей тоске по творящему человеку. Творчество есть продолжение миротворения. Продолжение и завершение миротворения есть богочеловеческое, Божье творчество с человеком, человеческое творчество с Богом...

Творческий акт в своей первоначальной чистоте направлен на новую жизнь, новое бытие, новое небо и новую землю, на преображение мира. Но в условиях падшего мира он отяжелевает, притягивается вниз, подчиняется необходимому заказу, он создает не новую жизнь, а культурные продукты большего или меньшего совершенства. Результаты творчества носят не реалистический, а символический характер. Создается книга, симфония, картина, стихотворение, социальное учреждение. Есть несоответствие между творческим взлетом и творческим продуктом.

